

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВОПРОСЫ
СЛАВЯНСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВЫПУСК

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

ВОПРОСЫ
СЛАВЯНСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВЫПУСК
1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — 1954

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
проф. С. Б. БЕРНШТЕЙН

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Институте славяноведения АН СССР в настоящее время начата работа в области сравнительно-исторического изучения славянских языков. Создание обобщающей сравнительной грамматики славянских языков требует предварительной работы над рядом специальных вопросов, критической оценки наиболее значительных трудов по славянскому языкознанию, обсуждения многих теоретических вопросов, связанных с дальнейшей разработкой методов и приемов сравнительного изучения групп родственных языков.

Первый выпуск сборника „Вопросы славянского языкознания“ посвящен определению задач сравнительно-исторического изучения славянских языков, явлениям чередования в общеславянском „языке-основе“ и образованию имперфекта от глаголов совершенного вида.

С. Б. БЕРНШТЕЙН

**ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ
И ПРИНЦИПЫ „СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ“**

§ 1. После длительного перерыва перед советскими лингвистами вновь поставлена важнейшая задача сравнительно-исторического изучения групп родственных языков. Несмотря на совершенно ясные и четкие заявления Маркса и Энгельса о важности сравнительно-исторического метода, последователи и ученики Н. Я. Марра объявили сравнительное языкознание порождением идеалистических и расистских тенденций буржуазной науки. Приостановив на длительный срок исследования в области сравнительного языкознания, нарушив нормальную подготовку молодых ученых, марристы нанесли советской науке большой ущерб. Почти прекратились исследования в области истории русского языка (особенно древнейшего периода), так как они могли успешно проводиться лишь на основе сравнительно-исторического изучения славянских языков. Борьба со сравнительно-историческим методом привела к застою и другие разделы нашей науки.

Полное игнорирование сравнительной грамматики славянских языков крайне отрицательно сказалось и на исследованиях историков и археологов в области изучения древнейших судеб славянства. Опираясь на этногенетические теории Марра, они выдвигали положения, которые полностью противоречили всем известным фактам.

Перед специалистами по сравнительной грамматике славянских языков в настоящее время стоят очень ответственные задачи. Необходимо начать работу над специальными монографиями, приступить к написанию сводной сравнительной грамматики славянских языков, обратить особое внимание на подготовку молодых специалистов. «Необходимо в ближайшие же годы написать сравнительно-историческую грамматику славянских языков. Чтобы приблизить осуществление этой важнейшей задачи, выдвинутой И. В. Сталиным, следует немедленно и энергично взяться за собирание новых материалов, относящихся к исследованию истории грамматического строя отдельных славянских языков, прежде всего русского. Для выполнения этой важной задачи, тесно связанной с изучением „языкового родства славянских наций“, нужны дополнительные меры, необходимы объединенные усилия институтов языкознания и Института славяноведения Академии Наук СССР и Украинской Академии Наук»¹.

¹ В. В. Виноградов. Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке. — «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“». Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 109—110.

После 1950 г. опубликовано много статей, посвященных сравнительно-историческому методу, определению задач, стоящих в настоящее время перед специалистами в области сравнительного языкознания (главным образом славянского). Нет сомнения, что они принесли большую пользу и помогли подойти к исследованию конкретного материала на новых методологических основах.

В настоящее время начата работа над рядом специальных монографий („История категории твердости и мягкости согласных в славянских языках в связи с историей вокализма“, „Творительный падеж в славянских языках“, „История именных и местоименных прилагательных в славянских языках“, „История видовых отношений славянского глагола“). Утверждено несколько новых диссертационных тем. Принятое к написанию большого проспекта по сравнительной грамматике славянских языков.

Создание обобщающей сравнительной грамматики славянских языков — дело очень трудное и ответственное. Оно требует предварительного решения многих сложных вопросов. Необходимо точно определить содержание данной грамматики, что, как мы увидим дальше, не так-то просто и легко сделать. Нужно всесторонне оценить вклад русских ученых в сравнительно-историческое изучение славянских языков, обратив при этом особое внимание на основные методологические принципы. Не менее важной задачей является анализ состояния современного зарубежного языкознания. Особое внимание нужно обратить на сравнительно-историческое изучение групп родственных языков представителями различных школ и направлений (теория субстрата, структурализм, неолингвистика и др.). В самых общих чертах недостатки многих новейших исследований нам ясны и теперь. Мы не можем принять антиисторических схем „неолингвиста“ Д. Бонфанте, бесплодных сравнительных сопоставлений отдельных изолированных фактов, характерных для структуралистов. Однако необходимо уяснить не только суть основных ошибок, с которыми приходится встречаться в новейших зарубежных исследованиях по сравнительно-историческому языкознанию. Эти труды требуют всестороннего анализа и критики с позиций советского языкознания. Это необходимо еще и потому, что во многих трудах мы находим немало ценных и важных наблюдений и открытых, которые необходимо учитывать в полной мере¹.

Совершенно очевидно, что работа над созданием сводной сравнительной грамматики славянских языков должна вестись в самом тесном контакте с передовыми лингвистами стран народной демократии, работающими в области сравнительного языкознания. В последние годы в Чехословакии, Польше и Болгарии начался серьезный пересмотр основных методологических принципов, лежащих в основе сравнительно-исторических исследований. Так, в чешском журнале „Slavia“ напечатано несколько статей, авторы которых стремятся по-новому подойти к определению основных задач сравнительной грамматики. Проф. Б. А. Гавранек в своей статье справедливо указывает на то, что „буржуазная лингвистика завела сравнительное изучение славянских языков в тупик“². Он обращает внимание на необходимость серьезной критики структурализма, который в довоенной Чехословакии пустил глубокие корни и влияние которого еще сильно оказывается в настоящее время. Аналогичная задача стоит и перед польскими и болгарскими лингвистами.

¹ См., например, очень важное для славистов новейшее исследование Ю. Куровича. *L'accentuation des langues indo-européennes*. Kraków, 1952.

² „Srovnávací slovanská jazykověda ve světle Stalinových prací“. — „Slavia“, XXI, 1, 1952, стр. 1.

§ 2. В течение последних лет значительно возрос интерес к проблемам сравнительно-исторического метода. Было напечатано несколько статей, в которых определялись достоинства и недостатки этого метода, устанавливались взаимоотношения между сравнительно-историческим методом и методом сопоставительным, высказывалось много различных соображений о сферах применения сравнительно-исторического метода. Бессспорно, эти статьи помогут в дальнейшей работе над сравнительной грамматикой славянских языков. Однако некоторые положения вызывают возражения, их необходимо предварительно обсудить.

Следует указать, что большинство авторов не делает различий между сравнительно-историческим методом и сравнительной грамматикой групп родственных языков. А между тем это вещи разные. Сравнительно-исторический метод получает широкое применение не только в сравнительной грамматике. Этим методом обычно пользуются историки отдельных языков, диалектологи. Различные типы южновеликорусского яканья были установлены именно с помощью сравнительно-исторического метода. С другой стороны, специалист по сравнительной грамматике пользуется различными методами и приемами исследования, среди которых сравнительно-исторический метод занимает, бесспорно, центральное место. Например, сравнительно-исторический метод, опирающийся на изучение родственных морфем, не может найти применения в области синтаксиса. Отсюда нельзя делать вывод, что в сравнительной грамматике нет места для синтаксиса. Изучение синтаксических вопросов теперь должно стоять в центре внимания специалистов по сравнительной грамматике. Однако нет никакого сомнения в том, что, скажем, общеславянская форма **gord* и общеславянские функции творительного падежа восстанавливаются различными приемами.

Исследуя родственные морфемы в различных условиях, в разные исторические периоды, мы в ряде случаев уверенно и безошибочно можем реконструировать утраченный уже в дописьменный период вид морфем. Все фонетические соответствия родственных языков, наконец, все фонетические законы были установлены с помощью сравнительно-исторического изучения родственных морфем. Именно на этой основе и строится сравнительно-исторический метод.

Иными приемами приходится пользоваться при изучении значений различных грамматических категорий (например, значений падежей), при изучении синтаксических конструкций. Нужно прямо сказать, что сравнительно-историческое языкознание не выработало точных и вполне научных приемов сравнения в области синтаксиса.

Сравнительный синтаксис оказался наименее разработанным отделом, несмотря на то, что уже в первой половине XIX в. ему уделялось большое внимание (ср. например, работы Ф. Миклошича). Объяснялось это тем, что лингвисты не сумели выработать строгого метода реконструкции при изучении функций различных грамматических категорий. Эта задача не решена и в настоящее время. Именно этим объясняются бесконечные споры о функциях глагольного вида в общеславянском языке, о значениях падежей в древнейший период истории индоевропейских языков.

Изучение истории синтаксических явлений дописьменного периода представляет собою большие трудности. Оно требует тщательного и глубокого исследования памятников письменности, говоров, привлечения материала многих родственных языков. Исследователь должен обратить особое внимание на историю функций различных синтаксических категорий в отдельных славянских языках. При изучении синтаксиса особенно опасны различные внешние сопоставления. В качестве

примера можно указать на утверждение проф. Эндзелина о том, что творительный предикативный в славянских и балтийских языках является доказательством славяно-балтийского единства.

Еще в 1911 г. в своих „Славяно-балтийских этюдах“ проф. Эндзелин обратил внимание на творительный предикативный в славянских и балтийских языках. Тогда он высказал предположение, что данное синтаксическое явление „указывает на эпоху совместной жизни славянских и балтийских племен“¹. Несмотря на то, что это положение было подвергнуто основательной критике, проф. Эндзелин вновь повторил его в 1953 г. в еще более категорической форме². К такому выводу Эндзелин пришел на основе внешнего сопоставления сходных синтаксических конструкций, без учета истории этих конструкций в славянских и балтийских языках.

Творительный предикативный в славянских языках появился сравнительно поздно³. Его нет в старославянском языке. Различной степени развития он достиг в славянских языках. В южных славянских языках он встречается редко. Памятники славянской письменности хорошо показывают процесс вытеснения второго именительного творительным падежом. Нет никакого сомнения, что общеславянский язык в составе сказуемого творительного падежа не употреблял.

Совсем другой характер носит творительный предикативный в балтийских языках. И здесь он не является общей синтаксической конструкцией. Наибольшее развитие он получил в литовском языке. Очень важно указать на то, что в латышском языке эта синтаксическая конструкция, по свидетельству самого Эндзелина, является архаической и встречается ныне только в народных песнях. „О том, что и латыши прежде могли так выражаться (т. е. употреблять творительный падеж в именной части сложного сказуемого. — С. Б.), свидетельствуют латышские народные песни“⁴. Таким образом, в латышском второй именительный вытеснил творительный падеж, что в данном пункте существенно отличает его от литовского языка.

Итак, данное синтаксическое явление не может свидетельствовать в пользу теории „славяно-балтийского языка-основы“. Эндзелин допустил грубую ошибку в самом принципе сравнения синтаксических явлений, так как он не исходил из внутренних законов развития славянских и балтийских языков.

При изучении истории падежей перед исследователем встают различные задачи, которые требуют разнообразных методов и приемов исследования. Его может интересовать происхождение и история падежных формативов. Этот вопрос решается с помощью сравнительно-исторического метода. Он дает нам возможность изучить генезис различных флексий, историю их в отдельных родственных языках. Но перед исследователем стоит еще задача изучения синтаксических функций и истории значений падежей. Эти вопросы не могут быть изучены с по-

¹ „Славяно-балтийские этюды“. Харьков, 1911, стр. 190.

² „Древнейшие славяно-балтийские языковые связи“. Академия наук Латвийской ССР. Институт языка и литературы. Труды II, Рига, 1953, стр. 77.

³ В. В. Виноградов справедливо пишет: „Распространение так называемого творительного предикативного, выступившего на смену второму падежу в конструкциях с двойным винительным или дательным, во всех славянских языках явление относительно позднее, хотя степень активизации этого процесса в разных славянских языках неодинакова и время его интенсивного развития в отдельных языках различно. Необходимо согласиться, вопреки мнению И. Эндзелина, с положением Френкеля о независимости течения этого процесса в балтийских и славянских языках“. „Вестник Московского университета“. 1946, № 3—4, стр. 14.

⁴ „Древнейшие славяно-балтийские языковые связи“, стр. 77.

мощью сравнительно-исторического метода. Они требуют других приемов изучения.

Язык развивается по определенным законам. Необходимо учитывать своеобразное проявление этих законов в различных аспектах языка. Изучая звуковой строй, мы видим, как в результате определенных фонетических законов происходит изменение одних звуков в другие. Сравнительно-исторический метод дает нам возможность изучить эти законы и на основе их реконструировать древнейший вид морфем „языка-основы“.

Развитие синтаксических конструкций и значений идет иначе. Лингвистам удалось восстановить большинство индоевропейских падежных флексий. Однако древнейшие значения индоевропейских падежей до сих пор определить не удалось, так как развитие их значений происходило гораздо сложнее.

Трудно в настоящее время точно определить приемы реконструкций функций и значений. Особенно сложно это сделать при изучении индоевропейского „языка-основы“. Задача, как нам представляется, состоит в настоящее время в том, чтобы детально изучить историю функций и значений по памятникам письменности с широким привлечением данных говоров. В этом направлении предстоит еще большая работа. До сих пор историки синтаксических явлений игнорируют диалектологический материал¹. Изучив историю функций и значений различных грамматических категорий, синтаксических конструкций в отдельных славянских языках, мы получим надежный материал для характеристики общеславянского языка.

В журнале „Вопросы языкоznания“ (№ 4 за 1952 г.) была напечатана очень содержательная статья А. И. Смирницкого „К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкоznании“, которая содержит ряд важных и принципиальных положений. Однако имеются в ней и спорные утверждения.

Правильно указав на то, что сравнительно-исторический метод опирается на изучение морфемы, А. И. Смирницкий, однако, полагает, что изучение родственных морфем в пределах одного языка уже выходит за рамки этого метода. Сравнительное изучение родственных морфем в одном языке производится с помощью метода фономорфологического анализа. Можно, следовательно, говорить о „методе фономорфологического анализа“ как другом приеме восстановления, существующем наряду со сравнительно-историческим методом. Различием между обоими методами является то, что при сравнительно-историческом методе сравниваются факты разных языков, тогда как при „методе фономорфологического анализа“ сопоставляются факты в пределах одного языка (почему здесь и говорят о „внутренней“ реконструкции).

Фономорфологический анализ является важным дополнением к сравнительно-историческому методу, с которым он естественно может сочетаться². Это положение проф. Смирницкого представляется нам ошибочным. Фономорфологический анализ слов присутствует в любом лингвистическом исследовании. Существо этого анализа бывает различным в зависимости от характера и задач самого исследования. Присутствует этот анализ и в любом сравнительно-историческом труде. Противопоставлять вслед за некоторыми зарубежными лингвистами

¹ Ср., например, недавно защищенную диссертацию Е. А. Седельникова „Функции непредикативных конструкций с творительным падежом в древнерусском литературном языке“. М., 1953 (Автореферат диссертации).

² „Вопросы языкоznания“, 1952, № 4, стр. 14.

„внутреннюю“ и „внешнюю“ реконструкции нет оснований. Методы и приемы сравнительно-исторического изучения родственных морфем только в одном литературном языке, или во всех диалектах одного языка, или, наконец, во всех родственных языках будут одинаковыми.

Например, существование носового гласного в слове „рука“ доказывается сравнением этого русского слова с польским *ręka*, со старославянским *rъka*, с болгарским *rъka*, со словенским *roka*, славянских примеров с литовским *ranka*. Однако для доказательства существования носовых гласных в древнерусском языке в ряде случаев достаточно ограничиться сравнением родственных морфем в современном русском литературном языке (ср. *взять — возьму, жать — жну, имя — имена, запутывать — запонка, дуть — надмениный* и т. д.). И в том и в другом случае мы имеем дело с одним и тем же приемом изучения родственных морфем, который в нашей науке называется сравнительно-историческим методом.

Таким образом, дальнейшая разработка более точных приемов сравнительного изучения родственных языков, ограничение собственно сравнительно-исторического метода от близких ему приемов сравнения должны идти не по тому пути, который рекомендует А. И. Смирницкий. Сравнительно-исторические исследования в области синтаксиса строятся на других приемах, нежели в области фонетики и морфологии. Нет сомнения, что и изучение лексики также потребует разработки новых приемов исследования групп родственных языков.

§ 3. Уже теперь, в самом начале нашей работы, мы должны тщательно продумать вопрос о построении будущей сравнительной грамматики славянских языков, принципах отбора материала.

Построение сравнительной грамматики Миклошича нельзя признать удачным. Как известно, его труд представляет собой собрание кратких очерков отдельных славянских языков: старославянского, словенского, болгарского, сербо-хорватского, украинского, русского, чешского, польского, верхнелужицкого и нижнелужицкого. При таком плане невозможно изложить историю общеславянского языка, общеславянские процессы в отдельных славянских языках, установить соотносительную хронологию различных процессов, определить характер родственных связей между славянскими языками в различные периоды их истории.

Аналогично построены „Лекции по славянскому языкоznанию“ Т. Д. Флоринского и „Славянское языкоzнание“ А. М. Селищева. Однако эти авторы не ставили перед собой задачу создания сравнительной грамматики.

Нам представляется, что мы должны последовать примеру других лингвистов, в частности В. Вондрака, который в своей „*Vergleichende slavische Grammatik*“ дает синтетическое описание фонетики, словообразования, морфологии и синтаксиса. По такому плану написано большинство сравнительных грамматик. Именно такой план избрал и Андре Вайан, опубликовавший в 1950 г. первый том (фонетику) своей сравнительной грамматики славянских языков.

Кроме указанных выше разделов, в сравнительной грамматике должен быть раздел, посвященный лексике. В нем необходимо подвести основные итоги многолетним этимологическим исследованиям славистов. В таком разделе крайне заинтересованы историки, стремящиеся использовать данные языка для изучения древнейшей истории славян.

Большое место должно быть уделено истории изучения славянских языков.

Прежде лингвисты очень легко и просто решали вопросы о границах между фонетикой и морфологией, между морфологией и синтаксисом. Именно поэтому для Вондрака не существовало никаких трудностей

при распределении материала по разделам его книги. В настоящее время эти вопросы решаются гораздо сложнее. Для нас теперь нет сомнения, что древнейшие чередования гласных уже в общеславянском языке не были позиционно обусловлены, а представляли собой непозиционные чередования различных фонем в составе одной морфемы. Именно поэтому они должны рассматриваться при изучении грамматического строя общеславянского языка, а не в разделе, посвященном фонетике.

Сложнее решаются вопросы чередования согласных. В общеславянском языке они были позиционными, т. е. характеризовали звуковой строй. Позже и они стали непозиционными. Именно поэтому различные изменения согласных придется рассматривать как в фонетике, так и в других разделах.

В настоящее время нельзя историю ударения и количества излагать только в фонетике. Славянская интонация, возникшая в результате перехода ударения с внутренних слогов на начальный, впоследствии начала играть важную морфологическую роль. Вот почему историю ударения придется излагать в различных разделах грамматики.

Таким образом, распределение материала по различным разделам книги требует серьезного обсуждения. Это важный теоретический вопрос.

Еще сложнее решить задачу отбора материала. Она тесно связана с определением задач сравнительно-исторического изучения групп родственных языков. Решается эта задача по-разному.

В рецензии на „Grammaire comparée des langues slaves“ Вайана П. С. Кузнецова пишет: «Задачей сравнительно-исторической фонетики является восстановление на основании сопоставления звуковых систем родственных языков различных периодов их исторически засвидетельствованного существования звуковой системы, общей для данной группы или семьи „языка-основы“ (в какой мере, конечно, эта система может быть восстановлена), и определение тех путей, какими эта система развивалась, преобразовывалась постепенно в различные звуковые системы, которые ныне характеризуют отдельные родственные языки и их диалекты»¹. Нельзя согласиться с таким определением объема сравнительной фонетики. Все ли явления исторической фонетики славянских языков должны войти в сравнительную грамматику славянских языков? Конечно, нет. Сравнительная фонетика не должна представлять собою механического соединения исторических фонетик отдельных славянских языков. Сравнительная грамматика — самостоятельная область языкоznания со своей проблематикой и своим материалом. Конечно, она самым тесным образом связана с историей отдельных родственных языков. Больше того, нельзя определить объема сравнительной грамматики, решить вопрос о включении того или иного явления в сравнительную грамматику, не опираясь при этом на изучение внутренних законов развития отдельных языков. Но при этом нужно видеть не только общее, не только то, что связывает сравнительно-историческое изучение групп родственных языков и изучение истории одного из этих языков, но и отличное, особенное. Специалист по сравнительной грамматике изучает историю „языка-основы“ и те явления в истории отдельных родственных языков, которые объединяют их в одну группу, которые в какой-то степени являются реализацией законов, действовавших в древнейший дописьменный период их истории. Так, у нас нет оснований включать в сравнительную грамматику славянских языков изменения безударного вокализма в южновеликорусских, белорусских, восточно болгарских и словенских говорах, так как эти

¹ ИАН, ОЛЯ, X, 4. М., 1951, стр. 393—394.

процессы сравнительно позднего происхождения, генезис их в указанных славянских языках различен. Это уже давно достаточно убедительно было доказано акад. Шахматовым. В сравнительной грамматике большое место должно занять всестороннее изучение истории славянской именной системы. Но нет сомнения, что утрата падежных флексий в болгарском языке не может трактоваться в сравнительной грамматике.

При исследовании многих частных проблем отдельных языков лингвист может стать на путь сравнения, он может привлечь разнообразные факты из родственных языков, которые окажутся ему очень полезными и нужными. Трудно предусмотреть все возможные случаи. Однако в сводной сравнительной грамматике должен быть произведен строгий отбор фактов. В ней должны найти место лишь те явления из поздней истории языков, которые в какой-то степени являются отражением общих процессов для данной группы родственных языков.

§ 4. Одной из центральных задач, стоящих перед исследователями в области сравнительной грамматики славянских языков, является изучение истории общеславянского «языка-основы». Необходимо обратить особое внимание на установление принципов изучения истории дописьменного периода, на необходимость всестороннего анализа трудов, посвященных общеславянскому языку.

Современные индоевропейские языки имеют длительную историю. От начальных эпох их развития и до появления первых памятников письменности прошел очень большой срок. Так, древнейшие памятники балтийской ветви индоевропейских языков идут только от XV—XVI вв. н. э. Естественно, что балтийские языки изменились во все эпохи их существования. Нельзя понять структуры современных языков, если игнорировать дописьменную эпоху, более длительную и для ряда языков более важную, нежели период, отраженный в сохранившихся рукописных и старопечатных текстах.

Впервые славянская речь получила литературную обработку во второй половине IX в. н. э. На основании сохранившихся древнейших памятников (самый старый датированный текст от 943 г.) мы можем представить состояние славянских языков к концу первого тысячелетия н. э. И нужно сказать, что уже самые первые памятники славянской речи свидетельствуют, что славянские языки к этому времени пережили чрезвычайно глубокие изменения. Именно в дописьменный период был пережит процесс утраты закрытых слогов, в результате которого произошли существенные изменения в звуковом и грамматическом строе общеславянского языка.

Нельзя сказать, что лингвисты игнорируют дописьменный период. Наоборот, начиная с самого возникновения сравнительно-исторического языкознания, основное внимание компаративистов было направлено именно на реконструкцию древнейших утраченных форм. Бессспорно, дописьменный период в истории всех индоевропейских языков изучался более тщательно, нежели поздние эпохи. И тем не менее в изучении именно этого периода обнаруживаются существенные недостатки.

Дописьменный период истории большинства языков — это время существования родовых и племенных языков. Чаще всего письменность на родном языке появляется в эпоху раннего феодализма, уже в период существования народности и народного языка. Занимаясь изучением истории любого современного языка или группы родственных языков, мы не можем и не должны ограничиваться изучением лишь сравнительно поздних эпох, изучением только народных и национальных языков.

Старой науке о языке не удалось полностью разрешить проблемы изучения истории языков дописьменного периода. В языкознании крепко

утвердилось ложное учение о „доисторическом периоде“. И тут дело не только в термине. Это учение вполне соответствует содержанию как общих, так и частных исследований судеб различных индоевропейских языков древнейшей поры. Это сказалось не только в том, что язык отрывался от истории общества, от истории первобытно-общинного коллектива, но и в изучении самих языковых процессов. Приведем в качестве примера книгу известного французского лингвиста А. Мейе „Общеславянский язык“, вышедшую недавно в русском переводе. Пример этот будет вполне показателен, так как „Общеславянский язык“ принадлежит, бесспорно, к числу лучших трудов, трактующих вопросы общеславянского периода.

В предисловии к своему труду Мейе пишет, что на общеславянском языке, анализу которого посвящена его книга, „говорили в одной, точно не установленной, области Восточной Европы, в эпоху, также не поддающуюся уточнению — значительно позже I века и значительно раньше IX века н. э.“¹ Эта хронология является совершенно условной. Она не связана с содержанием книги, в которой сам языковый материал рассматривается вне всякой связи с историей славян указанного автором периода. Что же касается самого лингвистического материала книги, то он находится в очевидном противоречии с хронологией автора.

Формирование общеславянского „языка-основы“ произошло в глубокой древности. Хронология Мейе („значительно позже I века и значительно раньше IX века н. э.“) охватывает поздний период истории общеславянского языка, непосредственно предшествующий его распаду на диалекты, из которых впоследствии сформировались три основные группы славянских языков. Нельзя упрекнуть автора за то, что он решил посвятить свой труд истории общеславянского языка в первом тысячелетии н. э. Научно вполне оправдано изучение позднего периода его истории. Однако материал книги оказался в противоречии с поставленной автором задачей. Мейе рассматривает результаты в сех важнейших процессов общеславянского периода, происходивших на протяжении всей его истории. Больше того. Привлекая богатый и ценный материал из санскрита, греческого, латинского, готского, литовского и других индоевропейских языков, Мейе фактически главное внимание уделяет именно древнейшим процессам, тогда как изучение поздних процессов общеславянского языка возможно прежде всего на материале славянских языков.

Мейе часто смешивает различные эпохи в истории общеславянского языка и отдельных славянских языков. Так, он сопоставляет открытый характер общеславянского с аканьем в русском и белорусском языках. В книге совершенно свободно сопоставляются языковые факты самых различных эпох. Смело и уверенно он создает „общеславянский язык“ из самых разнородных отдельных элементов, которые реально существовали в различные эпохи. Вот почему „Общеславянский язык“ — это не история общеславянского „языка-основы“, а только ценное собрание славянских языковых древностей. Мейе даже и не ставит перед собою задачи изучения истории общеславянского языка. Он пишет: „Наша задача состоит в том, чтобы определить здесь фонетическую и морфологическую систему (разрядка наша. — С. Б.) общеславянского языка и показать его отношение к общеиндоевропейскому и к исторически засвидетельствованным славянским языкам“². Но системы не получилось и не могло получиться, так как в течение своей многове-

¹ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 1.

² Там же, стр. 6.

ковой истории общеславянский язык претерпевал глубокие изменения. Нельзя говорить о единой системе общеславянского языка в различные периоды его существования.

Близка по своему методу к труду Мейе вышедшая недавно книга А. М. Селищева „Старославянский язык“. Преимущество Селищева — превосходное знание славянских языков, их истории и диалектологии. Селищев лучше Мейе умеет обнаруживать процессовую сторону отдельных явлений, в его работе нет ошибочных сопоставлений. Но и Селищев, подобно Мейе, не дает истории общеславянского языка. Автор все время нарушает хронологию, так как для него дописьменный период также является доисторическим. Это часто приводит к противоречиям, особенно недопустимым в учебном пособии. Приведу один из многочисленных примеров.

Из § 44 читатель узнает, что „все славянские языки имели гласные долгие и краткие“¹. Затем указывается, что в некоторых позициях долгота могла сокращаться, в других сохраняться. После этого приводятся примеры из разных индоевропейских языков, которые свидетельствуют, что **ä** и **ö** в славянском совпадали в одном звуке **ä**, а звуки **ä** и **ö** — в звуке **ö**. Говоря в разных местах книги о монофтонгизации дифтонгов (цельного изложения этого важнейшего процесса общеславянского языка в книге нет), автор указывает, что монофтонгизации предшествовало сокращение слоговой части дифтонга. Это привело к сопадению дифтонгов **äč** и **äč**, **öč** и **öč**, так как краткое **a** должно было измениться в **ö**. В § 154 Селищев сообщает о других случаях сокращения прежних долгот: „Можно полагать, что уже в доисторическую эпоху произошли сокращения долготы слога в следующих положениях.

1) Долгие гласные сократились перед ударным слогом, имевшим акутовый (восходящий) тон ударения на долгом гласном...

2) Сократился долгий гласный, не находившийся непосредственно перед ударением...

3) Сократился долгий гласный под ударением в третьем или четвертом слоге от конца...

4) Сократился долгий гласный в конце слова вне ударения и под ударением...² В результате произошло сокращение **a** в таких словах, как: däleko > däleko, jägodä > jägodä, rýbä > rýbä, vodä > vodä и мн. др. Естественно, что у читателя возникает вопрос, на который, однако, в книге ответа нет: почему во всех указанных случаях **ä** не изменилось в **ö**? Объясняется же это тем, что сокращения долгот происходили в различные периоды истории общеславянского языка. Сокращение долгот слоговой части дифтонгов происходило еще в тот период, когда позиционные изменения количества приводили обязательно к изменению артикуляции гласного. Это был период до утраты закрытых слогов. В других случаях (например, в конце слова) долгота утрачивалась поздно, в тот период истории общеславянского вокализма, когда в определенных условиях возможны были не только **ä**, но и **ö**.

Изучение дописьменного периода в истории любой группы родственных языков производится прежде всего с помощью сравнительно-исторического метода. Именно этот метод дает возможность проникнуть вглубь истории языков, установить их древнейшие законы, изучить происхождение корнеслова и формативов, верно реконструировать утраченную форму. Однако история нашей науки показывает, что для изучения подлинной истории дописьменного периода не достаточно владеть сравни-

¹ А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. 1. М., 1951, стр. 112.

² Там же, стр. 233—234.

тельно-историческим методом. Лучшим подтверждением этой мысли является уже упоминавшийся нами „Общеславянский язык“ Мейе. А. Мейе был выдающимся специалистом в области сравнительного языкоznания. Его многочисленные этимологии свидетельствуют о превосходном и мастерском владении сравнительно-историческим методом. В этом отношении современным лингвистам есть чему поучиться у Мейе. И тем не менее ему не удалось дать истории общеславянского языка.

В „Общеславянском языке“ мы найдем очень много безупречных этимологий, бесспорных реконструкций. Задача, однако, состоит в том, чтобы правильно соотнести реконструированные формы, чтобы установить взаимосвязь между ними и показать их историю. Реконструированная морфема является некой абстракцией. Исследователь должен определить ее место в истории общеславянского языка. А это возможно лишь при конкретно-историческом подходе к языковым фактам. Обнаружив те или иные звуковые изменения в определенных морфемах, недостаточно только определить их условия (например, условия смягчения задненёбных, условия перехода *s* в *χ* и др.). Необходимо определить характер этих изменений для различных периодов в истории языка. В одних случаях это будут позиционные фонетические изменения одной фонемы, в других — непозиционные морфологические чередования разных фонем. Разрешение этой задачи невозможно без определения фонологического значения фонетических изменений, без установления взаимосвязи между всеми элементами языковой системы.

Этого мы не найдем в „Общеславянском языке“. Изложение звуковой системы в этой книге начинается с определения состава согласных и гласных. Мы узнаем, что общеславянский язык имел гласные заднего ряда *a*, *o*, *ъ*, *у*, *и*, *ø*, переднего ряда — *ě*, *e*, *ь*, *i*, *ɛ*. Долгими были гласные *a*, *o*, *e*, *u*, *ɛ*, краткими — *o*, *e*, сверхкраткими — *ъ*, *ь*. „Эти гласные, — пишет Мейе, — образуют пары: *ě* противостоит *a*, *e* — *o*, *ъ* — *ь*, *i* — одновременно *u* и *u*, *ɛ* — *ø*. Это противопоставление господствует в фонетике и расчленяет поэтому различные морфологические типы“¹.

Эта схема лишена определенной исторической конкретности. Предложенная система гласных явилась результатом длительного развития общеславянского языка. В начальной стадии его развития были представлены долгие гласные *ā*, *ō*, *ē*, *ū*, *ī* и краткие *ă*, *ō*, *ě*, *ū*, *ī*. В этот древнейший период соотношения между долгими и краткими гласными были иными, нежели в поздний период. Долгота; не будучи позиционной, не имела, однако, и фонологического значения. Позже в этой системе вокализма произошли существенные изменения. Долгое *ě* изменилось в *ě*, после задненёбных и *j* — в *a*. Долгое *ū* изменилось в *u*. Из кратких *ū*, *ī* возникли новые, сверхкраткие, редуцированные гласные. Такова была система вокализма, предшествовавшая непосредственно периоду утраты закрытых слогов. К этому времени установились иные взаимоотношения между долгими и краткими гласными. Так, древняя пара *ū* — *ī* в этот период уже отражена в виде *у* — *ъ*. Устанавливаются иные взаимоотношения между гласными *a*, *o*, *e*, *ě*. Устанавливаются новые пары *a* — *ě*, *o* — *e* (ср. *kričati* — *χotěti*, *seloříč* — *poljeříč*).

В результате утраты закрытых слогов в общеславянском языке возникли новые гласные. Вновь появляется долгое *u*, возникшее из дифтонгов *ou* и *eu*. Значительно увеличивается число морфем с долгим *i* (из дифтонгов *ei* и *oi*), с *ě* (из дифтонга *oi*). Появляются носовые гласные. Именно в этот период общеславянский вокализм имел тот вид, который

¹ А. Мейе. Ук. соч., стр. 16.

дан в книге Мейе. Эта же система дана и Селищевым без всяких исторических комментариев. Нужно, однако, указать, что и эта система общеславянского вокализма не может считаться той, которая непосредственно предшествовала распаду общеславянского языка. В позднейший период общеславянского языка уже существовали краткое **а**, долгое **о**, краткие носовые и т. д.

Каждый из указанных нами этапов истории общеславянского вокализма тесно связан с определенными периодами истории консонантизма и грамматического строя.

§ 5. Каждый язык развивается по своим внутренним законам. При изучении законов языка нужно всегда помнить указание В. И. Ленина, что „явление богочес закона“¹. „Надо,— пишет В. И. Ленин,— взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно совокупность данных...“²

Необходимо знать, что закон является отражением существенных связей между явлениями. При изучении языковых явлений необходимо обращать внимание на выявление существенных связей. Подчеркивание мало существенных связей, побочных факторов исказит исторический процесс, не даст возможности определить законы развития языка. В трудах языковедов мы часто сталкиваемся с подчеркиванием мало существенного, с установлением различных частностей, за которыми не видим важного, определяющего. Это в свою очередь приводит к ошибочному пониманию природы самого явления, к абстрактно-этимологической интерпретации языковых фактов. Так, многие историки чешского языка историю **е** рассматривают изолированно от истории **è**, от истории гласной **а** после мягких согласных, тогда как в определенные периоды во всех указанных случаях переживались общие процессы, не имевшие собственно отношения уже к судьбе носового, или **è**, или этиологического **а**.

Важнейшим законом дописьменного периода истории общеславянского языка является закон утраты закрытых слогов, который имел место в поздний период существования этого языка. В определенный период истории общеславянского языка структура слога стала характеризоваться постепенным возрастанием звучности. Это вызвало существенные изменения всей его структуры, и так как закрытые слоги переходили в открытые различными способами, это приводило к различным последствиям.

В результате утраты закрытых слогов утратились конечные согласные (*domūs* > *domъ*, *rečet* > *reče*, *tod* > *to*), монофтонгизировались дифтонги и дифтонгические сочетания (*точча* > *muchā*, *kajna* > *sěpa*; *ronka* > *rōka*, *menta* > *mēta*; *vylkos* > *v^blkъ*; *tъrgos* > *t^hrgъ*), произошли изменения в группах **tort...**, **ort...**, в связи с изменением слогораздела произошли упрощения групп согласных, явления диссимилляции. Эти процессы в свою очередь вызвали появление протетических согласных, изменение задненёбных перед **ё** и **і** дифтонгического происхождения, ряд важных морфологических процессов. Историк славянских языков дописьменного периода обязан вскрыть общее, определяющее во всех вышеуказанных явлениях, показать существенные связи между возникновением носовых и слоговых плавных, между утратой конечных

¹ В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 127.

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 178.

согласных и упрощением групп согласных. Дело, однако, обстоит обычно совсем не так.

В „Старославянском языке“ А. М. Селищева подробно изложена судьба носовых в общеславянском языке. Однако суть явления читателю останется неясной не только потому, что о причине возникновения носовых сказано мимоходом несколько слов, но и потому, что автор не устанавливает внутренней связи данного явления с другими явлениями. После носовых, согласно традиции, дается описание редуцированных, хотя их история не связана с законом утраты закрытых слогов. В главе „Сочетание редуцированных с плавными между согласными“ объединены различные явления, происходившие в разные периоды. Но в то же время не установлена связь между возникновением слоговых плавных и носовых гласных. Глава о монофтонгизации дифтонгов вообще отсутствует, в книге даются попутные замечания об этом. После рассмотрения вопроса о *tъrt* и пр. автор начинает трактовать вопросы консонантизма, но касается вопросов древнейших эпох в истории общеславянского языка. В различных местах книги говорится о явлениях, возникших в результате одного закона. Объясняется это тем, что автор все свое внимание обращает на отдельные частности. Именно поэтому сами частности, которым уделяется так много внимания, остаются в книге неясными. Получается не история общеславянского языка, а изложение истории отдельных явлений. Огищения и связи между фактами общеславянского языка автор не вскрыл.

В определении этих отношений и связей и состоит главная задача историка языка. Определить их всегда трудно. Особенные трудности возникают перед исследователем, когда он решает вопрос дописменного периода. В этом случае возможны ошибки, неправильные выводы. Изложение исторического процесса будет отличаться схематичностью, сам процесс будет обеднен. Все это справедливо. И тем не менее при правильной реконструкции утраченных морфем, при верном соотнесении их, при установлении внутренней взаимосвязи между ними и обнаруженными нами процессами мы в самых общих чертах сможем восстановить общие, важнейшие процессы общеславянского периода.

В данном случае особенно опасно производить внешние сопоставления. Случайное сходство в различных процессах может обмануть исследователя и толкнуть его на путь ошибочных выводов. Примеры подобных внеисторических сопоставлений можно привести из различных трудов самого последнего времени.

В 1952 г. в Польше вышел капитальный труд известного польского лингвиста Курыловича „L'accentuation des langues indo-européennes“, в котором автор излагает свою теорию славянской интонации. В этом выдающемся труде мы, однако, находим иногда спорные сопоставления. Так, говоря о древнейших переходах ударения с кратких гласных на начальный слог в общеславянском языке, Курылович сопоставляет это с „аналогичным“ явлением в штокавских говорах сербского языка. Однако природа этого явления в сербском языке совсем другая. В сербском языке это явление происходило совсем в другую эпоху, а кроме того, в сербском переход происходил с конечных слогов на предшествующие (не только на начальный слог).

Приведу другой пример. В уже цитированной книге Селищева общеславянский переход конечного *m* в *n* сопоставляется с аналогичным процессом в чакавских говорах сербского языка. Нужно избегать подобных сопоставлений, так как они не опираются на сравнительно-исторический метод. В такой же степени болгаровед, исследующий вопрос об изменении безударного *o* в *u*, может ссылаться на аналогич-

ный процесс в португальском языке. Все эти параллели лишены конкретно-исторической базы и не помогают уяснению сущности и природы изучаемого явления.

§ 6. Важнейшей задачей изучения древнейшего периода истории славянских языков является определение древнейшего словарного состава общеславянского языка. Это имеет громадное значение для изучения звуковых изменений, для изучения истории грамматического строя и, наконец, для изучения истории реалий. Именно поэтому к подобного рода работам с большим интересом относятся историки.

Для изучения звуковых изменений это имеет большое значение потому, что, как мы видели выше, сравнительно-исторический метод опирается на изучение морфем, а определение древнейшего состава корневых морфем невозможно без установления древнейшего словарного состава. При изучении любого фонетического процесса мы должны знать историю привлекаемой нами морфемы. Нельзя опираться в определении сущности того или иного фонетического процесса общеславянского перехода на морфему, которая была заимствована в сравнительно поздний период. Это же относится и к грамматическому строю. Но особенно важно изучение древнейшего словарного состава для изучения древнейшей истории славян.

Длительное господство антимарксистского „нового учения“ Марра привело к тому, что было полностью прекращено изучение общеславянского словарного состава. Историки вынуждены были обращаться к антинаучным марровским этимологиям или к уже давно устаревшим трудам славистов XIX в. Вот почему конкретный лингвистический материал, который мы можем найти в трудах историков, почти всегда мало надежен. Для иллюстрации могу привести широко известный труд проф. П. И. Лященко „История народного хозяйства СССР“.

Проф. Лященко правильно указывает, что изучение словарного состава славянских языков может дать очень много для изучения хозяйства древних славян. Это бесспорно. Но автор представляет себе эту задачу очень легкой. Он пишет: „Отсутствие в языке самостоятельных корней и слов для обозначения каких-либо понятий и заимствование этих слов из языков других народностей указывают на отсутствие этих явлений и понятий у данной народности в период сложения ее языка“¹. Что автор понимает под периодом „сложения языка“, остается неясным. Общеславянский язык прошел длительную историю. За этот период носители этого языка прошли сложный путь. Сменились различные виды хозяйства, многое ушло, многое появилось. И в этот древнейший период славяне жили не в изоляции. Они входили в сношения с чужими племенами индоевропейского и неиндоевропейского происхождения. В результате конкретных условий то или иное слово могло быть заимствовано у языка соседей. Согласно утверждению Лященко, это будет свидетельствовать о том, что данного явления древние славяне не знали. Конечно, это совсем не так. Заимствование слов само по себе еще не говорит о том, что предметов, обозначаемых данными словами, в древности не было. Мы знаем многочисленные случаи, когда свое старое слово было полностью или частично вытеснено новым словом.

Проф. Лященко полагает, что „богатый лексикон общих слов“ свидетельствует о том, что данное явление получило особенное развитие. Он пишет: «Во всех славянских языках мы часто находим одни и те же слова и корни слов для обозначения одних и тех же понятий. Так, если

¹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. Госполитиздат, М., 1952, стр. 26.

в таком „праязыке“ встречаем богатый лексикон общих слов, касающихся сельского хозяйства, земледелия, скотоводства, гораздо меньше — охоты и еще меньше — обрабатывающей промышленности, это означает, что народности, говорившие на этом языке, в преобладающей степени занимались сельским хозяйством, земледелием и скотоводством, в меньшей мере — охотой и в еще меньшей — обрабатывающими промыслами¹. Богатство и разнообразие лексики сплошь и рядом определяются самим характером деятельности. Так, во всех индоевропейских языках терминология сельского хозяйства всегда богаче и разнообразнее терминологии охоты. Современные славянские языки, бесспорно, свидетельствуют, что древние славяне занимались охотой, что она играла большую роль в их хозяйстве. Были известны и некоторые обрабатывающие промыслы. Здесь прежде всего нужно указать на ткачество. Славянские языки представляют поразительное единство терминологии, связанной с ткачеством. Наряду с этим находим значительные колебания в скотоводческой терминологии. Тщательное изучение наименований домашних животных, домашней птицы может дать ценный материал для истории скотоводства, для истории домашних животных. Но и здесь очень легко сделать ошибку.

Проф. Лященко утверждает, что лингвистические и археологические данные показывают, что преобладающей пищей у славян была растительная. „Об этом свидетельствуют многочисленные общеславянские термины, обозначающие предметы питания растительного происхождения, как *жито*, *брашно* (мука и вообще пища), *хлеб*, *каша*, а также *печь*, *варить* и др... К несколько более поздней эпохе относятся слова, обозначающие переработку продуктов скотоводства, — *молозиво*, *сыр*, *творог* и др.; *мясо* — основной продукт — слово древнего общеславянского происхождения². Данные славянских языков не подтверждают положения Лященко.

Привлекая те или иные слова, исследователь должен хорошо знать их историю. Иначе можно сделать грубые ошибки, которые часто встречаются у Лященко (например, отнесение греческого слова *скамья* к общеславянским словам).

Отсутствие во всех современных славянских языках общего слова не всегда может свидетельствовать о том, что обозначаемого им предмета у древних славян не было. Кроме того, нужно обязательно иметь в виду, что недостаточно для данных целей пользоваться материалом только литературных языков. Нужно помнить, что говоры любого славянского языка очень часто сохраняют слова, которые в литературном языке и в большинстве говоров давно уже исчезли.

Часто нельзя делать решительных выводов на основании того, что данное слово известно всем или почти всем славянским языкам. Сам по себе этот факт не может свидетельствовать всегда и во всех случаях, что обозначаемый им предмет относится к глубокой древности. Приведу один очень наглядный и убедительный пример.

В свое время чешский историк славянских древностей Я. Водель утверждал, что слово *корабль* относится к общеславянскому периоду на том основании, что оно имеется почти во всех славянских языках. Однако это сравнительно позднее заимствование из греческого языка (*καραβίον*).

При сопоставлении славянского языкового материала нужно всегда помнить, что в каждом славянском языке имеется много заимствований

¹ П. И. Лященко. Ук. соч., стр. 25.

² Там же, стр. 87.

из других славянских языков. Так, в болгарском, сербском, словацком и других языках мы находим много заимствований из русского языка, много чешских слов в позднее время проникло в словацкий, польский и лужицкие языки. Много польских заимствованных слов в белорусском и украинском языках. Поэтому при сопоставлении общих слов в славянских языках исследователь должен быть всегда уверен, что приводимые им слова являются исконными словами.

Необходимо также знать, что многие общеславянские слова, имеющие одно значение во всех современных языках, в прошлом имели другое значение. Если пользоваться методом проф. Лященко, то следует заключить, что уже в общеславянский период была письменность, существовал литературный язык, так как глаголы „читать“ и „писать“ известны всем славянским языкам.

При осторожном подходе к языковым данным мы не сможем вслед за Лященко утверждать, что „названия *всех* (курсив наш.—С. Б.) домашних животных,— *п*раславянского, некоторые даже *п*раиндоевропейского происхождения“¹. Слово „лошадь“ (в южновеликорусских говорах слова *конь* не знают) не *п*раславянского происхождения.

„При всем значении лингвистики,— пишет проф. Лященко,— в изучении истории общества необходимо признать, что до настоящего времени ее конкретное применение к изучению народного хозяйства многочисленных народностей, населявших Восточно-Европейскую равнину, теоретически еще недостаточно полно разработано, недостаточно обосновано историческим материалом. Поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться данными лингвистики лишь в ограниченном виде“². Нужно, однако, сказать, что проф. Лященко пользуется данными лингвистики совсем не в ограниченном виде. Собственно, весь древнейший период в истории хозяйства характеризуется им на основании данных славянских языков. Беда не в том, что данные языка дают сравнительно мало для характеристики народного хозяйства, а в том, что проф. Лященко слишком свободно, прямолинейно и неосмотрительно пользуется этими данными. Историк, поставивший перед собою такую задачу, должен хорошо знать лингвистическую науку, ее методы и приемы исследования. Оправданием автору может служить лишь то, что вся эта работа должна быть проделана лингвистами.

Историки древнейших эпох всегда очень нуждаются в новых, дополнительных фактах. Нет сомнения, что данные языков содержат богатейшие факты для истории доклассового общества. Именно так обстоит дело и с историей славян. Обращение историков славянских народов к данным языков необходимо. Однако на этом пути их ждут большие трудности и опасности. Историки часто не видят специфических особенностей языкового материала. Для периода господства у нас „нового учения“ о языке было типичным ставить знак равенства между историческими и языковыми фактами. Этому способствовало учение о надстроичном и классовом характере языка.

Ныне в этот вопрос внесена полная ясность. Однако ряд историков до сих пор стремится решить вопросы языкоznания на основании фактов истории культуры. Так, археолог А. Я. Брюсов вновь поднял вопрос о единстве „археологической культуры“ и „племенного языка“. В своей книге „Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху“ он пишет: «Совпадает ли археологическая

¹ П. И. Лященко. Ук. соч., стр. 84.

² Там же, стр. 26.

культура в этом отношении с языком или, точнее, с группой языков родственных племен... или же эти две категории — археологическая культура и племенной язык — никак не соответствуют друг другу? При этом необходимо помнить, что установившееся в археологии понятие „культура“ не совпадает с обычным пониманием этого термина. Поэтому неправы те товарищи, которые, вырывая из контекста фразу, цитируют слова И. В. Сталина: „...культура и язык — две разные вещи“ и на этом основании утверждают, что понятия „археологическая культура“ и „племенной язык“ несовместимы¹.

Нужно сказать, что проф. Брюсов подменяет один вопрос другим. Никто не утверждает, что „археологическая культура“ и „племенной язык“ несовместимы. Хорошо известны многочисленные случаи именно совпадения данных археологии и языкоznания. И в этом нет ничего противоестественного. Было бы странным и противоречащим действительности предполагать, что небольшая локальная группа, составлявшая самодовлеющее хозяйственное целое в палеолите и эпипалеолите, не имела своего единого родового языка. Это настолько очевидно, что едва ли найдутся противники такого предположения². Трудность позиции проф. Брюсова состоит, однако, в том, что никто и не предполагает этого. Но ведь речь-то идет, во-первых, не о „небольшой локальной группе“, а о значительной территории распространения таких археологических культур, как „трипольская“, „лужицкая“ и др., и, во-вторых, речь обычно идет не о палеолите, а о неолите и даже металле, т. е. о сравнительно поздних эпохах в истории человечества. Для данного периода единство археологической культуры не может свидетельствовать не только о единстве языка, но даже об этническом единстве. Невозможно предполагать единство языка у носителей поздних „археологических культур“.

Брюсов вынужден признать, что у археологов „нет доказательств того, что каждая археологическая культура соответствует особому, единому языку, а тем более диалекту, т. е. что каждая такая культура соответствует одному сложившемуся в это время племени“³. А раз нет доказательств, то любое решительное утверждение археолога (а в книге Брюсова их очень много) является неоправданным.

В поздние периоды многие „археологические культуры“ занимали огромную территорию. Археолог не только ничего не может сказать о языке этой культуры, но не может ничего утверждать об этнической принадлежности носителей этой культуры. Именно поэтому так часто в археологической науке меняются взгляды на этническую принадлежность носителей различных „культур“. Наиболее яркий пример последнего времени — вопрос об этнической и языковой принадлежности носителей „трипольской культуры“.

В период господства „нового учения“ о языке среди археологов получила широкое хождение гипотеза о славянской или протославянской принадлежности трипольцев. Под влиянием этой гипотезы Ляшенко и в своем последнем издании „Истории народного хозяйства СССР“ (1952) заявляет, что „новейшие археологические памятники, особенно по трипольской культуре, позволяют утверждать, что славяне в лице каких-то протославянских предков принадлежали к автохтонам Средней

¹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 20.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 23.

и Юго-Восточной Европы и населяли ее еще значительно раньше, чем указывают дошедшие до нас исторические письменные памятники¹. Однако большинство археологов ныне считает трипольцев фракийцами. Но и для этого суждения нет решительно никаких данных.

Археологи в решении этногенетических проблем придают огромное значение территориальной преемственности. Переоценка этого факта связана с марровским нигилистическим отрицанием миграций. Т. С. Пассек и другие археологи считали, что трипольцы являются предками современных народов Карпато-Дунайского района, в частности славян. „В результате исследований трипольских поселений по-новому освещается история Днепровско-Днестровского бассейна, где позднее оформляются славянские племенные объединения, положившие начало Киевской Руси“². Однако сам археологический материал „трипольской культуры“ ясно свидетельствует, что носители этой культуры в результате каких-то событий вынуждены были покинуть занимаемую ими территорию. Именно этим обстоятельством и объясняется значительное количество находок „трипольской культуры“. Произошло перемещение населения. Возможно, что на данной территории происходили этнические смены и в более позднее время.

Нет сомнения, что в „Сравнительной грамматике славянских языков“ должен быть приведен и тщательно проанализирован тот лингвистический материал, который может помочь историкам исследовать древнейшие судьбы славянства. Необходимо подвергнуть всестороннему анализу материал, на основе которого строили свои гипотезы дореволюционные русские лингвисты и историки, зарубежные славянские ученые и советские археологи. Лингвисты должны с большим вниманием отнести к итогам многолетних исследований советских археологов, тщательно изучить их материал и лучше познакомиться с принципами их работы.

Многие лингвисты решительно выступают против тех археологов, которые на основании своих данных утверждают, что славяне в середине первого тысячелетия н. э. занимали обширную территорию от Одера до Днепра. Они исходят из того положения, что в период общеславянского языка славянские племена не могли занимать большую территорию, так как в таком случае общеславянская языковая общность была бы нарушена. Однако общность процессов общеславянского периода определяется отнюдь не размерами территории, а характером языкового развития в ранние эпохи истории родственных племен. Территориальный фактор играет роль, но роль второстепенную. Разобщенность и изоляция населения могут иметь место и на сравнительно небольшой территории.

Никто не может сомневаться в том, что в начале IX в. славянские племена занимали очень большую территорию. И, несмотря на это, собственное имя Karl (Карл Великий) явилось славянской исходной морфемой для король, краль, król и т. д. Единство процессов определяется внутренними законами развития. Утрата редуцированных в „слабой“ позиции происходила в истории отдельных славянских языков в X—XII вв. И тем не менее условия были почти идентичными во всех славянских языках. Период родовых и племенных языков характеризуется необычной устойчивостью внутриязыковых связей. При таких условиях

¹ Ляшенко. Ук. соч., стр. 47.

² Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. М.—Л., 1949, стр. 239. В настоящее время Т. С. Пассек считает это положение ошибочным. (Подробнее см. в ее статье „О марровских ошибках в изучении трипольских племен“. — „Против вульгаризации марксизма в археологии“. М., 1953).

единство языкового развития не нарушается даже в том случае, если носители родственных племенных диалектов занимают огромную территорию. Археологи должны знать, что у лингвистов нет надежных аргументов против гипотез о том, что славяне уже в первые века нашей эры могли занимать обширные районы Восточной и Средней Европы. Иначе дело обстояло с территорией поселения южных славян. До VI в. н. э. на территории Балканского полуострова славян не было. Все теории об автохтонности славян на Балканском полуострове (например, акад. Н. С. Державина) противоречат фактам, которыми располагает в настоящее время наука.

П. С. КУЗНЕЦОВ

**ЧЕРЕДОВАНИЯ В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ
„ЯЗЫКЕ-ОСНОВЕ“**

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы установить, какие чередования фонем, имеющие морфологическое значение, характеризовали общеславянский „язык-основу“, какие категории охватывались этими чередованиями, насколько существенна была морфологическая роль этих чередований, какие из них, будучи унаследованы от эпохи, предшествующей формированию общеславянского „языка-основы“, сохраняли продуктивность на славянской почве, какие вновь возникали на этой почве и переходили в отдельные славянские языки.

Я не даю здесь определения чередований, а также не рассматриваю в целом тех общих принципов, на которые должно опираться изучение чередований, их становления, исторического развития и разрушения, так как это мною уже сделано недавно в статье, посвященной возникновению и развитию чередований в русском языке¹.

Чередованиями, согласно той терминологии, которой я следую, являются именно чередования фонем, а поскольку в это понятие советскими лингвистами вкладывается весьма разное содержание, да и сама теория фонем у исследователей опирается на весьма различные основания, то при работе над чередованиями и их историей необходимо определить общую фонематическую концепцию исследователя. Я считаю необходимым сказать, что следую здесь в целом тем принципам, которые были мною изложены в прежних статьях и на которые опиралась и моя вышеупомянутая статья о возникновении и развитии чередований в русском языке². Эти принципы, выработанные не лично мною, в прошлом неоднократно подвергались критике, но главным образом со стороны лингвистов, стоявших на позициях учения Н. Я. Марра, и критика эта большей частью состояла не в серьезном разборе моих положений. Поэтому я не вижу оснований к тому, чтобы от этих положений отказываться в целом (другое дело, если какие-нибудь частности и нуждаются в пересмотре — этого вопроса я здесь не касаюсь).

Вопросами возникновения чередований много занимались уже с 80-х годов прошлого столетия основоположники теории фонем —

¹ См. „О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке“. — Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз. т. XI, 1952, кн. I. (Редакцией без согласования со мной вставлен в последней корректуре эпитет „звуковых“, нарушающий смысл.)

² См. в особенности „К вопросу о фонематической системе современного французского языка“. — Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та, т. V, вып. 1. М., 1941. и „К вопросу о фонологии ударения“. — Доклады и сообщения филолог. ф-та Моск. гос. ун-та, вып. 6. М., 1948.

И. А. Бодуэн-де-Куртенэ и Н. В. Крушевский¹. Изучение самой механики возникновения и исторического развития чередований, имеющих морфологическое значение, много дало им для определения общих принципов, на которых должна базироваться теория фонем. И если тот правильный по своей общей ориентировке подход к взаимоотношению фонетических и морфологических явлений, который характеризовал наших исследователей, не позволил им прийти к тем результатам, каких мы могли бы ожидать в области сравнительно-исторического изучения славянских языков, а также индоевропейских в целом, то это объясняется в значительной мере тем, что сравнительная грамматика славянских и индоевропейских языков в ту эпоху, когда писали Бодуэн-де-Куртенэ и Крушевский, только еще начинала разрабатываться на строгих основаниях. Нашим исследователям было неизвестно еще многое из того, что мы знаем теперь.

Необходимо, однако, сказать, что плодотворные идеи наших основателей теории фонем были в дальнейшем забыты, большинство лингвистов до сравнительно недавнего времени ими не пользовалось. И даже чередования, несмотря на их явно морфологическое значение, в курсах старославянского языка и сравнительной грамматики славянских языков (как, впрочем, и сравнительной грамматики индоевропейских языков) обычно рассматривались в фонетике, причем в разделе вокализма выделялся особый раздел, посвященный чередованию гласных, а в консонантизме и совсем не говорили о чередованиях, поскольку те чередования согласных, которые характеризовали общеславянский и старославянский языки, возникли сравнительно недавно, частично в сравнительно поздний период развития общеславянского „языка-основы“, из позиционных фонетических изменений.

Следует, впрочем, сказать, что А. Мейе еще несколько десятилетий тому назад посвятил статью морфологической роли чередований в старославянском языке², а в своей книге, посвященной общеславянскому языку, русский перевод которой недавно вышел, с полным основанием включил чередования в морфологию³. О закреплении чередований, возникающих в фонетике, за определенными морфологическими категориями говорит и А. Вайан в первом томе своей недавно вышедшей сравнительной грамматики славянских языков⁴, впрочем, очень сжато, без раскрытия процесса во всех деталях (нужно сказать, что книжка Вайана вообще очень сжатая и носит довольно поверхностный характер). Покойный А. М. Селищев в своем вышедшем уже после его смерти труде „Старославянский язык“ включает чередования по традиции в фонетику, но уделяет большое внимание и их морфологической роли⁵.

Задачи сравнительно-исторического языкоznания на современном этапе его развития не ограничиваются реконструкцией фактов, относящихся к „языку-основе“ данной группы или семьи языков (в нашем случае — к общеславянскому „языку-основе“). Некоторые лингвисты в последнее время, именно уже после появления труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкоznания“, с полным основанием указывали, как на один из недостатков сравнительно-исторического языкоznания в прошлом, на то, что прежде оно занималось исключительно или

¹ См. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков. — РФВ, т. V, 1881; Versuch einer Theorie phoaeischer Alternationen. Strassburg, 1895; Н. В. Крушевский. К вопросу о гуне. — РФВ, т. V, 1881.

² Les alternances vocaliques en vieux slave, M. S. L. XIV.

³ А. Мейе. Общеславянский язык, перев. с франц. М., 1951, стр. 152—159.

⁴ А. Вайлант. Grammaire comparée des langues slaves, I. Paris, 1950.

⁵ А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, стр. 242 и сл.

почти исключительно реконструкцией этих фактов. Но в то же время необходимо подчеркнуть, что реконструкция этих фактов во всей их исторической последовательности, реконструкция в наиболее полном доступном для нас виде всего хода исторического развития „языка-основы“ является крайне важной задачей и неотъемлемой частью сравнительно-исторического языкознания. Если мы не сделаем этого и ограничимся лишь установлением соответствий, наблюдающихся между родственными языками, мы или встанем на путь агностицизма, на путь отказа от объяснения происхождения реально наблюдающихся соответствий, или же признаем бесспорно установленным, не подлежащим пересмотру то, что было сделано в этой области лингвистики в прошлые годы, как русскими, так и зарубежными учеными. Между тем, несмотря на то, что в прошлом был не только собран большой материал, но и выдвинуто много ценных и заслуживающих внимания объяснений, многое должно быть пересмотрено, подвергнуто критической оценке и решено заново.

Материалом, с которым мы непосредственно имеем дело (для чередований так же, как и для любых других языковых явлений, все равно, к какой бы области языка они ни относились,— к фонетике, к грамматическому строю или к словарному составу), являются факты различных славянских языков в их современном состоянии и зафиксированные древними памятниками, а также факты других родственных языков, принадлежащих к той же индоевропейской семье. Чередования, наблюдающиеся в различных славянских языках, стилически могут объясняться различно, они могли возникнуть на разной почве и в разные исторические эпохи. Мы можем иметь дело с чередованиями, унаследованными как морфологические чередования еще общеславянским „языком-основой“, т. е. с чередованиями, сложившимися частью еще на общеиндоевропейской почве, в общеиндоевропейском „языке-основе“, а частью и в эпоху уже после разделения общеиндоевропейского „языка-основы“, но в то же время до образования общеславянского „языка-основы“, на почве, общей с балтийскими, а, может быть, и с германскими языками; мы можем иметь дело с чередованиями, возникшими на протяжении исторического развития общеславянского „языка-основы“; мы можем иметь дело с чередованиями, возникшими уже на почве отдельных славянских языков в силу общих предпосылок. Нашей задачей является вскрыть, в той мере, в какой это возможно, какие чередования в какую эпоху и на какой почве возникли и перешли из фонетики в область морфологии.

Когда мы говорим о возникновении чередований как категории морфологической, необходимо иметь в виду, что хотя источником чередований в конечном счете являются отношения фонетические (по крайней мере это можно утверждать в отношении доступных нам в их генезисе чередований различных индоевропейских языков), но не всегда и не все чередования перешли в область морфологии непосредственно из фонетики. Некоторые чередования могут прямо и возникать как чередования морфологические, но под влиянием других чередований, уже функционирующих как морфологические, но развивавшихся в свою очередь из отношений фонетических.

Для определения особенностей развития чередований, уже ставших морфологическими, существенным является, и нам необходимо будет обратить на это внимание в процессе дальнейшего исследования, вопрос о том, какие категории, словообразовательные и словоизменительные, в какой мере и когда охватываются тем или иным чередованием. В связи с этим необходимо обратить внимание на одну сторону дела, которой до последнего времени не уделяли достаточного внимания

ния. Последние десятилетия получила широкое развитие соотносительная хронология фонетических явлений, имеющая огромное значение для изучения эпох, не засвидетельствованных письменными памятниками, а частью и для позднейших, этими памятниками засвидетельствованных. Основы этой соотносительной хронологии были заложены в трудах русских ученых (И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, Н. В. Крушевского, В. А. Богородицкого) еще в 80—90-е годы прошлого столетия, хотя широкое признание она получила значительно позднее. Но одна соотносительная хронология фонетических явлений недостаточна. Должна быть разработана и соотносительная хронология фонетических и морфологических процессов, изучение которой имеет огромное значение для полного освещения истории чередований, для определения эпохи и характера проникновения и распространения их в тех или иных грамматических категориях. Если мы примем во внимание эту сторону дела, очень многие грамматические категории, выступающие в языках, засвидетельствованных письменными памятниками, предстанут перед нами в более далекую эпоху совсем в ином виде, чем мы их привыкли видеть и чем они обычно представляются сравнительной грамматикой. И окажется, что многие категории, различавшиеся в более поздний период развития „языка-основы“, в более ранний период его не различались. Правда, отдельные исследователи, особенно в последнее время, уделяют большое внимание хронологическим взаимоотношениям фонетических и морфологических процессов. В качестве примера могу сослаться на крайне интересный и богатый идеями, хотя и спорный в некоторых отношениях, недавно вышедший труд польского лингвиста Ю. Куряловича, посвященный ударению в индоевропейских языках, где во многих местах очень ярко выступает идея этих взаимоотношений¹. И, тем не менее, система хронологических отношений фонетических и морфологических процессов в целом ни в сравнительной грамматике славянских языков, ни в сравнительной грамматике индоевропейских языков еще не построена, и очень часто реконструируемые формы преподносятся в том виде, в каком они не могли существовать в соответствующую эпоху, а то и на всем протяжении развития „языка-основы“. На эту сторону дела, т. е. на связь фонетических процессов с морфологическими, необходимо обращать внимание и при изучении развития чередований.

Развитие чередований применительно к славянским языкам разработано недостаточно, недостаточно освещено развитие их в общеславянском „языке-основе“, недостаточен и материал по отдельным славянским языкам, хотя бы по русскому. Опубликованная мною ранее статья о возникновении и развитии чередований в русском языке, которую я уже упоминал выше, посвящена в первую очередь выяснению некоторых общих принципов и никоим образом не ставила перед собой задачи дать исчерпывающую историю чередований даже в русском языке.

Как уже известно, в чередовании могут участвовать как гласные, так и согласные. Я остановлюсь в первую очередь на чередованиях гласных, как на наиболее древнем типе чередований, характерном и для славянских языков и для индоевропейских языков в целом.

I. ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ

В области чередования гласных в грамматическом строем славянских языков, как и в грамматическом строем индоевропейских языков в целом, большое значение имеет чередование **е/о**. Чередование это сложилось

¹ J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952.

еще в общеиндоевропейском грамматическом строем. Можно думать, что еще на почве общеиндоевропейского „языка-основы“ оно утратило связь с фонетическими отношениями и стало показателем определенных морфологических категорий. И именно древность его происхождения приводит к тому, что об условиях и причинах его возникновения выдвигаются различные гипотезы. Не вдаваясь здесь в обсуждение этих гипотез, поскольку для сравнительной грамматики славянских языков это чередование является уже сложившимся фактом, скажу лишь, что представляются недостаточно убедительными гипотезы, выдвигавшиеся в последние годы и истолковывавшие происхождение этого чередования на основе так называемой ларингальной гипотезы¹, и более убедительным кажется объяснение этого чередования на основе передвижения ударения.

Из лингвистов последнего времени именно такому объяснению следовал покойный А. М. Селищев². Впрочем, если мы примем это объяснение, возникновение чередования нужно отнести к сравнительно позднему периоду развития общеиндоевропейского „языка-основы“, так как это объяснение предполагает такой характер ударения, который близок к ведийскому ударению и к греческому ударению до греческих стяжений и установления политонизма³, т. е. значительное различие ударных и безударных слогов по высоте тона при незначительном различии их по интенсивности.

Существенный вопрос, который перед нами стоит, — сохранялось ли унаследованное от общеиндоевропейского „языка-основы“ чередование **е/о** как живое и продуктивное морфологическое средство и после выделения общеславянского „языка-основы“? А. Вайан считает, что это чередование на славянской почве, хотя и осталось прозрачным, перестало быть продуктивным⁴. Но с этим утверждением трудно согласиться. Мне уже приходилось указывать на то, что, сравнивая славянские факты с другими индоевропейскими языками и, в первую очередь, с греческим, где чередования играют важную роль в морфологии и где в то же время ясно выступает различие **е** и **о**, мы видим широкое распространение этого чередования в материально различных корнях, а если в тождественных, то большей частью в различных грамматических категориях⁵.

Чередование **е/о** на греческой и славянской почве наблюдается в подобных случаях сравнительно редко. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть примеры.

Ст.-слав. *вѣдѣ* — греческ. *οἶδα* (корневое *ě* < *oi*), ст.-слав. *виждѫ* — греческ. *εἴδω* — „вижу“ (корневое *i* < *ei*). В соответствующем корне и на славянской и на греческой почве выступает чередование **е/о**, унаследованное от далекого прошлого. Правда, в этом случае значения форм, содержащих ступень **е** и ступень **о**, сильно разошлись в обоих языках, что и указывает на генезис этого чередования в глубокой древности.

¹ См., например, E. Benveniste. Origine de la formation des noms en indo-européen, I. Paris, 1935, стр. 149.

² См. А. М. Селищев. Ук. соч., ч. 1, стр. 243. Впрочем, Ю. Курлович, принимающий ларингальную гипотезу, инициатором которой он и является, также связывает различие **е** и **о** с положением по отношению к ударению, хотя и относит фонетическую обусловленность этих различий к излишне древней эпохе (см. J. Kurylowicz. Études indo-européennes, I. Kraków, 1935, стр. 97).

³ О происхождении греческого политонизма в результате стяжений см. J. Kurylowicz. L'accentuation des langues indo-européennes, стр. 121—129.

⁴ См. A. Vaillant. Ук. соч.

⁵ См. Изв. отд. лит. и яз. АН СССР, т. XI, кн. 1.

Ст.-слав. *везж* — *возити* — *возъ*, греческ. ἔχω, ὁχέομαι, ὁχέω, ὁχός. Здесь наблюдается определенное соответствие между греческим и славянским материалом. Но ср. в греческом языке параллельные формы ἔχος, ὁχός с одним и тем же значением („колесница“), свидетельствующие о стирании этого чередования на греческой почве.

Ст.-слав. *гънати*, *женж* — *гонити*, *гониж*, греческ. θένω || θείνω < *θεύω — „бью“. Форма с корневым **ο** в глаголе на греческой почве отсутствует. Ср. *φόνος* — „убийство“, но это именное образование.

Ст.-слав. *горѣти* — *жаръ* (< *gēr); здесь чередование **e/o** осложняется количественными отношениями — ступень **e** представлена формой с удлинением. Существенно отметить при этом, что ступень **e** в данном случае характеризует не глагольное образование, как обычно, а именное, о чем подробнее ниже. На почве греческого языка, как в глагольных, так и в именных образованиях, представлена в этом корне лишь ступень **e** (и без удлинения): θέρομαι — „мне жарко“, θερμός — „жар“.

Ст.-слав. *бѣж*, *бѣгнж*, *бѣство* содержит лишь ступень **ē** (ср. также литовск. bēgu, bēgt). В греческом языке мы находим чередование **e/o** в нормальной ступени: φέφομαι — „боюсь“, φοβέω — „пугаю“. Ступень с **o** характеризует в данном случае каузативное образование, что наблюдается порой и в славянском грамматическом строем.

Ст.-слав. *вести* — *водити*. На греческой почве мы вообще не находим этого корня. Ему соответствуют литовск. vēsti, vedù, др.-ирландск. fedim, указывающие на ступень **e**; на эту же ступень указывает скорее всего и санскритское vadhi — „невеста“, хотя это и именное образование, поскольку **o** в открытом слоге, по закону Бругмана, должно было бы дать **ā**, а не **a**. Впрочем, на балтийской почве мы находим и ступень **o** (в глагольных же образованиях — ср. латышск. vadīt, vadāt — „вести, водить“).

Ст.-слав. *нести* — *носити* — *ноша* соответствует литовскому nēszti — „нести“, pasztā — „ноша“ (чередование **o/e** в соотношении глагольного и именного образования), но в греческом мы находим лишь именное образование, с корневым **o**: σύκος — „бремя, ноша“. Ср. греческ. φέρω — φορέω, где отношения совершенно такие же, как в славянском *нести* — *носити*, и где точно то же значение, но материально иной корень. На славянской же почве в корне, материально соответствующем греческому φέρω, наблюдается чередование **e/o**, но лишь между глагольным и именным образованием, а не внутри глагольной системы. Ср., например, *берж* — *съборъ*.

Отношение *сырати* — *серж* — *сорити* — *соръ*, обнаруживающее чередование **e/o** и внутри глагольной системы, причем ступень **o** характеризует каузативное образование, и между глагольными и именными образованиями, в других индоевропейских языках не обнаруживается, поскольку соответствующий корень за пределами славянских языков неизвестен.

Уже эти примеры указывают на возможность продолжения образования в определенных категориях чередования **e/o** и на славянской почве.

Для окончательного решения вопроса о степени продуктивности этого чередования на славянской почве необходимо рассмотреть, в каких категориях и в какой мере отражается это чередование в различных славянских языках как в современном их состоянии, так и в состоянии, засвидетельствованном древними письменными памятниками. Поскольку основную ступень образует **e**, существенно в первую очередь обратить внимание на то, в каких категориях представлено **o**,

в каких морфемах, корневых и аффиксальных, налично оно как отражающее ступень чередования к **е**.

Как и в других индоевропейских языках, ступень **о** отчетливо выступает в корне отлагольных существительных, образованных от глаголов, содержащих корневое **е**. Некоторые из этих примеров уже были рассмотрены выше.

Ср. *бредж* — *бродъ*, ср. литовск. *bredù, br̄sti* (с другой ступенью чередования) — „брести по воде“ (таково было, повидимому, первоначальное значение и на славянской почве, на него указывает сохранившееся в настоящее время на севере *брести*, *бродить* в значении именно „идти в брод по воде“, а также *брод* в значении „переход по воде“). Литовск. *brodà* — „брод“ указывает как будто на **а**, которое вообще в данном чередовании не участвует (старое **о** на литовской почве должно было дать **ио**), так что встает вопрос, не имеем ли мы здесь дело с заимствованием из славянских языков.

Вести, везж — *возъ*. Ср. греческ. *ἔχω, ὄχος* (но параллельно с этим и *ἴχος*, ср. выше).

Гребж — *гробъ*. Ступень **о**, но в глагольном образовании, мы находим и на германской почве, ср. готск. *graban* — „копать“. Балтийские языки и древнеиндийский не дают указаний на ступень **о** (ср. литовск. *grébt, grébtī*, латышск. *grebt, grebju* — „выдалбливать“, др.-инд. аорист *ágrabham* при настоящем времени *grbhñāti* (суффиксальное образование, корневой гласный элемент на ступени редукции).

Держ — *доръ*. Существительное *доръ* в значении расчищенного от леса места (т. е. место, где „выдрано“) засвидетельствовано в Правой грамоте Кирилловского монастыря около 1490 г., а также в позднейших памятниках и в современных поморских говорах. Но образование это имеет такой же вид, как унаследованное из глубокой древности (ср. *вести* — *возъ*), так что нет ничего невозможного в том, что существительное *доръ* было представлено на славянской почве с очень давнего времени.

Ступень редукции, которая представлена и на славянской почве (*дърati*), мы находим на балтийской почве, ср. литовск. *dirti, dirù*, в др.-инд. *dīrnāti* — „лопается“, *dītāḥ* (там же ступень удлинения редукции — *dīrnāḥ*). Ступень **е** (соответствующую славянскому *держ*) мы находим в греческом *δέρω* — „деру“, *δέρμα* — „кожа“. Интересно, что ступень **о** в греческом не представлена.

Ст.-слав. *мръти*, др.-русск. *мерети* — *моръ*. Мы находим соответствующее именное образование и на балтийской почве, ср. литовск. *māras* — „мор“. Впрочем, в латышском языке представлена ступень с **е**: *mēris* — „мор“. Ступень **о**, как в глагольном, так и в именном образовании, мы находим в латинском языке — ср. *morior, mors*, именное образование с **о** мы находим в греческом: *μορτός* — „смертный“, но это, вероятно, ступень редукции. Санскритское **а** в *márate, márati* — „умирает“ — указывает скорее на ступень **е**, так как **о**, по закону Бругмана, скорее дало бы **а**. Существенно отметить, что на греческой почве, где чередование **е/о** широко представлено и, несомненно, является продуктивным морфологическим средством, ступень **е** в этом виде не представлена. Ступень редукции, представленная в славянском *мръж* и в именном образовании *съмърть*, отражается в литовском *mīrti* — „умирать“, санскр. *mṛtih* — „смерть“. Поскольку на почве греческого и латинского языков слоговой плавный дает сочетание типа **ог**, ступень **о** не всегда может быть достаточно точно отграничена от ступени редукции.

Плести, плетж — *плоть*. Форма *плоть* встречается в значении „плетень“ в XIII словах Григория Богослова XI в. Ср. греческ. πλέχω — „плету“, πλοκή — „плетение“. Ср. также именные образования с *е*: πλέγμα, πλέκος — „плетеная работа“.

Стелж — *столъ* — „скамья“. В последнем значении это слово за- свидетельствовано в Синайском патерике XI в., ср. греческ. στέλλω — „одеваю“, *столъ* — „платье“, *столбъ* — „вооружение“.

Текж (ср. *текаи*, *течлаху*, Изб. Святослава 1076, *рѣка...* *текжши*, XIII слов Григория Богослова XI в. и др.) — *токъ* (Остромирово ев. и др.).

Рассмотренные образования по типу своему в структурном отношении соответствуют тем образованиям, которые наблюдаются в других древних индоевропейских языках, и ясно обнаруживают свой древний тип. В большинстве случаев они представляют собой корневые образования, показателем которых является лишь тематический гласный **-ө-**, играющий в данном случае роль детерминатива, и показатель **8**. Уже эта большей частью бессуффиксность говорит о древности образования.

Во всяком случае, принимая во внимание широкое распространение этого типа образования в различных индоевропейских языках, можно полагать, что этот тип является общепроиндоевропейским, т. е. достаточно древним.

Такое соотношение, как *плетж* — *плести* — *плотъ*, указывает на наличие в прошлом словаобразовательного суффикса **-t-**: *плетж* < ***plektom**, ср. греческ. πλέχω — πλοκή.

Мы находим также образования, характеризующиеся аффиксальным сочетанием **-ja** (<-jā), т. е. детерминативом **-ā** и предшествующим ему суффиксальным элементом **j:**

нести — *ноша* (соответствия в других индоевропейских языках см. выше);

велѣти — *волаz*; ср. литовск. vēlyti — „желать“, готск. valjan, др.-сканд. velja, др.-в.-нем. wellan — „выбирать“ — ступень **o**, как видим, представлена также на германской почве.

Наличие соответствующих образований с **o** уже в древнейших славянских памятниках говорит о том, что мы имеем дело с образованием дописменной эпохи. Перед нами в настоящее время стоят следующие вопросы: 1) Какие именно из соответствующих образований возникли на почве общепроиндоевропейского „языка-основы“ в результате изменения фонетического? 2) Какие именно из этих образований возникли на почве общепроиндоевропейского же „языка-основы“ уже в результате морфологизации отношений **e/o**? 3) Какие именно из этих образований возникли как морфологические на почве общеславянского „языка-основы“ или даже еще на славяно-балтийской почве?

Отсутствие ступени **o** за пределами славянских языков или же за пределами славянских и балтийских языков может свидетельствовать о формировании соответствующего чередования лишь после выделения из общепроиндоевропейского „языка-основы“, но может быть и результатом того, что образования со ступенью **o** другими индоевропейскими языками были утрачены. Точно так же наличие в других индоевропейских языках ступени **o** в соответствующих категориях, вообще характеризующихся наличием **o** в корне, при отсутствии ступени **e** в других образованиях того же корня может служить свидетельством установления чередования **e/o** в соответствующем славянском корне уже после выделения из общепроиндоевропейского „языка-основы“, но может быть и результатом утраты образований с корневым **e** в тех языках, где оно отсутствует. Но следует иметь в виду, что стремление объяснить

отсутствие некоторых элементов, наличных в другом родственном языке, обязательно утратой их тем языком, где они отсутствуют, является одной из ошибок, весьма распространенных в сравнительно-историческом языкознании. Следует иметь в виду, что языки после распадения развивали много новых особенностей, используя при этом элементы существующего языка. Поскольку ступень **о** является производной от ступени **е**, встает вопрос, как могла сложиться ступень **о** в тех случаях, когда образований с **е** в соответствующем языке не засвидетельствовано.

Следуя, как я уже говорил, объяснению, согласно которому ступень **о** является фонетически вследствие передвижения ударения со слога, содержащего **е**, полагаю, что это могло получиться следующим образом. В том случае, если в одних образованиях от того же корня имело место передвижение ударения, а в других сохранение его на прежнем месте, в образованиях с передвинутым ударением затем развились **о**, а в образованиях с сохранившимся ударением — сохранилось **е**. Впоследствии эти отношения **е—о** были морфологизованы. В том же случае, если передвижение ударения охватывало все образования от данного корня (или же там и было только одно образование), **е** изменялось в **о**, причем ступень **е** в соответствующем корне на почве данного языка вообще не сохранялась, не было ее, следовательно, и позднее, в ту эпоху, когда отношения **е—о** получали морфологическую значимость. Правда, мы застаем случаи, когда образование со ступенью **о** при отсутствии в том же языке образований со ступенью **е** представлено и с ударением на **о** (например, греческ. *букс*). Но это могло быть результатом позднейших передвижений ударения, которые вообще происходили на протяжении истории любого языка.

Находим мы на славянской почве и именные образования с **е**, и прим. древние. Частью они являются в чередовании с именными же образованиями, содержащими корневое **о**, например: ст.-слав. *дрѣво*, др.-руск. *дерево*; ст.-слав. *сѣдравъ*, др.-руск. *сѣдоровъ*. Греческий язык, в соответствии со славянской ступенью **е**, имеет ступень **о:** *δόρυ*; на нее указывает, повидимому, и древнеиндийский язык, ср. ведийское *dáru*, где *ā* < ***o**, по закону Бругмана.

В данном случае существенно обратить внимание на то, что **о** является в производном имени, как это часто бывает с соответствующей ступенью. Но само имя, на славянской почве непроизводное, в какую-то эпоху, возможно, уже на почве общеславянского „языка-основы“, было преобразовано из другой формы, на что указывает греческ. *δόρυ*, др.-инд. *dáru*. Детерминатив **-и** сохранился и на славянской почве в виде **v** (сонант на согласной ступени в соседстве с **о**), на него насливается новый детерминатив **(-о)s / (-e)s** (ср. *древесный* и т. п.). При этом образование сохраняется корневое **е** (***dervos**). О том, что это образование должно было осуществиться уже на почве общеславянского „языка-основы“, говорит тот факт, что даже ближайший к славянским литовский язык имеет также производное от этой формы, но иного образования. Ср. литовск. *dervà* — „смолистый лес“.

На греческой и индийской почве соответствующее имя в косвенных падежах, сохраняя форматив **-и-**, получает еще новый суффикс, притом различный для греческого и санскрита, ср. греческ. *δόρ(ι)хτος*, др.-инд. *drúnaḥ*, но наличие формообразующего элемента **-и-** и в этом случае ясно обнаруживается. Поскольку такие образования на славянской почве не засвидетельствованы, вопрос о сложной суффиксации, возможном супплетивизме в этом случае и чередованиях, связанных с такими образованиями, оставляю в стороне.

Образование ***dervos** сохраняет **е** не потому, что здесь не было передвижения ударения, хотя его и на самом деле не было, на что указывает славянский циркумфлекс корневого слова, засвидетельствованный русск. *дέрево*, сербск. *дрéво*, чешск. *drévo*, но потому, что отношения **е/о** рано перестали быть связанными с ударением.

Форма ***sъdorvъ** представляет достаточно раннее, но во всяком случае славянское образование. Оно отражает наличие **о** в именном образовании, кстати сказать, приставочное именное образование, не отглагольное в своем первоисточнике, представляет собой сравнительно редкий случай. Наличие ступени **о**, конечно, здесь уже не представляет зависимости от места ударения, которая была утрачена, повидимому, еще на общеиндоевропейской почве. Характер ударения здесь не играет роли, хотя можно думать, что нечленная форма *эдорóв* первоначально имела конечное ударение, в результате чего должен был развиться новоакут. На то, что в русск. *эдорóв* не исконное ударение, указывает, возможно, чакавск. *zdráv* (и членное *zdráví*, характеризующееся новым циркумфлексом), а также возможные русские формы: *эдорово* (средн. р.), *эдорова* (жен. р.). Ряд форм, указывающих как будто на старый акут, мог явиться и в результате обобщения.

Мы находим на славянской почве и именные образования с **е**, т. е. с той же самой ступенью корневого гласного, что и в глаголе.

Так, например, в соответствии с *пекъ* мы находим *пекъ* в значении „жар“, „эноз“. В таком значении выступает это слово в русской Тверской летописи под 1377 г. Это слово, возможно, представлено и в более ранних памятниках. Так, форма *пекомъ* встречается в Новгородской Минее 1097 г. Возможно, что это твор. п. ед. ч. от имени *пекъ*. Но, судя по контексту, это могло быть и страдательное причастие.

От этого же корня мы находим существительное *пекло* —ср. южн. *пекла* (Житие Паисия в Четырех Минеях XVI в.). Ср. чешск. *peklo* и соврем. укр. *пекло* — „ад“. Но, судя по суффиксу **-I-**, мы имеем дело с причастным образованием, если здесь не суффикс **-lo-**, который, впрочем, тоже может быть связан с причастием. Если же здесь образование, связанное с причастием, то неудивительно, что здесь основа имеет ту же ступень образования, что и в глаголе. Ср. также образованное с этим суффиксом ст.-слав. *гребло*.

Наряду с древним именем *плоть*, закономерно образованным от глагольного корня *plet-* (*плетъ*) с чередованием на ступени **о**, мы находим в древнерусском языке именное образование *плеть* (Поучения Ефрема Сирина по списку XIV в.) в значении „плетень“, „ограда“.

Свидетельствуют ли приведенные случаи о нарушении закономерности рассматриваемого чередования или же по крайней мере, в части случаев, о сохранении **е** без передвижения ударения?

Ступень с **е** находим мы и в именном образовании *граzъ* <***grēzъ**. Ср. также именные производные от него *граzина* — „топкое место“ — в древнерусском языке (Волынская летопись по Хлебниковскому списку под 1151 г.), *граzивый* — „топкий“ (Слово о полку Игореве). Ту же ступень **е** находим мы и в глагольном образовании *граzнъти*, где наличие суффикса **-nъ**, обозначающего постепенно нарастающее состояние, переход из одного состояния в другое, указывает на производность глагольной основы. Для рассматриваемого корня известна и глагольная основа с **о** — *граzити*. Но здесь обычное каузативное образование, относящееся к IV классу, где корневое **о** нормально, о чем см. ниже.

К древним случаям именных отглагольных образований с **е** относится ст.-слав. *врѣмѧ*, др.-русск. *веремѧ* <***vert-mēn**, также *врѣmeno*, др.-

русск. *веретено* (ср. глагол *въртѣти*). Встречаются случаи чередования **е/о** в именах без участия глагольной основы. Ср., например, *чудо — коудесьникъ* (в такой форме последнее слово представлено в древнерусском языке в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях). Поскольку на восточнославянской почве имело место, как известно, раннее разрушение основ на **-s-**, это слово, возможно, представляет книжное образование, если только оно не возникло в очень глубокой древности, что весьма вероятно. Это слово, а также однокоренные с ним, известны также с **s'** из **s**, развившимся, вероятно, уже после падения редуцированных под воздействием последующего **и'**. Ср. *кѹдешникъ* (Пролог XV в.), а также, вероятно, аналогичные образования, свидетельствующие о морфологическом распространении чередований согласных: *кѹдѣшество* (Ипатьевская летопись под 1250 г.), *кѹдѣшьската бладенъ* (Там же). Впрочем, в Ипатьевской летописи это может быть особенностью псковского списка.

Отношение *чудо — коудесьникъ* восходит к ***kẽdos — *kõdes-ъп-ik-os**. Следует кстати заметить, что в производном имени при ступени **о** в корне представлено в части детерминатива **-e**, характерное для косвенных падежей основ на **-s-**.

Ср. также обычное ст.-слав. *плѣнъ* и встречающееся в русском Апостоле XIV в. *планъ* (с тем же значением), которое указывает на возможность наличия в этом имени ступени чередования **о** (*планъ* < ***polnъ**). Русское *полонъ* могло развиться как из ***pelnъ**, так и из ***polnъ**. В том же Апостоле XIV в. встречается и глагол *планити* в значении „пленить“. Обычный старославянский глагол *плѣнити* указывает на ступень **е**, но здесь сохраняется корневой гласный, характерный для имени, поскольку глагол этот отыменный. На отыменность его указывает конечное ударение в спряжении настоящего времени; ср. русск. *полоню — полони́шь* и т. д.¹

В некоторых случаях мы находим в древности в именных корнях **е** в соответствии с современным **о**. Так, мы находим *бебръ* и *бебрянъ* в Слове о полку Игореве. Литовск. *bēbrus*, *debrus* указывает на индоевропейское **e** (предполагаемая общеиндоевропейская форма ***bhēbhru-**). Впрочем, ступень **о** (*бобръ*) в этом слове отражена в грамоте Олега Рязанского 1356 г., в Ипатьевской летописи, в Хронике Георгия Амартола и в других древнерусских памятниках.

Современному *полынь*, содержащему ступень **о**, в некоторых древних памятниках соответствует *пелынъ* со ступенью **е** (Изб. Святослава 1073, Геннадиева библия 1499 г.). Впрочем, этимология этого слова неясна (ср., однако, новогреч. *πελίνος*).

Следует также остановиться на некоторых спорных случаях чередования **е/о** в именных образованиях. Эти случаи относятся к соотношению древнерусского начального **о-** и старославянского **је-** в положении перед слогом с гласным переднего ряда.

Объяснение, принятое большинством лингвистов², состоит в том, что здесь в восточнославянской области фонетически начальное **је-** еще в дописьменную эпоху изменилось в **о-** (не останавливаясь на гипотезах о фонетической природе этого изменения и на объяснениях возможных отступлений). Иной точки зрения придерживался А. И. Собо-

¹ По указанию Мейе, в то время как итеративные и каузативные глаголы IV класса имеют подвижное ударение, отыменные глаголы того же класса характеризуются конечным ударением, что обусловлено, по его мнению, акутовым характером **-i-** отыменных глаголов.

² См., например, Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М., 1924, стр. 112.

левский, считавший, что соответствующая фонетическая закономерность вообще не имела места и что здесь мы имеем дело со старым чередованием **e/o**, которое в некоторых корнях представлено в одних славянских языках с **e**, в других с **o**¹, т. е. здесь мы имеем дело с разрушением старого чередования. Действительно, выходя за пределы славянских языков, мы находим некоторые случаи корневого **o** в соответствии с русским начальным **o-**, соответствующим старославянскому **je-**. На них и указывает А. И. Соболевский. Ср., например, русск. **олень**, ст.-слав. **кленъ**, литовск. **élnis**, латышск. **alnis** (где **a < o**); ср. также русск. **осень**, ст.-слав. **ксень**, готск. **asans** (где также **a < o**).

Здесь встает три вопроса: 1) должно ли быть отброшено фонетическое объяснение восточнославянского начального **o-** в соответствии со старославянским **je-**, как развивавшегося из ***je?** 2) Совместимо ли предположение о фонетическом развитии восточнославянского **o < *je** с предположением об отражении старого индоевропейского чередования **e/o** в тех корнях, где представлено это предполагаемое ***o < *je?** 3) Если в соответствующих корнях действительно представлено индоевропейское чередование **e/o**, не свидетельствует ли это вообще о разрушении чередования **e/o** еще на почве общеславянского «языка-основы» (подобное предположение, как уже было сказано выше, выдвигалось)?

Помимо приведенного выше фонетического закона изменения начального **je > o** в положении перед гласными переднего ряда, некоторые лингвисты дают иную формулировку этого изменения, также как фонетического. Так, А. Мейе считает, что в русском языке вообще начальное **je-** переходило в **o-**, за исключением тех случаев, когда его удерживала аналогия или влияние церковнославянского языка². Он указывает в качестве примеров этого изменения также на такие диалектные и древнерусские формы, как **одва** (**едва**). При этом он считает, что соответствующее изменение было первоначально связано с фонетикой предложения, т. е. первоначально было обусловлено определенным фонетическим положением по отношению к концу предшествующего слова.

Нужно сказать, что для установления вообще изменения **je > o** (независимо от качества гласного последующего слога) достаточных оснований нет. Единичный случай **o** в соответствии с **je** относится к служебному слову, а служебные слова в своем развитии, будучи постоянно безударными, вообще могут отступать от общих закономерностей. К тому же другие служебные слова обнаруживают изменение **je > o** также перед гласным переднего ряда. Ср. **оцѣбъ < *jesče**, **оже < ježe**. Единичное **одва** может быть и результатом аналогических воздействий (объясняться воздействием тех частиц — ведь **едва** играет роль частицы, — где в начале **o**).

Следует также иметь в виду, что соответствующие частицы могут выступать с начальным **o-** и в других славянских языках (Мейе эти примеры приводит), где вообще нет фонетического изменения **je > o**. Ср. словенск. **диал. odvaj**, макед. **ódva(j)**, болг. **още**, макед. **úще** (**úste**), др.-сербск. **оште**, совр. сербск. **jоште > још**.

Нет достаточных оснований и для предположения о связи рассматриваемого явления с фонетикой предложения. Следует сказать, что Мейе лишь вскользь говорит об этом, не развивая своего предположения.

¹ См. А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, Изд. 4, М., 1907, стр. 31 и сл.

² См. А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 100.

Указание на изменение **i > y (ы)** в русском языке в начале слова после конечного твердого согласного предшествующего слова, ничего не разъясняет, так как здесь речь идет об изменении совершенно другой эпохи и другого характера. Это изменение указывает на то, что ко времени падения редуцированных в русском языке действуют иные отношения между различными звуками (точнее, фонемами) и иные нормы изменения в зависимости от соседних звуков, чем действовавшие в более раннюю эпоху и даже сравнительно недолго до падения редуцированных. В то время как в более раннюю эпоху согласные, оказавшиеся в положении перед **i**, подвергались смягчению, теперь согласные, оказавшиеся в положении перед **i** в результате утраты слабого конечного **ъ**, сохраняются, но само **i** подвергается смещению в более заднее образование, т. е. изменяется в **y (ы)**¹.

Принимая во внимание широкое распространение русского начального **о** в соответствии со старославянским **је-** именно в положении перед слогом с гласным переднего ряда, вряд ли есть основание отвергать фонетический характер изменения **је > о** в восточнославянской области.

Предположению о фонетическом изменении **је > о** нисколько не противоречит предположение о том, что, по крайней мере в некоторых корнях, содержащих в русском языке **o < je**, может отражаться и старое индоевропейское чередование **e/o**, с точки зрения которого могут быть объяснены такие формы, как латышск. *alnis*, горск. *asans*. Возможно, что если в соответствующих корнях и отражалось когда-то чередование **e/o**, уже нарушенное, в результате чего в одних индоевропейских языках соответствующие корни являлись с **e**, в других с **o**, в общеславянском „языке-основе“ соответствующие слова являются на ступени **e**. Перед начальным **e-** еще на общеславянской почве фонетически развивается **j**, а затем, уже на восточнославянской почве, начальное **је-** фонетически изменяется в **o-** перед слогом с гласным переднего ряда (промежуточной ступенью является, несомненно, утрата **j**, поскольку, согласно древним славянским фонетическим нормам, сочетание **jo** было невозможно, утрата же **j**, повидимому, представляет собой результат диссимиляции по отношению к последующему слогу).

Следует заметить, что в таком слове, как **олень**, ступень **e** зафиксирована не только в других славянских языках и в литовском, но и в других индоевропейских языках. Следует кстати заметить, что корень этого слова первоначально был **el-**, тогда как элемент **-ед-** представлял собой суффикс, в данном случае уже не выделяемый, но возможный и в поздних образованиях —ср., например, гребень². Суффикс **-ед-** в других индоевропейских языках может являться и на иной ступени чередования (на ступени редукции **-и-**). На ступень корневого гласного **e** указывает греческ. *έλα-φος*, *έλλος* < *ελνός, армянск. *ełn*.

Разрушение чередования **e/o** в некоторых корнях нисколько не говорит в пользу того, что чередование **e/o** вообще перестало быть продуктивным. Уже приведенные примеры свидетельствуют о возможности выравнивания в тех случаях, когда различие **e** и **o** первоначально было обусловлено фонетически. Так, например, если греческое *έλα-φος* указывает на первоначальное **e**, то *έλλος* должно бы было представлять ступень **o** (ср. *φορος*). Образование это сложилось, повидимому, еще до выделения греческого языка в самостоятельную группу, поскольку оно содержит суффикс, ограждающийся и в других индоевропейских языках (в том числе и в славянских). Вероятно, **e** здесь

¹ О смягчении согласных перед **i** в более раннюю эпоху см. Дурково. „Slavia“, II.

² См. А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 280.

заменило **о** по аналогии к формам, сохранившим ударное **е**. Это замещение имело, вероятно, место в ту эпоху, когда **о** < **е** утратило уже связь с фонетическим положением. Но это выравнивание несколько не явилось препятствием к тому, что вообще чередование **е/о** сохранило свою продуктивность на греческой почве и дало ряд новых образований. Ведь именно в греческом языке это чередование проявляется черезвычайно ярко, о чем уже говорилось выше. Подобно тому, как один и тот же суффикс [это видно уже на основании отмеченного выше суффикса **-εп-** (-**η-**)], переставая выделяться в одних словах, которые в результате этого переживают так называемое „опрощение“, в других случаях сохраняет свою продуктивность и участвует в новых и поздних образованиях, подобно этому и одно и то же чередование, разрушаясь в одних случаях, в других может сохранять свою продуктивность. Разрушение чередования особенно возможно в тех случаях, когда оно установилось лишь в результате фонетических изменений и не характеризует при этом различные морфологические категории одного и того же корня (что и имеет место, например, в случае греческого ἐλλές). Можно указать и на случаи, относящиеся к более поздним чередованиям, чем рассматриваемое чередование гласных, когда чередование, в одних случаях разрушаясь в результате выравнивания (т. е. действия аналогии), в других случаях сохраняется. Так, например, в русских говорах широко распространено устранение чередования задненёбных согласных с шипящими, возникшего уже на славянской почве, в основе настоящего времени глаголов (в части говоров оно сменяется новым чередованием типа **k/k'**, ср. **пеку́ — пекёш** и т. д., в некоторых же говорах вообще устраняется, ср. **пеку́ — пеко́ш** и т. д.). Но в этих же говорах сохраняется чередование задненёбных согласных с шипящими в именном словообразовании, т. е. в этих говорах возможны такие образования, как **дружок** при **друг**, **кличок** при **клок**, **флачок** (при **флак — флаки** — „флаг“, привожу соответствующее образование для того, чтобы показать продуктивность чередования, распространяющегося и на новое слово, где к тому же фонема **k** нового и аналогического происхождения).

При рассмотрении развития чередования **е/о** на славянской почве особый интерес представляет исследование этого чередования в производных именах с суффиксами или приставками, а также исследование сложных слов, т. е. слов, содержащих более одного корня (практически приходится иметь дело лишь со словами, содержащими два корня, поскольку слова, содержащие большее количество корней, встречаются лишь в некоторых поздних памятниках и носят к тому же искусственный характер, вследствие чего большого интереса, с нашей точки зрения, не представляют). Исследование соответствующих производных имен позволяет выделить более поздние образования (в зависимости от того, какие структурные средства в них использованы), а на основании этого — судить о том, насколько сохраняло чередование продуктивность в более позднее время.

Приставочные образования в именах свидетельствуют большей частью об их отглагольном происхождении, а поэтому, когда мы имеем дело с соответствующими образованиями, почти всегда следует принимать во внимание возможное качество корневого гласного в приставочных, а также бесприставочных глаголах соответствующего корня. Впрочем, некоторые приставки, правда, в очень редких случаях, носят и специально именной характер.

В различных славянских языках мы находим большое количество именных приставочных образований, содержащих корневое **о**, чередующееся с **е** (ступень **е** обычно представлена в корне глагольных

образований). Если мы хотим узнать наличие соответствующих образований в древних памятниках, нам больше всего материала дают древнерусский и старославянский языки, так как другие славянские языки зафиксированы в памятниках в более позднее время. Обращаться же при исследовании чередования **е/о** к древним памятникам необходимо, поскольку в настоящее время это чередование, несомненно, уже не является продуктивным, и предстоит решить лишь вопрос о том, в какой мере оно сохраняло продуктивность на почве общеславянского „языка-основы“ и на почве отдельных славянских языков в ранний период их развития.

Исследуя памятники, а также современные славянские языки, мы находим большое количество именных приставочных образований, содержащих в корне **о**, чередующееся в других образованиях (главным образом глагольных) с корневым **е**.

В соответствии с образованиями от глагольного корня ***ver-** (на ступени редукции ***vъr-**) мы находим такие образования, как **завора** — „запор“ (Троицкий сборник поучений XII в.), **развора** — „столб“, „шест“ (Исход и Книга Числ в русском списке XIV в.). Эти образования сопоставляются со ст.-слав. **врѣти**, **върж** (ср. приставочное образование в др.-русск. **заврѣти**, **зavrѣтъ**). В древнерусском языке мы находим и бесприставочное именное образование с **о** — **воръ**, в том же значении, что и **завора**, в Ипатьевской летописи. В глагольном корне мы находим ступень **о** в словах **вратити**, **воротити** (современное **вортить**), с которой связано и именное образование **врата**, **ворота**. Но эти образования, как глагольное, так и именное, содержат суффиксальный элемент **-t-**, являющийся и в глагольном образовании **врѣтти**, **въртти**, где корень представлен на ступени редукции. Суффиксальный элемент **-t-** мы находим и за пределами славянских языков, в литовском **vаftai** (циркумфлекс здесь, повидимому, старый, на что указывает русская архаическая форма **вортá**). Бессуффиксное именное образование, но со ступенью **е**, мы находим в умбрском **veres** — „ворота“ (образование с суффиксальным **-t-** мы находим и в латинском **vertere**).

Именное образование с **о** представляет собой и **оплотъ** (ср. **плетж**, **плести** < ***plet-ti**).

Ряд приставочных образований с **о** мы находим в именах, соответствующих по корню глаголу **текж** — **тещи**, **течи**. Ср. **отокъ**, имеющее значение „остров“ в Остромировом евангелии, в книге пророков с толкованиями Упрыя Лихого (Иер. II, 10) и в некоторых других памятниках, и значение „опухоль“, „отёк“ в Изб. Святослава 1073 и Синайском патерике XI в. И. И. Срезневский, со ссылкой на „Описание славянских рукописей Синодальной библиотеки“ Горского и Новоструева, указывает также значение „мыс“¹. Подобные образования от этого корня мы встречаем и в других славянских языках. Ср. сербск. **оток** — „остров“, **отока** — „боковой рукав реки“ (ср. совр. русск. **протока**), польск. **otok** — „гной“, чешск. **otok** — „опухоль“, „отёк“. С другой приставкой, но от того же корня образовано др.-русск. существительное **потокъ** — „ссылка“, „изгнание“ (Русская Правда).

В соответствии с рассматриваемыми именными образованиями мы находим и глагольное образование с корневым **о** — **точти**, а также в различных приставочных образованиях — **расточти** и т. п. Различные значения именных образований с корневым **о**, наблюдающиеся в разных славянских языках, говорят о том, что соответствующие образования могли развиться в этих языках по одной и той же модели, но независимо друг от друга. Вряд ли одно из другого могли развиться

¹ См. И. И. Срезневский. Материалы, II, 759.

значение „опухоли“ и значение чего-то омываемого или промываемого водой. Здесь использованы были лишь различные оттенки значения одного глагольного корня и общий прием образования. А это говорит, скорее всего, о возможности развития соответствующих образований в сравнительно позднее время, во всяком случае уже на почве отдельных славянских языков.

В соответствии с глагольным корнем **ved-** (ср. *ведъ*, *вести* < *ved-ti) мы находим различные именные приставочные образования с корневым **o**, отражающиеся в памятниках различных эпох, а также в современных языках. Ср., например, *съводъ* (Русская Правда), *отъводъ* (Новгородская летопись по Архивному списку, также Новгородские грамоты XIV—XV вв.), *разводъ* — „рассадка“ (Изб. Святослава 1073), *разводъ* (Договорная грамота кн. Юрия Дмитриевича и князя Василия Васильевича 1433 г.). Ср. также *переводъ* (Новгородская грамота 1265 г., Новгородская грамота 1301—1302 гг., грамота кн. Василия Васильевича 1435 г. и др.). Впрочем, в соответствии с именными приставочными образованиями находятся и глагольные образования с корневым **o**, как бесприставочное (*водити*), так и различные приставочные, так что здесь встает вопрос, не являются ли соответствующие именные образования производными от глагольных. Но отглагольные именные образования (это необходимо иметь в виду) не имеют показателя **-i-**, характеризующего глагольные образования как итеративные (бесприставочное *водити* во всяком случае является итеративным, что структурно выражается в оформлении его по IV классу и притом с корневым гласным **o**). В соответствии с глагольным корнем **vez-** (ср. *везд* — *везти*) имеется именное приставочное образование *перевозъ*. Но в соответствии с ним имеются как бесприставочное, так и приставочные образования, идущие по IV классу и содержащие в корне **o**: *возити*, *перевозити*.

Многочисленные образования являются в соответствии с глагольным корнем ***leg-** (*лещи* < *leg-ti, *лежати* < *leg-é-ti). Ср., например, *сълогъ* — „соединение“, „слияние“ в переводе Иоанна Экзарха Болгарского „Богословия Иоанна Дамаскина“ (в списке до 1200 г.), *съложъ* — „супруг“, „супруга“ (Златоструй XII в.). Ср. также, вероятно, более позднее, *рэлогъ* — „овраг“ (русская обводная межевая грамота 1391 г.), а также бесприставочное *лог* и суффиксальное *логошице* (а также *логово*, без соответствующего суффикса со значением места). Ср. также *прилогъ* — „прибавление“ (Пандекты Антиоха XI в.), „нападение“ (Новгородская минае 1096 г.), „пример“ (Изб. Святослава 1073) и др. В соответствии с этими именными образованиями мы также находим глагольные образования с корневым **o**, но в древних памятниках представленные лишь в приставочной форме, — *съложити*, *въложити* и т. д. (наблюдающееся в настоящее время *ложить*, вероятно, представляет собой позднее образование).

К рассмотренным образованиям следует сделать то же замечание, которое было сделано выше к образованиям от корня **ved-** | **vod-**.

В соответствии с глагольным корнем **zъg-** (эърѣти — эърѣж) мы находим приставочные образования, как бессуффиксные, так и суффиксальные. Ср. *позоръ*, *позорище*. Такие образования известны в разных славянских языках. Глагольный корень представлен на ступени редукции, ступень же **e**, нормальная для глагольных корней, не засвидетельствована. Но имеется производная глагольная основа с корневым **o**: *позоровати*.

В соответствии с глагольным корнем **nes-** (*несж* — *нести*) также наблюдаются различные именные приставочные образования с корне-

вым **о**, например, *прѣносъ* (записки Игнатия чернеда о путешествии митрополита Пимена в Царьград и Иерусалим 1392 г.), *поносъ* — „движение“ (перевод Иоанна Экзарха Болгарского „Богословия Иоанна Дамаскина“). *Поносъ* в значении хода парусного судна по ветру встречается и в старинной поморской лодии (см. Уставец Мора акияна русского, существовавший в библиотеке Соловецкого монастыря в списке, повидимому, конца XVI в. с подлинника XV в., сообщенный К. С. Бадигиным). В поморских говорах известно и *пронос* (слово употребляется, когда речь идет о том, что судно проносит мимо чего-то —ср. приводимую М. Пришвиным поморскую пословицу *Кеды не беды, Моржовец не пронос...*). Интересно, что в поморских говорах известно именное образование с **е** в близком значении — *пóнесъ* — „текение“ (ср., например: *На понеси попловите* — „Поплывете по течению“, мои записи на р. Пинеге). Эти образования различаются ударением: в то время как *понóс* имеет ударение на корне, *пóнесъ* — на приставке (отношения корневого гласного и ударения совершенно иные, чем те, какие были в эпоху возникновения чередования **е/о**, но ведь эти образования и принадлежат совершенно иной эпохе). Существенно обратить внимание на твердость и мягкость согласного, следующего за корневым гласным в соответствующих образованиях русского языка. Существительное *понóс* идет по склонению с основой на **-о** (современное II склонение), существительное *пóнесъ* — по основам на **-и** (современное III склонение). Согласный перед **ь** в русском языке, как известно, очень рано смягчается, и согласный на конце соответствующих существительных в настоящее время мягкий (за исключением отвердевших на протяжении истории русского языка шипящих). Интересно, что ступень **е/о** в рассматриваемых именных образованиях как бы зависит от качества последующего согласного: **о** является перед твердым согласным, **е** — перед мягким. Конечно, здесь идет речь не о фонетической зависимости, поскольку в русском языке ряд гласного (особенно, если принять во внимание, что и предшествующие согласные здесь различные по твердости и мягкости) не зависит от последующего согласного — этой зависимости не было в эпоху до падения редуцированных, поскольку последующий согласный входил в другой слог, — зависимость сказывалась в очень раннюю эпоху развития восточнославянских наречий лишь в случае тавтосиллабического согласного, ср. др.-русск. *вълкъ* <**у́лькъ*, *молоко*<**мелко*, после же падения редуцированных она наблюдается лишь в случае предшествующего мягкого согласного: ср. диалектные изменения *е>’о* после мягкого согласного, *а>е* между мягкими согласными, *ё>i* перед мягким согласным.

Поскольку и в соответствии с глагольным корнем **mes-** издавна известны также глагольные основы с корневым гласным **о**, как приставочные, так и бесприставочные, оформляющиеся по IV классу, поскольку явно отглагольные образования типа *приношеник*, *поношеник* оставляю в стороне. Они образованы от соответствующих глаголов, точнее от страдательных причастий, и указывают на поздний характер образования. Свойственны они главным образом книжному языку. На отглагольность их отчетливо указывает сохранение принадлежащего глагольной основе **-i-** (в конце корня *š<sj<si*, где *i<i*, как сонант в соседстве с собственным гласным). Этим они отличаются от образований, рассмотренных выше.

В соответствии с глагольным корнем **rek-** (*рекъ — реши*) имеется приставочное именное отглагольное образование *пророкъ*. Глагол соответствующего значения, т. е. имеющий значение „предсказывать“, поскольку *пророкъ* обозначает „предсказатель“, имеет другую ступень

чредования корневого гласного — *прорицати* (так называемую ступень удлинения редукции). Сюда же, повидимому, относится и *отрокъ*.

В соответствии с глагольным корнем **žen-** < ***gen-** (женж — гнанти) выступают приставочные именные образования типа *прогонъ* — „гонение“, *разгонъ* — „разведка“ (см. Лаврентьевскую летопись под 1153 г., Ипатьевскую летопись под 1281 г.). В соответствии с ними также представлены бесприставочное и приставочное образования, оформленные по IV классу и содержащие корневое **o**: *гонити*, *прогонити* (ср. в Зографском евангелии: *прогонимъ бѣаше*). Явно отглагольным является сохраняющее показатель **-i-** именное суффиксальное образование *гонитель* (XIII слов Григория Богослова XI в.).

При глагольном корне **greb-** (гребж — гРЕТИ), наряду с обычным *погребъ*, сохраняющим корневое **e**, отмечено в древнерусском языке именное приставочное образование с корневым **o** — *погробъ* (Псковская летопись по Погодинскому списку под 1414 г.). Существенно отметить, что здесь не сохранилось глагольного образования на ступени **o**. Впрочем, мы находим образование, представляющее ступень удлинения к ступени **o**, — *грабити* (отглагольное грАБЕЖЬ известно как в русских памятниках, например, в Псковской судной грамоте и в Уложении Алексея Михайловича, так и в сербском *грабеж*).

В соответствии с глагольным корнем **ber-** (берж — бРати) имеются именные приставочные образования, как бессуффиксные, так и суффиксальные. Ср. *съборъ*, *съборище*, засвидетельствованные уже в древнейших славянских памятниках. Интересно, что соответствующий корень дает лишь именные, но не глагольные образования с корневым **o**. Эти образования оформились, несомненно, на славянской почве от соответствующего приставочного глагола с корневым **e** — *съберж* — *събрата*. И это указывает на то, что соответствующие образования сложились уже на почве общеславянского „языка-основы“, но не ранее. Этот корень представляет чередование **e/o** (**e** — в глагольном, **o** — в именном образовании) и на греческой почве, но в бесприставочных образованиях: ср. φέρω — φορός, φόρος.

В соответствии с глагольным корнем **bi-/vyj- < *bej-** мы находим именное приставочное образование *подъбои* — „дверной косяк“. В таком значении выступает это слово в Пророках с толкованиями Упыря Лихого, а также в различных книгах Ветхого завета по русскому списку XIV в. В значении „пристанище“ это слово употреблено в Панадектах Антиоха XI в. (л. 224), но, повидимому, вследствие ошибки при переводе: греческ. στάδυας имело значение как „столб, притолока“, так и „пристань, станция“. Интересно, что соответствующий приставочный глагол с суффиксом **-va-** — *подбивати* — отмечен Срезневским лишь в позднем памятнике — в Псковской летописи под 1364 г., а бессуффиксный глагол *подъбити* у Срезневского вообще отсутствует.

Рассматриваемое образование, повидимому, сравнительно позднее, поскольку предлог и пристаека **подъ-**, восходящие к индоевропейскому ***ped-**/***pod-** (ср. латинск. pes, pedis, греческ. πούς, ποδός), оформились как служебный элемент, повидимому, лишь на славянский почве, да и здесь соответствующая форма выступает и в именном значении — ср. *подъ горы* — „подошва горы“ (Ипатьевская летопись под 1144 г.); ср. также современное *под печи*.

Большой интерес представляют такие приставочные образования, как *отдор*, *оттор*, производные от глаголов *дърати* (дерд), *терети* (тьрб). Оба приведенных выше существительных отмечены в поморских говорах — *отдёр* в значении „отжимный ветер“ (ср. также *отдор-ный ветер*), *оттёр* в значении „сильный ветер с берега, поникающий“.

воду в заливе". Взяты эти примеры из словаря северного мореплавания и кораблевождения К. С. Бадигина¹. Эти образования, несомненно, идут от указанных выше глаголов, а не от отглагольного существительного *доръ* (см. выше), и свидетельствуют о продуктивности чередования **е/о** в сравнительно позднее время: соответствующие термины могли получить распространение лишь с развитием нашего северного мореплавания.

Еще больший интерес представляет именное образование с приставкой **vy-**, засвидетельствованное древнерусским *вымолъ* — „вымоина“, в памятниках начиная с XIV в. (Устав Ярослава о мостах по списку XIV в., Межевая грамота в. к. Ивана Васильевича 1504 г.). Это образование, производное от глагола с корневым **е** (общеславянское **melti*, русское *молоть*), не является достоянием только русского языка, но засвидетельствовано и в западнославянской области, ср. чешск. *výmol* — „вымоина“. В чешском языке засвидетельствован и соответствующий приставочный глагол, но с корневым **е**, а не **о**: *vymleti* — „смолоть“, „размыть“, „подмыть“ (в русском *молоть* на ступень **е** указывает основа настоящего времени: *мелю* — *мелешь*). Рассматриваемое образование представляет особый интерес в силу того, что оно характеризуется приставкой позднего происхождения **vy-**, не являющейся общеславянской, проникшей в язык, несомненно, уже после нарушения славянской общности (хотя бы в какой-то мере) и засвидетельствованной лишь в восточнославянской и западнославянской областях (в южнославянской области ей соответствует, как известно, по значению приставка *iz-*). Все сказанное свидетельствует о том, что образования со ступенью **о** (при корневом **е**) продолжали возникать вновь даже после нарушения славянской общности, т. е. о том, что чередование **е/о** сохраняло свою продуктивность в довольно позднюю эпоху.

Именные приставочные образования представляют собой, как уже было сказано, главным образом производные от глаголов, поскольку приставки в древности в славянских языках, как и теперь, были свойственны в первую очередь глаголам (такова, повидимому, была картина и в общеславянском „языке-основе“). Но существуют и приставки, выступающие в отыменных образованиях. Такова, по крайней мере, приставка **ра-**, выступающая как в отглагольных, так и в отыменных образованиях (ср., с одной стороны, такие образования, как *паволока*, *патока*, с другой — такие, как *пасынок*, *падчерица* < *падъчерица*, *паводок*). Рассматривая соответствующие приставочные именные образования с корневым **о**, мы находим в соответствии с ними и глагольные корни на разных ступенях чередования, хотя в некоторых случаях эти образования и являются непосредственно производными от образований именных. Отглагольными являются такие, как *паволока* (Лаврентьевская летопись), *патока* (Геннадиева библия 1499 г.).

В соответствии с *паволока* известен как глагол с корневым **е** (*влѣкъ* < **velkō* — *влѣши* < **velkti*), так и глагол с корневым **о** (*влачъ* < **volkjō* — *влачити* < **volkiti*). Но именное образование *паволока*, подобно рассмотренным выше, не содержит показателя **-i-**, характерного для глагола с корневым **о**. Древнерусский язык не дает возможности отличить образования с корневым **е** и корневым **о** (они могут быть установлены лишь на основании общей структуры основы).

В соответствии с *патока* также известны глагольные образования как с **е**, так и с **о** (ср. *текъ* — *теши*, *точъ* — *точити*, последний

¹ Ср. также А. П. *Подвысоцкий*. Словарь архангельского областного наречия. СПб., 1885.

глагол является каузативным), но *патока*, хотя и связано по значению с каузативным отглагольным образованием, не содержит (как и *лаволока*) показателя последнего *-i-*.

И. И. Срезневский, со ссылкой на Древний летописец издания 1774—1775 гг., приводит характеризующееся соответствующей приставкой прилагательное *паморочный* в значении „пасмурный“¹ (в этом последнем прилагательном, переводящем древнерусское, как видим, налицо та же приставка). Это приставочное образование, как и бесприставочное *мрачный*, *морочный*, связано с существительным *мракъ*, *морокъ* (ср. соврем. *морока*). Но известен и соответствующий глагольный корень, корневой гласный которого представлен или на ступени редукции или же на ступени **о** с оформлением (в качестве каузативного) по IV классу: *мръкнѣти*, *мрачнѣти*. Глагол *мръкнѣти*, относящийся ко II классу и входящий в группу глаголов, обозначающих постепенный переход из одного состояния в другое, содержит суффикс *-но-*, отсутствующий в именных образованиях (точно так же, как отсутствует в них и показатель IV класса *-i-*).

Впрочем, некоторые отглагольные образования (например, аорист) возможны были и без этого суффикса: ср. *съмръче* (3 л. ед. ч. аориста).

Интересно рассмотреть, как уже было сказано, сложные, двукоренные слова. Мы находим во втором корне, т. е. в корне той части слова, которое содержит и структурное оформление всего сложного слова, гласный на ступени **о** (при возможном вообще в том же корне **е**), хотя, как увидим, и не всегда. Это **о** свойственно двукоренным образованиям различных славянских языков.

Можно привести в качестве примера ст.-слав. *водоносъ* в значении „сосуд для ношения воды“ (в таком значении встречается это слово в евангельском тексте). Мы находим подобное образование, но распространенное суффиксальным *-ja* и склоняющееся, следовательно, по типу основ на **-а** (*водоносъ* идет по основам на **-о**), и в сербском языке: ср. *водоноша* — „человек (мужчина или женщина), носящий воду“.

В различных славянских языках мы находим и сложное слово с корневым **о** во втором корне от глагольного корня **ved-/vod-**: ст.-слав. и др.-русск. *воевода*. Ср. сербск. *војвода*, польск. *wojewoda*, чешск. *vojevůdce* (в последнем случае суффиксальное образование). Рассмотренные образования различных славянских языков идут по типу основ на **-а**.

В древнерусской Хронике Георгия Амартола мы находим подобное же образование *водоточа* — „проток“ (ср. *текъ* — *тещи*, *точъ* — *точити*). Подобные же образования, но по-разному оформленные, например, *водоточь*, *водоточище*, мы находим и в южнославянских памятниках, например, в сербском Пятикнижии Михановича XVI в. и др.

Ср. также суффиксальное сложное имя *рѣководъцъ* (Послание митрополита Фотия 1415—1419 гг.). Впрочем, имеется и сложный глагол *руководити*, производным от которого может являться данное существительное.

Сложные слова в целом представляют собой сравнительно поздние образования. Долгое время существовало мнение, что, по крайней мере, многие сложные слова были калькированы с греческого и распространялись через книжный язык. Между тем и для них использовалась та же модель, содержащая чередование **е/о**.

Если, как мы видели выше, широко распространены именные приставочные образования с корневым **о**, то встречаем мы также

¹ См. И. И. Срезневский. Материалы, II, 870—871.

в различных славянских языках, как в современном их состоянии, так и в древности, и именные приставочные (явно отглагольные) образования, содержащие корневое **е**, впрочем в значительно меньшем количестве, чем рассмотренные выше, содержащие **о**. Ср., например, такие формы, образованные от глагола *метъ—мести* с различными приставками, как др.-русск. *пометъ* — „сбор пожертвований“ (I Новгородская летопись по Академическому списку под 1413 г.), *приметъ* — „то, что осаждающие подбрасывают к стенам осажденного города“ (Суздальская летопись), *подъметъ* — „подбрасывание ложного поличного“ (Послание Белозерского игумена Кирилла князю Андрею 1408—1413 гг.), *розметъ* — „подать“ (Жалованная грамота в. кн. Василия Васильевича 1449 г.), „нарушение мира“ — это значение И. И. Срезневский сообщает со ссылкой на Древний летописец по изданию XVIII в.¹ Можно думать, что в русском языке более позднего времени (после изменения **е** > **о**, которое, вслед за некоторыми другими лингвистами, я отношу ко времени после падения редуцированных) в корне соответствующих существительных произносились **о** после мягкого согласного.

Ср. также широко распространенное, начиная с древних памятников, *погребъ* (при значительно более редком *погробъ*, рассмотренном выше) к глаголу *гребж* (*грести*).

Корневое **е** имеет оформленное по основам на **-и-** существительное *подъпражъ* — „подъяремный скот“ (Изб. Святослава 1073) от глагольного корня *pręg-* — ср. глагол *подъпрациಸа* — „стать покорным“. Впрочем, от этого же корня возможно и именное образование с корневым **о** — *съпражга*. Ср. выше *побнесь* (также оформленное по старому склонению с основой **-и-**).

Имеются и суффиксальные отглагольные образования, сохраняющие корневое **е**, например *печъцъ* — „пекарь“ (Печерский патерик по списку XV в.).

В именных словосложениях, второй член которых образован от глаголов с корневым **е**, мы также находим образования с **е** в этом втором члене, хотя и более редкие, чем с корневым **о**, которые были рассмотрены выше. Ср., например, *водотеча* в значении „поток“ (*'torrents'*), встречающееся в различных древних памятниках, например, в XII словах Григория Богослова XI в., где оно передает греческое *χειμάρρος*. Это словосложение оформлено точно так же, как рассмотренное выше содержащее корневое **о** *водоточа*, а именно — по основам на **-ja-**.

Большой интерес представляет оформленное по основам на **-и-** образование *виноберь* — „сбор винограда“. Оно встречается в русском списке XIV в. Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, где передает греческое *τρυχητός*. Образование это заведомо славянское, а не калькированное с греческого, причем сложилось, несомненно, на южнославянской почве, поскольку в древней Руси виноград не возделывался. Мы встречаем это образование и в живых южнославянских языках: ср. болгарск. *винобéр*, сербск. *винòбер*. Не знаю, встречается ли это слово в современных сербских говорах. Вук в своем словаре приводит его лишь в составе пословицы: *Баба старца звала уз въболуц, а старац јој се одозвао уз винобер*. Вообще же для обозначения сбора винограда он приводит другие слова, различные для разных диалектов и не представляющие собой словосложения. Так, в „Воеводстве“ он отмечает *бéрба*, также от корня *брати*, *берж*, как и *вино-*

¹ См. И. И. Срезневский. Материалы, III, 155.

бер, и, что интересно, также с корневым **е**, но с иным оформлением. Для других диалектов даются вообще другие образования, частью от другого корня, частью описательные, например, *виноградско брање* — в Сербии, *јемање* — в Боке.

Рассматривая внутриглагольное образование, мы видим, что и в нем также принимает участие чередование **е/о**, причем ступень **о** охватывает вполне определенные категории, а именно — образования каузативные и итеративные (собственно, даже не итеративные в целом, а уже — кратные глаголы движения или, как их иногда называют, глаголы нелинейного движения). При этом приставочное образование не оказывает воздействия на ступень чередования корневого гласного — как приставочные, так и бесприставочные глаголы могут содержать в корне как **е**, так и **о**. Ср., например, *женж* (*гънти*) — *гонж* (*гонти*) и *отъженж* (*отъгънти*) — *отъгонж* (*отъгонти*).

Такие отношения, как *вести* (*ведж*) — *водити*, *вести* (*везж*) — *возити*, *нести* — *носити*, *брести* (*бредж*) — *бродити*, представляют отношения глаголов линейного и нелинейного движения. Не останавливаюсь подробно на всех оттенках значений соответствующих глаголов, какие могут быть вскрыты на основе анализа памятников, так как это выходит за пределы настоящей работы.

Глаголы движения, представляющие эти отношения, количественно весьма ограничены. В большем числе представлены каузативные глаголы, содержащие **о** (не разграничуя здесь собственно каузативных и фактитивных). Примерами на отношения каузативных глаголов к некаузативным являются отношения таких глаголов, как *мрѣти* (*мерети*) — *морити*, *масти* — *мѣстити* (впрочем, два последние глагола по значению уже не противостоят друг другу как каузативный и не-каузативный).

Сюда же относятся и такие случаи, как *грѣзжти* — *грѣзити* (т. е. „заставлять грязнуть“). Следует обратить внимание на то, что глаголы каузативные, содержащие корневое **о**, оформляются по IV классу, так же как и глаголы нелинейного движения, причем являются они производными от глаголов различных классов, в наших примерах — от I, а также от II (и именно со значением длительного нарастающего состояния или, как иногда иначе определяют, постепенного перехода от одного состояния в другое), причем в последнем случае суффикс **-но-**, характеризующий глаголы II класса, в производном глаголе отсутствует. От глагола *грѣзжти* встречаются и производные приставочные глаголы (с сохранением корневого гласного). Ср., например, в древнерусских памятниках *погрѣзноути* (XIII слов Григория Богослова XI в., Златоструй XII в.). Приставочное образование от того же корня, но без суффикса II класса **-но-**, мы находим в виде глагола *погрѣсти* в Синайском патерике XI в. и в Хронике Георгия Амартола (значение то же, что *погрѣзноути*). Что же касается каузативного глагола *грѣзити*, то у Срезневского мы не находим на него ни одного примера, но на наличие такого глагола указывает встречающееся в русских памятниках сочетание этого глагола с возвратным местоимением — *грѣзити сѧ* в значении „погружаться“ (Получения Ефрема Сирине XIII в., Обиход церковный XIII в.). Наличие такого употребления указывает на то, что существовал и глагол *грѣзити* в значении „погружать“, т. е. „заставлять погружаться“. Здесь интересно обратить внимание на то обстоятельство, что сочетание каузативного глагола с возвратным местоимением выражает то же самое значение, что некаузативный глагол, от которого данный каузативный образован.

Не вполне ясно отношение глаголов *плѣнити* и *планити* (Мефодий Патарский, Кор. 2Х5). Возможно, что последнее представляет производное от *планъ*, синоним к *плѣнъ*, но с другой ступенью чередования, которое было рассмотрено выше. Русское *полонить* сюда не относится, так как могло развиться как из **polniti*, так и из **pelniti*.

Точно так же не вполне ясно и отношение *велѣти* — *волити*. Последнее может быть производным и от имени *вола*, хотя, с другой стороны, возможно, наоборот, *вола* является производным от *волити*, на что, может быть, указывает и наличие в имени *j* (**volja*), которое могло развиться из *i* в соседстве с собственно гласным и, следовательно, отражать глагольный классный показатель *-i-*.

Глагол *лечи*, др.-русск. *лечи* образует и приставочную форму без изменения корневого гласного — ср. др.-русск. *подълечи* в специальном значении „выйти замуж за женатого“. Основа настоящего времени этого глагола образуется по I классу с носовым инфиксом — *лаgж.* Каузативные образования от него, содержащие корневое *о*, в древних памятниках отмечены лишь приставочные. Ср., например, *разложити*, *отъложити* (XIII слов Григория Богослова XI в.). Каузативное значение этих глаголов очевидно. В современных русских говорах встречается бесприставочный глагол *ложить* (в соответствии по значению с литературным *класть*, образованным от другого корня), но неизвестно, древнее ли это образование. Ведь у нас и помимо этого как в русском, так и в других славянских языках наблюдаются случаи, когда бесприставочные образования такой же структуры, какая в древних памятниках наблюдается лишь в приставочных формах, получают развитие в сравнительно позднее время.

Только в приставочной форме, начиная с древнейших времен, представлены глаголы *исчезнѣти*, *исчезати* (различие между этими двумя формами видовое). Производный каузативный глагол от него, содержащий корневое *о*, известен лишь на ступени удлинения — *исказити* (такая форма отмечена в книге Иисуса Навина по русскому списку XIV в.; форма *исказить*, но совершиенно уже оторвавшаяся по значению от *исчезать*, известна и современному русскому языку). Впрочем, на ступени удлинения соответствующий корень выступает и в образовании, содержащем корневое *е* (на ступени удлинения *ё*). Ср. *исчазати* (Житие Феодосия Печерского XII в., Златоструй XII в. и другие памятники), где *а* < *ё* после шипящего, полученного по первой палатализации.

Ступень *о* в глагольных образованиях различного значения мы находим в некоторых случаях и тогда, когда ступень *е* в глагольной основе, по крайней мере в эпохи, от которых сохранились памятники, не засвидетельствована. В части случаев в чередовании с таким *о* отмечен гласный на ступени редукции (но не всегда). К примерам ступени *о* без наличной ступени *е* относится хотя бы *горѣти* (следует заметить, что этот глагол оформлен по IV классу). О наличии *и* в составе этого корня гласного *е* свидетельствуют имена *жеравъ* — „горячий“, *жаръ*, где соответствующий гласный представлен на ступени удлинения (*жаръ* < **гёгъ*). К глаголам, где ступень *о* представлена в чередовании со ступенью редукции, относятся такие, как *боудити*, *ходити*. Ср. *бѣдѣти* — „бодрствовать“ — *боудити* — „будить“, т. е. „заставлять бодрствовать“. Чередование *ъ/и* восходит, как известно, к чередованию *и/ои*. В соответствии с глагольным корнем *ход-* (*ходити*) имеется тот же корень на ступени редукции *шьd-* < **хъd-*. *Ходити* относится к глаголам нелинейного движения. Оформлен он точно так же, как глаголы *носити*, *водити* и т. д. Но соответствующий глагол линейного

движения представлен образованием от другого корня (*ими*—*идж*). От этого же корня образуется и аорист (*идъ*, *идохъ*). Корень **ьд-** мы находим в основе причастия прошедшего времени (*шьдъ*). По происхождению, это, повидимому, основа аориста, который вообще выступал нормально на ступени редукции (в древности это была особая глагольная основа со значением недлительного действия). Но собственно аорист от этой основы в историческое время уже не употребляется.

Мы говорили до сих пор о роли чередования **е/о** в словообразовании. В словоизменении это чередование играет очень ограниченную роль. Мы обнаруживаем его в основе настоящего времени глаголов I, II и III классов. Ср., например, *несеть*—*несжать* (< **nesontъ*), *двигнеть*—*двигнжть*, *знаеть*—*знажть*. Мы находим его также в аористе глаголов с основой инфинитива (и аориста) на гласный, например, *несохъ*—*несе* < **nes-e-s* и т. д., *идъ*—*иде* (< **id-e-s*) и т. д. В результате действия закона открытых слогов во 2 л. ед. ч. и т. д. мы не можем отличить форм простого аориста от форм нового сигматического (если только, конечно, предположить, что в сигматическом аористе вторичные личные окончания могут присоединяться непосредственно к основе, без тематического гласного).

Чередование **е/о** выступает также в именном склонении с основой на согласный (именно на **-s-** и частью на **-n-**). Ср., например, *слово*—*словесе*, *камы* (< **kamons*)—*камене* и т. д. Л. П. Якубинский выдвинул гипотезу о развитии исторически засвидетельствованной системы из древней системы двухпадежного склонения, в которой первый падеж, отразившийся в современном именительном (и, частью, в винительном), содержал в основе **о**, а второй, легший в основу различных косвенных падежей,—**е**. Эта гипотеза изложена была в его „Истории древнерусского языка“¹. Но эта гипотеза никоим образом не может быть принята. Она опирается на признание положения о непосредственной связи различных степеней чередования с различными грамматическими и семантическими категориями, характерное для так называемого „нового учения“ о языке, в период господства которого отвергалось фонетическое объяснение происхождения звуковых различий, характеризующих всевозможные грамматические и словообразовательные категории. Но, как уже было сказано, сравнительно-историческое исследование показывает, что исторически засвидетельствованные чередования могут быть лишь результатом фонетических позиционных изменений, которые на протяжении исторического развития потеряли непосредственную связь с положением, зависящим от фонетических условий, и получили определенное морфологическое значение, т. е. стали показателями определенных морфологических категорий.

Рассмотренные выше примеры показывают, что чередование **е/о** в целом сохраняет свою продуктивность и на славянской почве, притом не только в общеславянском „языке-основе“, но и на почве отдельных языков, как показывает использование этого чередования и в заведомо поздних образованиях. Поскольку морфологизация чередования **е/о** частью осуществлялась еще на почве общеиндоевропейского грамматического строя, т. е. в эпоху, очень удаленную от эпохи, засвидетельствованных древнейшими славянскими памятниками, и даже от эпохи формирования общеславянского грамматического строя, постольку само это чередование имело длительную историю, и при внимательном изучении можно вскрыть в нем различные исторические слои. В некоторых случаях, в результате различных процессов выравнивания, чередование

¹ См. Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 169.

может терять свою значимость, и совершенно подобные образования могут в одних случаях отражать это чередование, а в других — оформляться без чередования. Исследуя случаи, когда чередование это проявляется и когда оно отсутствует, необходимо обращать внимание на структурное оформление как имени, так и глагола, где представлен соответствующий корневой гласный (ср., например, сочетание ступени **о** с оформлением по IV классу в глагольной основе или с бессуффиксным оформлением по **-о-**основам в имени). Впрочем, следует иметь в виду, что порой и при одном и том же структурном оформлении от одного и того же корня мы находим в некоторых случаях как **о**, так и **е** (ср., например, рассмотренные выше *водотока* и *водотеча*, ср. также одинаково оформленные по основам на **-о-** именные приставочные отглагольные образования, содержащие в корне чаше **о**, но иногда и **е**). Исследуя структурное оформление соответствующего образования, необходимо ставить вопрос, наступает ли чередование вообще при соответствующем оформлении или оно остается без чередования, причем решение это также зависит от того, с насколько поздним образом имеем мы дело. Так, например, рассмотренное выше сербское *бэрба*, сохраняющее свойственное глагольному корню **е**, повидимому, образовано от бессуффиксного имени с основой на **-и-**, ср. подобное же общее для различных славянских языков ***borъva** — ст.-слав. *борьба*, русск. *борьба*, сербск. *бörба*, образованное от *боръ¹*, где сохраняется корневое **о**, опять-таки свойственное глагольной основе, а образования с основой на **-и-** обычно сохраняют **е**, свойственное глагольной основе (ср. выше *виноберъ*, русск. *пóнесь* и под.; иные случаи редки — ср. *съложъ*).

Рассматривая отношения внутри глагольной основы, следует отметить чередование нормальной ступени, и именно — обычного для глагольного корня **е** — и ступени редукции, т. е. **ъ** (реже **ь**). При этом нормальная ступень обычно наблюдается в основе настоящего времени, а ступень редукции — в основе инфинитива, которая по происхождению представляет собой собственно основу аориста. Ср., например, *бърати* — *берж*, *гънати* — *женж*, *пъсати* — *пишж* (в данном случае мы имеем дело с чередованием **ъ/i**, восходящим к **i/ei**, т. е. в настоящем времени опять-таки представлена ступень **е**, а в основе инфинитива — ступень редукции).

Иногда наблюдаем мы и обратные отношения — ступень **е** в основе инфинитива, а ступень редукции в основе настоящего времени, например: *мрѣти* (<***merti**), др.-русск. *мерети* — *мърж*, *помрѣти* (<***po-mer-ti**), *понрѣти* (<***po-ner-ti**), др.-русск. *понерети* — *понърж* (*понъроу*) — „нырять“. Вообще ступень редукции свойственна была, еще на почве общеиндоевропейского строя, основе аориста, что вызвано, повидимому, было еще отношениями в области ударения. Но нужно иметь в виду, что первоначальные отношения основ не только в славянских, но и в других индоевропейских языках уже в эпоху древнейших памятников и даже в более раннюю были сильно нарушены. Ср. хотя бы употребление удвоенной основы настоящего времени — ст.-слав. *дамъ* (<***dad-шъ**), *дадимъ*, *дадатъ*, греческ. *διδωμι*, — или наличие долгого гласного в основе инфинитива, т. е. собственно аориста, ***pad** — ст.-слав. *пасти*, аорист *падъ*, *падохъ*.

На протяжении дальнейшего развития славянских языков в некоторых случаях имело место выравнивание основы. Ср., например, современное русск. *писать* — *пишу*, сербск. *пýсати* — *пишëм*.

¹ См. А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 286.

Большой интерес представляет исследование ступени удлинения. Эта ступень унаследована частью общеславянским „языком-основой“ еще от общеиндоевропейского состояния, но на славянской почве она, как известно, оказалась весьма продуктивной и дала некоторые новые образования. Основной ряд старых чередований *е/о/ě/ö*, ступень удлинения в котором образуют два последних члена, дал, как известно, на славянской почве *е/о, ё/а*, следовательно, ступень удлинения представлена у нас в форме *ё, а*. О сравнительно недавнем распространении этой ступени, т. е. *ё, а*, свидетельствует тот факт, что она широко охватывает производные приставочные глаголы и отглагольные существительные. Эти приставочные глаголы впоследствии, впрочем, с достаточно раннего времени, образуют видовые пары с приставочными глаголами, не имеющими в корне ступени удлинения.

Таких глаголов можно привести очень много. Ср., например: *вълагати, вътачати* (Остромирово ев., Пандекты Антиоха XI в.), *възгарати* (Григорий Богослов с толкованиями Никиты Ираклийского), *възгаратиса* (Изб. Святослава 1073, XIII слов Григория Богослова XI в.), *въздрѣмати* (Изб. Святослава 1073), *въпрашати* (Остромирово ев., Изб. Святослава 1073), *доганати* (Новгородская летопись под 1225 г.), *изнемагати* (Пандекты Антиоха XI в., Проповеди по сербскому списку XIII в.), *истакати* (Пророки с толкованиями Упыря Лихого), *истачати* (Новгородская миная 1096 и 1097 гг.), *исчазати* (Златоструй XII в. и другие памятники), *затварати* (Новгородская миная 1096 г.), *налагати* (Изб. Святослава 1073), *напати* (Остромирово ев.), *обнавлати* (Новгородская миная 1096 г. —ср. обновити), *объхаждати* (Изб. Святослава 1073), *прѣхажати* (Новгородская миная 1096 г.) —ср. *объходити, прѣходити, омачати* — „мочить“ (Четья миная XV в.), *омакати* — „обливать“ (Изб. Святослава 1073), ср. *омочити* (Остромирово ев.), —*отъбарати* — „противоборствовать“ (Изб. Святослава 1073) —ср. *брати са*, др.-русск. *боротиса, покаратиса* (XIII слов Григория Богослова XI в.), *пригаждати* (Новгородская миная 1097 г., Путятина миная). Любопытно, что ступень *а* в данном случае является в именном корне конкретного значения (соответствующий глагол — отыменный); *прочасати* (XIII слов Григория Богослова XI в.).

Все перечисленные глаголы и другие подобные оформляются по III классу, выражавшему в древности длительное действие (курсивное, как определяют его некоторые лингвисты).

В качестве примера отглагольного существительного, также содержащего ступень удлинения, можно привести *немганик* (Хроника Георгия Амартола). Ср. также др.-русск. *попраши* — „сборщик подаяния“. Впрочем, это, возможно, образование позднее, оно отмечено в Жалованной грамоте вологодского князя Андрея Васильевича Кирилловскому монастырю 1471—1473 гг.

Бесприставочные образования, содержащие в корне ступень удлинения, встречаются гораздо реже. Можно привести такие случаи, как *брати*, *бараю* (Хроника Георгия Амартола) —ср. *бороти*, *ганатиса* (Новгородская летопись под 1238 г.), *карити* — „оплакивать“ (Ипатьевская летопись), *лагодити* — „делать приятное“ (Поучение Владимира Мономаха) —ср., правда, на ступени редукции в корневом гласном, корень *льг-* — русск. *польза*, диалектное — *польга, лѣтати* (Изб. Святослава 1073) —ср. *летѣти, прашати* (Русская Правда, Смоленская грамота 1230 г., Повесть временных лет под 1071 г. по Лаврентьевской летописи), впрочем, в древнерусском языке наряду с этим есть и *прошати* —ср. *прошли* (Новгородская летопись под 1270 г., I Псковская летопись под 1341 г.), что, однако, может являться и результатом позднейшего вырав-

нивания, *ранати* — „ронять“, что, впрочем, является спорным, поскольку отмечено в позднем русском памятнике, именно — в Молении Даниила Заточника.

Особо должны быть рассмотрены такие случаи, как *льсти*, *лазити*. Оба эти глагола содержат долгий гласный в корне. Но различия глагола линейного и нелинейного движения выражаются также различием ступеней **е** и **о**, как это наблюдается и в других случаях, но на ступени долготы.

Если редко выступают в древних славянских языках глаголы со ступенью удлинения в корне, то еще реже мы наблюдаем такие образования в именах. Ср. *лагалище* — „дом“ (но в памятнике позднем — в позднем русском списке книги пророка Даниила); *лагода* — „удобство“ — Срезневский приводит это слово без ссылки на какие бы то ни было памятники¹, в отличие от находящегося тут же глагола *лагодити*. Впрочем, о наличии этого слова издавна в славянских языках говорит чешск. *lahoda* — „приятность“. Если имеет основание предположение Срезневского, что в основе этого образования лежит *льг-тода*, то и оно относится к ступени удлинения.

Многие образования, содержащие ступень удлинения, известны нам в древнейших памятниках лишь в приставочной форме, в позднейших же памятниках возможны и формы бесприставочные, отсутствующие в древнейших памятниках, что свидетельствует о позднем распространении бесприставочных образований этого типа.

Глаголы, содержащие корневой гласный на ступени удлинения, в целом обозначают действие длительное или повторяемое. Это значение особенно ярко выступает в бесприставочной форме. Но оно отчетливо выступает лишь в том случае, если такого значения не имеет глагол, содержащий корневой гласный нормальной ступени. Последнее возможно в случае корневого гласного **о** (для глаголов движения). Яркий пример, с этой точки зрения, представляют отношения *ходити*—*хаждати* (последнее представляет собой производный глагол III класса, образованный от глагола IV класса). Глагол *ходити* выражает нелинейное движение, т. е. движение разнонаправленное и повторяющееся. В древнейших славянских памятниках мы находим соответствующую глагольную основу на ступени удлинения лишь в приставочных образованиях. Ср. *прѣхажати* (Новгородская миная 1096 г. — конечный согласный корня в русском облике *z < dj*). И это понятно почему. Форма *хаждати* обозначала бы, по существу, то же, что *ходити*, или вносила бы некоторый лишь в небольшой мере видоизменяющий значение основы оттенок². Правда, форма *хаждати* все же встречается, но, во-первых, очень редко, а, во-вторых, главным образом в позднейших памятниках. Так, мы находим случай имперфекта от этой основы в Супрасльской рукописи — *хаждаше*. Но ведь этот памятник, хотя его обычно и относят к старославянскому, отражает время позднейшее сравнительно с основными старославянскими памятниками. Встречается также эта основа в среднеболгарской Хронике Манассии XIV в. — *хаждати*, *хаждашъ*, *хаждаши*. Интересно, что в Супрасльской рукописи эта основа связывалась именно с имперфектом, который легко мог сочетаться с основой, передающей значение длительное и повторяющееся, — ср. частые случаи связи имперфекта с многократными основами в древнерусском языке.

¹ См. И. И. Срезневский. Материалы, II, 2.

² См. об этом в моей статье „О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке“.

Помимо длительности или повторяемости, ступень удлинения может выражать также каузативное значение (подобно тому, как выражает его ступень **о** по отношению к **е**). Возможно, с этим значением связано др.-русск. *вадити* — „добиваться“, если оно действительно представляет собой ступень удлинения к *водити*.

Но особое значение для славянского грамматического строя имеет получившее у нас широкое распространение и являющееся собственно славянским новообразованием чередование ступени редукции корневого гласного со ступенью удлинения редукции, т. е. чередование типа **ь/і, ъ/у**, восходящее к чередованиям **і/ї, ү/Ӯ**.

Ступень удлинения редукции наблюдается в основном в тех же категориях, где и ступень удлинения **е/а**, т. е. в производных приставочных глаголах несовершенного вида или даже итеративных. Толчком к распространению еще на общеславянской почве этих чередований послужили чередования нормальной ступени и ступени удлинения (типа **е/ě < e ě, o/a < o/ö**). Могли повлиять также чередования ступени редукции и нормальной ступени в дифтонгическом ряду, правда, только в случае дифтонга на **і**, поскольку это чередование, представленное на общеиндоевропейской почве в форме **і/еі** (в такой форме оно является частью и на почве отдельных исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, например, греческого), на славянской почве в указанной части ряда дает чередование **ь/і**. В единичных случаях рассматриваемое количественное чередование **і/ї** теоретически могло фигурировать и на общеиндоевропейской почве, поскольку **і** выступало как ступень редукции к кратким дифтонгам, а **ї** — как ступень редукции к долгим дифтонгам (**еі, ői, ăi > eі; ie, iö, ia > iə; eі, iə > i;** ср., например, возможную ступень **-i-** в им. п. ед. ч. славянских *ja*-основ, например, *рабыни*).

Не всегда бывает возможно на первый взгляд отличить славянское чередование **ь/і**, представляющее чередование ступени редукции и ступени удлинения редукции, необходимо обращаться к материалу других индоевропейских языков и к рассмотрению всех возможных чередований соответствующего корня в целом.

Ступень удлинения редукции наблюдается главным образом, как уже было сказано, в приставочных глаголах, а также в отлагольных существительных, тоже приставочных. Можно привести такие примеры, как *завирати* — „запирать“ (Хроника Георгия Амартола) — ср. рассмотренное выше *заворъ*, указывающее на то, что здесь мы имеем дело именно с **і** как ступенью удлинения **ь**, представляющему ступень редукции не в ряде **і**-дифтонгов; *зажигати* (впрочем, для древнерусского языка И. И. Срезневский приводит лишь один пример и из позднего памятника, из Тверской летописи под 1386 г.)¹, *избирати* — в позднем русском списке книги Иисуса Навина, но однокоренное с этим *събирати* уже в Святославовом изборнике 1073 и в Пандектах Антиоха XI в. Ср. *богатство неправьдънѣ събираю* (Изб. Святослава 1073), *съби-рати себѣ, а не въ ба богатѣ* (Пандекты Антиоха XI в.). Подобные образования мы находим в различных славянских языках, ср. чешск. *obíratи* — „сбирать“. Далее можно привести такие примеры, как *одирати* (Новгородская миная 1097 г.) — ср. *дърати, держ, отирати* (Остромирово еванг.) — ср. *търж, трѣти, др.-русск. терети; помижатися* — „смежаться“ (о глазах) — в Иудейской войне Иосифа Флавия, славянский перевод которой дошел до нас, правда, в списке довольно позднем, но отлагольное существительное от подобного глагола, подтверждающее существование глагола уже в глубокой древности, мы находим

¹ См. И. И. Срезневский. Материалы, I, 912.

в древнейших памятниках, ср. *помизанье* — „мигание“ в Пандектах Антиоха XI в. (помизаниемъ очиж в соответствии с греческ. ἐν τεύχησι, ὄφελιμῶν), ср. *помизати* в Псалтыри 1230 г.; *призирати* (Пандекты Антиоха XI в.); *нарицати* (Саввина книга, Остромирово ев., XIII слов Григория Богослова XI в. и др.) — ср. *нарещи*; *исчитати* (XIII слов Григория Богослова XI в.); *прорицати* (Новгородская миная 1096 г.). Не относится, повидимому, сюда отыменное образование *ослипати* (в такой форме этот глагол выступает в Пророках с толкованиями Упьра Лихого и в Пандектах Никона Черногорца), где представлена ступень *i*, чередующаяся с *ъ* (ср. глагол совершенного вида *осльности* < *osльроти в книге Исход по русскому списку XIV в.). Наличие ступени *é* в непроизводном имени *слѣпъ*, а также в производных глаголах *слѣпить*, *осльпить* (IV класса, каузативного значения) указывает на принадлежность корневого гласного к дифтонгическому ряду.

Примерами на ступень удлинения редукции *у (ы)* к ступени редукции *ъ* могут служить: *въздыхати* (Пандекты Антиоха XI в., Иоанна Экзарха Болгарского XIII в.), ср. *въздѣхнѣти*, *възывати* — ср. *възызаху* (Синайский патерик XI в.), интересно, что от этой основы образуется именно имперфект; ср. *възвѣвати*; *изгыбати* (Синайский патерик XI в.) — ср. также того же корня *поизбати* (Изб. Святослава 1073), *облыгати* (XIII слов Григория Богослова XI в.) — ср. *льгати*; *засылати* (Псковская летопись); а также *посылати* — например *посылаꙗж* (Островитово ев.).

С теми же приставками и с той же ступенью удлинения редукции корневого гласного находим мы отглагольные существительные с суффиксом абстрактности. Ср., например, рассмотренное выше *помизание*. Ср. также *въздыхание*, встречающееся в Пандектах Антиоха XI в. наряду с указанным выше глаголом *въздыхати*.

Большой интерес представляют образования иного характера, также отглагольные, но содержащие приставку, специфически характерную для имени, — *па-(па)*, и также характеризующиеся корневым гласным на ступени удлинения редукции, — *пабирокъ* и *пабиръ*. Оба эти имени, как связанные со сбором винограда, сложились, повидимому, на южнославянской почве. Первое из них мы находим уже в русском памятнике древнейшей эпохи, но списанном с южнославянского оригинала — в Пандектах Антиоха XI в.; в форме *пабирокъ* и в значении „остаток от виноградного сбора“, это слово известно и современным южнославянским языкам — ср. сербск. *пѣбирак*. Сербское ударение указывает на старое ударение на приставке, вообще характерное для именных образований с этой приставкой, — ср. соврем. русск. *пѣсынок*, *пѣдчерица*, *пѣводок*, *пѣуба*, *пѣсмурный*, *пѣюленок*. Сербское *а* в суффиксе указывает как будто на старое *ъ*, но *о* в суффиксе русского памятника эпохи до падения редуцированных может говорить о наличии параллельного суффикса *-ок-* наряду с *-ък-* (ср. *близокоу*, в записи Островитова ев.). Близким по образованию, но с иным значением суффикса и с приставкой, сближающей соответствующую именную форму с глаголом, является *побирокъ* в значении „собирание остатков после виноградного сбора“ в книге Второзакония по русскому списку XIV в.

В близком значении к *пабирокъ* и с той же приставкой, но с иначе оформленной основой является *пабиръ* в значении „остатка от виноградного сбора, винограда, оставшегося на лозе“ в соответствии с греческим *ἐπιφυλλίς*, в выражении яко *пабиръ в виноберь* у Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского. Имя это оформлено без суффикса по основам на *-i* так же, как и стоящее рядом с ним рассмотренное выше сложное слово *виноберь*.

Очень редки бесприставочные образования, содержащие в корне ступень удлинения редукции. Частью образования, на первый взгляд относящиеся к таким, в действительности представляют нормальную ступень с корневым дифтонгом *ei*. Так, например, отношения корневых гласных в глаголах *жъдати—жидати* (последняя форма отмечена в Остромировом ев., у Григория Богослова и в Пандектах Антиоха XI в., а также в других памятниках) по внешнему виду напоминают отношения ступени редукции и ступени удлинения редукции, что было бы удивительным для широкого распространения в столь ранних памятниках. Но в действительности здесь нормальная ступень представлена, повидимому, дифтонгом *ei* —ср. литовск. *geisti, geidžiù*, др.-русск. *geide* — „ожидают“, н.-нем. *geizen* — „алкать“. Впрочем, ср. *годити*, где ступень **o** не в дифтонгическом ряду.

Интересно, что подобный формам с гласным на ступени удлинения редукции производный бесприставочный глагол III класса *читати* не встречается ни в старославянских памятниках (как показала в своей докторской диссертации В. В. Бородич), ни в древнейших памятниках современных славянских языков. На этот глагол нет ни одного примера в „Материалах для словаря древнерусского языка“ И. И. Срезневского. Не встречается он (по наблюдениям И. Можаевой) в оригинальных сербских памятниках до XIV в. Древнейший известный мне случай — *читающи* в сербском списке Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского 1263 г. Ср. также *читаху сѧ* в русской Геннадиевой библии 1499 г. и *чита* (3 л. ед. ч. аристы) в шифрованной новгородской берестяной грамоте № 46 (предположительно XIV в.). Приставочные образования от соответствующей основы встречаются уже в древнейших славянских памятниках. Ср. *почитаите* (Остромиро ев., запись).

Но есть и случаи, когда, несомненно, выступает ступень удлинения редукции и в бесприставочных образованиях. Ср., например, *гъбати* в Пандектах Антиоха XI в. и в некоторых южнославянских памятниках, правда, поздних, — например, в проповедях Иоанна Златоуста и др. по сербскому списку 1574 г., —ср. *гънжти*. Широко распространен уже в древних памятниках глагол *дъихати* (Остромиро ев., Ассеманиево ев., Супрасльская рукопись и др.) —ср. *дъхнжти*, реже того же корня, но другого глагольного класса *дышати*; бесспорно, ступень удлинения редукции представляет глагол *нирати* — „нырять“, отмеченный в Святославовом изборнике 1073 (ср. также *нъцати* в том же значении в сербской кормчей Михановича 1262 г.). Формы *понрѣти* (др.-русск. *понерѣти*) — *понърж* указывают на чередование ступени редукции с нормальной ступенью, следовательно, *нирати* представляет ступень удлинения редукции.

На первый взгляд, представляет собой ступень удлинение редукции *i* в корне *zid-*, чередующемся с *zъd-*. В древнерусских памятниках мы не находим глагольной формы **зидати*, но находим производные от нее имена —ср. *зика* (Лаврентьевская летопись под 1125 г.), *зиждъныхъ* (Пандекты Антиоха XI в.), *зидарь* — „строитель“ (Псалтырь толковая XII в.); ср. также сербск. *зид* — „стена“ (у Срезневского в примерах из древнерусских памятников такая форма не встречается). Находим мы и страдательное причастие настоящего времени *зижемый*, но в очень позднем памятнике (Диоптра Филиппа по русскому списку XVII в.). Однако рассматриваемый корень скорее отражает чередования в дифтонгическом ряду —ср. литовск. *žesti, ždžiù* — „образовывать“, др.-русск. *zeydís* — „стена“, др.-инд. *dih* (*dēhas*), греческ. *τεῖχος, τοῖχος*.

Таким образом, бесприставочных образований, представляющих собой ступень удлинения редукции, в древнейшую эпоху, засвидетельствован-

ную славянскими письменными памятниками, чрезвычайно мало. Впоследствии такие образования распространяются и притом в различных славянских языках,¹ но это, повидимому, имеет место уже на почве отдельных языков и в более поздние периоды их истории. Ср., например, русск. *бира́ть* (главным образом в северновеликорусских говорах) — у Срезневского нет ни одного примера этого образования, ср. также сербск. *бира́ти* — „выбирать“, *бира́ти* — „приготовлять (например, коня)“.

Эта редкость бесприставочных образований со ступенью удлинения редукции корневого гласного в древнейших славянских памятниках говорит о том, что соответствующая ступень чередования развилась сравнительно поздно. Не случайно, что широкое распространение ступень удлинения редукции получила впоследствии, в первую очередь, в производных глаголах несовершенного вида, образующих пары с приставочными глагодами совершенного вида (например, русск. *собирать*—*собра́ть*, *посыпать*—*посла́ть*). Установление соответствующих пар относится вообще к довольно позднему времени. Да и вообще приставочные образования во многих случаях восходят к сравнительно позднему времени. Впрочем, частью приставочные образования восходят еще к общееиндоевропейскому „языку-основе“; правда, некоторые лингвисты отмечают даже зачатки особого видового значения приставочных глаголов еще на общееиндоевропейской почве, что, впрочем, является спорным. Но некоторые приставки и приставочные образования развивались только на славянской почве и даже, как уже говорилось выше, на почве отдельных славянских групп.¹ Частью же и те приставки, которым находятся соответствия в других индоевропейских языках, сильно уклоняются и по структуре и по значению, что свидетельствует о своеобразном развитии их на славянской почве. Ср., например, слав. *на* — греческ. ἀνω, ἀνά — „наверху“, отличное по структуре, литовск. *пі* — „от“, материально сходное, но далекое по значению.

II. ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ

Если чередования гласных восходят в своем источнике в большинстве случаев к далеким временам и в значительной части морфологизовались еще на общееиндоевропейской почве, то чередования согласных, отражающиеся в славянских языках, большей частью возникают много позднее, частью на почве общеславянского „языка-основы“, а частью и на протяжении истории отдельных славянских языков. Поэтому условия утраты связи с фонетическим положением и последующей морфологизации для согласных могут быть установлены гораздо легче, чем для гласных. Очень небольшое количество случаев, напоминающих чередование в области согласных, было унаследовано общеславянским языком от более ранней эпохи, да и то эти случаи не вполне ясны и не охватывают сколько-нибудь не только более или менее обширных, но и просто могущих быть выделенными категорий, вследствие чего не вполне ясно, следует ли считать эти случаи чередованиями. Так например, ст.-слав *кора* и *скора* — „шкура“, связанные в известной мере по значению, различаются наличием и отсутствием начального *s* — т. е. здесь как бы чередуются *sk/k* или *k/нуль*. Это чередование отражается и в других индоевропейских языках: ср. др.-в.-нем. *skeran* — „стричь“, латинск. *scortum* — „шкура“ и греческ. *κείρω* — „стригу“, латинск. *cogitum* — „кожа“¹.

¹ См. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 189.

Но происхождение этого различия совершенно неясно, возможно, мы имеем здесь дело с каким-то омертвевшим морфологическим элементом, да эти отношения по существу и не охватывают какой бы то ни было выделимой категории. Другие случаи, приводимые А. Мейе, еще менее ясны и специально славянских языков совсем не касаются.

Чередования, играющие морфологическую роль в различных славянских языках, частично возникли на почве общеславянского „языка-основы“, частично возникали даже на почве отдельных славянских языков на протяжении дописьменного периода их истории, а частично — и на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками. Это значит, что многие отношения различных фонем, впоследствии морфологизованные, на почве общеславянского „языка-основы“ были еще чисто позиционно обусловленными звуковыми отношениями внутри одной фонемы. Следует, кстати, заметить, что если в области гласных мы в некоторых случаях, что было видно выше, имеем дело с отношениями, сложившимися прямо как морфологические, но под воздействием некоторых отношений, перешедших в морфологию из фонетики, то чередования согласных, все, какими мы в славянских языках располагаем, сложились на фонетической почве.

Среди чередований гласных мы тоже находим чередования, сложившиеся в позднее время и на почве отдельных славянских языков. Ср. хотя бы украинское чередование *i/o*, *e* в зависимости от открытости и закрытости слога, сложившееся лишь после падения редуцированных, да и то ставшее морфологическим лишь долгое время спустя после него. О том, что отношения *i/o*, *e* морфологизованы, а не зависят от фонетических позиционных условий, свидетельствует тот факт, что в современном украинском языке возможно в закрытом слоге не только *i*, но и не беглое *o* (ср., например, *борід*, *голів*, но *ворон*, где, с одной стороны — результат закономерного продления нового акута, а с другой стороны — старый циркумфлекс без продления; о том, что отношения, обусловленные первоначально старыми акцентными, давно утратили эту обусловленность, свидетельствуют имеющие место отступления от ожидаемого результата — ср. *король*, где во втором слоге *o*, а не *i*, несмотря на то, что это новый акут).

Подобные чередования мы находим и в других славянских языках. Ср., например, польск. *bóg* — *boga*, *wóz* — *wozu* и т. д., где *б* из *ó* под новым акутом (в некоторых случаях возможны и выравнивания аналогичного порядка — ср., например, различные производные от *król*, содержащие „похиленное“ *б* и в таких условиях, где оно не могло возникнуть фонетически).

Сюда же относятся различные, по-разному оформленные в различных славянских языках, чередования гласных с нулем, сложившиеся в результате падения редуцированных, — например, беглые *e*, *o* в русском языке, беглое *e* (с твердым и мягким предшествующим согласным) в польском языке, беглое *a* в сербском языке и т. д. Ср. также такое чередование, как возникшее в польском языке совсем поздно в результате перехода от древнепольских количественных различий к новопольским качественным различиям носовых гласных чередование *e/o*, например: *rěka* — *rączka*.

Но в целом чередования гласных восходят к очень давним временам, в значительной части даже к общеиндоевропейской эпохе, чередования же согласных, представленные в современных славянских языках, развиваются значительно позднее, частично на почве отдельных славянских языков.

Чередования согласных, подобно чередованиям гласных, возникают первоначально в определенных фонетических условиях и лишь потом в силу дальнейших фонетических изменений и изменения фонетических норм теряют связь с этими условиями и морфологизуются.

В некоторых случаях мы находим подобные чередования в различных индоевропейских языках. Так, например, чередование задненёбных согласных с переднеязычными аффрикатами мы находим и в славянских языках, и в романских, и в санскрите. Во всех соответствующих языках эти чередования возникли в определенных позиционных условиях, а именно прежде всего — в положении перед гласными переднего ряда (я не касаюсь сейчас тех же результатов, полученных в сочетании с *j*, так как в древнеиндийском соответствующие сочетания не дают шипящего —ср. *svargyá* — „небесный“), и во всех этих языках переднеязычные согласные (не касаюсь их дальнейших преобразований на почве отдельных языков) в дальнейшем утратили связь с тем фонетическим положением, которое их вызвало. Но эти чередования возникли в силу общности условий в различных языках независимо друг от друга и в разные эпохи, а кроме того, несколько различен в разных языках и самый результат изменений; так, в санскрите в этих условиях возникли шипящие аффрикаты *c*, *j*, в романских языках частью различного характера аффрикаты возникают на почве различных языков (ср. ст.-французское *c*, итальянское *č*), частью же и в разных условиях (ср. ст.-французское *č* перед *a*, *c* перед другими передними гласными), в славянских же языках (точнее в общеславянском „языке-основе“) и шипящие и свистящие возникают по существу в одних и тех же фонетических условиях, но в разные эпохи.

Вопрос, который представляет большую сложность именно для чередований согласных, как возникших сравнительно поздно, — это вопрос о времени подлинной морфологизации этих чередований. Мне уже приходилось указывать на то, что чередования согласных, сложившиеся на общеславянской почве, подвергаются в дальнейшем морфологизации на почве отдельных славянских языков, — я в данном случае говорил специально о русском языке, являвшемся объектом моей работы¹. Но там шла речь о явлениях, свидетельствующих о позднем характере этой морфологизации. Утрата звуком зависимости от позиционных условий могла иметь место в очень ранний период истории языка, но свидетельствует ли это о том, что отношение результата некогда позиционного изменения и звука-источника, из которого этот результат получен, уже полностью морфологизовано? О такой морфологизации с несомненностью свидетельствовал бы тот факт, что слова, вновь входящие в язык или вновь образующиеся в нем из уже наличного материала, получают соответствующую ступень звукового вида основы. Но мы не всегда располагаем такими свидетельствами.

С другой стороны, не всегда так просто решить вопрос и о том, когда именно отношения результата фонетического изменения и источника утратили связь с позиционными условиями (если речь идет об эпохе дописменной).

Ведь наша задача состоит в том, чтобы определить отношения, характерные для различных эпох развития общеславянского „языка-основы“.

Рассмотрим различные отношения согласных, впоследствии, на почве отдельных славянских языков, несомненно уже морфологизованные.

Остановимся на отношении задненёбных согласных и шипящих.

¹ См. мою статью „О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке“.

Последние, как известно, возникли первоначально в определенных фонетических условиях, а именно — в положении перед гласными переднего ряда (я не касаюсь сейчас вопроса об изменении задненёбных согласных в шипящие в сочетании с **j**, о чём ниже, в связи с судьбой других сочетаний согласных с **j**). Отношения шипящего и задненёбного согласного, как я писал уже, несомненно, не были уже фонетически обусловленными в эпоху наступления второй палатализации. Но стали ли эти отношения еще в эпоху до второй палатализации или во время ее действия настолько продуктивным показателем определенных морфологических отношений, чтобы вновь входящие в язык или образующиеся в языке значимые единицы вступали в это чередование? Я уже писал о том, что особенно рано **č** перестало быть результатом фонетического изменения **k** в положении перед **a < ē**. Но выступают ли в достаточно ранний период развития славянских языков отношения типа **k — č** как живое морфологическое средство хотя бы в этих условиях?

Вообще мы находим небольшое количество древних образований, в которых противостоят друг другу в основе задненёбный согласный и шипящий (перед **a < ē**). Ср., например, *b̄gъ* — *b̄gati* — *b̄žati*. Следует, кстати, заметить, что ступень с шипящим в данном случае отражает не только шипящий из задненёбного перед гласным переднего ряда, но частью и шипящий из сочетания задненёбного с **j**. Поскольку шипящий согласный в конце основы характеризует в данном случае глаголы IV класса, шипящий из сочетания задненёбного с **j** является в форме 1 л. ед. ч. (например, *b̄žj* < *begjō < *begi-ōm или *b̄egi-ām).

В большей степени рассматриваемые чередования представлены в производных приставочных глаголах. Ср., например, *izb̄gati* — *izb̄žati*. Образования эти представлены в достаточно древних славянских памятниках. Ср., например, *злобънаагоизб̄ваемъ вреда* (Новгородская минея 1097 г.) — *мора грѣховынаго изб̄жавъши* (Новгородская минея 1096 г.). Но в целом эти образования, хотя и общеславянские, сравнительно поздние, поскольку развитие приставок как продуктивного видообразовательного средства относится к сравнительно позднему времени. А что касается специально этих образований, приведенных в качестве примера, то, как известно, приставка *iz-* сохранилась в полном объеме лишь в южнославянской области, в восточнославянской же и западнославянской областях ей соответствует *vу-*, в образованиях с которой также наблюдаются соответствующие чередования (ср., например, русск. *выбегать* — *выбежать*); русские образования с приставкой *iz-* представляют собой большей частью, по происхождению, славянизмы, а это обстоятельство подтверждает распространение рассматриваемых чередований в сравнительно позднее время, частью уже после распада славянской общности. Многие образования, характеризующиеся этим чередованием и представленные в различных современных славянских языках, не обнаруживаются в древнейших славянских памятниках. Ср., например, русск. *умолкать* — *умолчать*, чешск. *umlkati* — *umlčeti*: формы *ouмлькнти* и *ouмльчати* в древних памятниках представлены (ср., например, различные образования от *ouмлькнти* в Синайском патерике XI в., в Юрьевском евангелии 1119 г. и др., различные образования от *ouмльчати* в евангельском тексте, например, в Остромировом евангелии и других памятниках). Но Срезневский не приводит ни одного примера на *ouмлькати*. В словаре Миклошича глагол *ouмлькати* приведен, но при нем нет ни одного примера из памятников.

Что касается до тех редких бесприставочных образований, которые характеризуются чередованием задненёбного и шипящего согласного и представлены в древнейших славянских памятниках, то встает вопрос, насколько различные ступени чередования (или даже еще тех отношений, которые впоследствии становятся чередованиями) отчетливо передают какие-то различия в значении. Так, например, в современных русских *бежать* — *бегать* формы с различными ступенями чередования передают различия видового порядка (*бежать* — движение линейное и единичное, *бегать* — движение разнонаправленное или повторяющееся), ср. польск. *biec* (< **bēgti*) — *biegać*, чешск. *běžeti* — *běhati*. Но свойственны ли были эти различия эпохе древнейших славянских памятников? Глагол *бѣжати* употреблялся в древности как для обозначения единичного и даже завершенного действия, так и для действия постоянного, не имеющего никакого ограничения. Значение единичного и притом завершенного действия выступает в таких древнерусских примерах, как: *ратьныи же... бѣжаша* (Сказание о Борисе и Глебе XII в.); *бѣжаша на Сулу тое ночи* (Поуч. Влад. Мономаха). Ср. также: *бѣжи въ егупетъ* (Мар. ев., Мф. II, 13). В значении постоянного и неограниченного действия выступает этот глагол в таких примерах, как: *бѣжати от граджштааго гнѣва* (Мар. ев., Лук. III, 7); *ирѣха бѣжи яко ратьника гоубащааго дѣлъ твою* (Изб. Святослава 1076); *добро же бѣжати дѣланія* (Пандекты Антиоха XI в.). В современном русском языке *бежать* также имеет двоякое значение (скорее мы даже имеем два омонимически совпадающих различных глагола) — значение несовершенного вида линейного движения и значение совершенного вида, лексически тождественное значению глагола *убежать*. Во втором значении, соответствующем древнему славянскому *бѣжати*, мы бы употребили глагол *избегать*.

Соответствовало ли значение древнего глагола *бѣгати* современному? В обобщенном значении действия, обычно осуществляемого, наступающего каждый раз, как возникают соответствующие условия, употребляется этот глагол в таком примере, как *наимъникъ... остав-львать овѣца и бѣгаать* (Мар. ев., Ио., X, 12). Но поскольку речь идет о действии, совершающемся хотя и много раз, но каждый раз представляющем собой движение в одном направлении, по современным нормам здесь был бы употреблен глагол *бежит*, как в действительности и стоит в русском переводе евангельского текста (или же могло бы быть приставочное *убегает*). В то же время встречаются и такие случаи, когда глагол *бѣгати* обозначает единичное, хотя и длительное действие, например: *въ бѣдоу вѣлѣзѣ и бѣгаше и крышаще сѧ* (Изб. Святослава 1073) — на единичность действия указывает аорист *вѣлѣзѣ*, выражающий причину действия, обозначенного формой *бѣгаше*. Безусловно не обозначает движения разнонаправленного и повторяющегося глагол *бѣгати* и в таком сравнительно позднего времени русском примере, как *в то же лѣто эдума Андрѣи кнѧзь Траславичъ съ своими бояры бѣгати* (Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку под 1252 г.) — князь Андрей с боярами предпочел бежать в чужую страну, чем служить татаиским „царям“, а не бегать в разные стороны. Таким образом, по крайней мере во многих случаях, глаголы *бѣжати* и *бѣгати* по значению строго не разграничены.

Можно как будто указать и такие случаи, когда глагол *бѣгати* употребляется в значении близком современному, т. е. обозначает действие обычное. Ср., например: *и побѣди радимичъ волъчии хвостъ. тѣмъ и русь коратса радимичемъ глюще. пищаньци вольчыи хвоста бѣгаютъ* (Лаврентьевская летопись, Повесть временных лет под 984 г.). Ср. соврем. *Что ты от меня все время бегаешь?* Но и здесь этот глагол имеет

значение не обязательно направленного в разные стороны (хотя возможно и это), а значение „избегать“.

Впрочем, вопрос о намечающемся в некоторых случаях разграничении значений этих глаголов выходит за пределы настоящей статьи.

В совершенно одинаковом значении выступают глаголы *такати* и *тачати* (следует кстати заметить, что эти глаголы принадлежат к очень немногочисленным, как уже было сказано, бесприставочным образованиям, содержащим корневой гласный на ступени удлинения). Глагол *такати* выступал в значении „гнать“, „погонять“ —ср., *такати колесницеј* (XIII слов Григория Богослова XI в.). Но совершенно в таком же значении выступает *тачати*: *тачати колесницею* (XIII слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского по списку XIV в.). Оба приведенных сочетания передают одно и то же греческое сочетание — ἄριχ ἐλέγουειν. Но встает вопрос, насколько рассмотренные отношения являются древними: ведь форма *тачати* выступает в позднем памятнике, XIV в., замещая (в том же значении) в том же контексте употребленную старую форму *такати*. Следует иметь в виду, что форма *тачати* возникла иным путем, чем рассмотренное выше *бъжати*, а именно — сюда из сочетания *kj*, поскольку *тачати* представляет собой производный глагол III класса, образованный от глагола IV класса (если эта форма возникла в позднее время, она образовалась по аналогии к производным от IV класса глаголам III класса).

Форма с **k** и форма с **с** без различия значения выступают иногда и в древних приставочных образованиях от этой глагольной основы. Ср. *растакати*: *растакал* и *расъпал* *добръ юже эълъ мъзоимъствова* (XIII слов Григория Богослова XI в.) и *растачати*: *иже не събирать съ мъној растачанть* (Остромирово еванг., Мф. XII, 30). Оба образования соответствуют различным формам одного и того же греческого глагола σκορπίω: в первом случае — σκορπίῳ, во втором — σκορπίῃ.

Однако в приставочных образованиях наблюдаются и достаточно четко выраженные различия по значению форм с **k** и с **с**. Ср. *истакати* и *истачати*: форма *истакати* употребляется в непереходном значении, именно в том же, что *истѣкати*. Ср. *добродѣтели истакати пиво* (Житие Харитония в Четырех Минеях XVI в.) в соответствии с греческим τῶν ἀρετῶν ἀρύσθαι υἱοῖς. Форма же *истачати* имеет переходное значение. Ср. *цѣленица истачаша всаческая* (Новгородская миная 1096 г.); *истачають всѣмъ цѣленица* (Новгородская миная 1097 г.). Впрочем, данные отношения, возможно, также относятся к позднему времени, поскольку в древности в качестве непереходного употреблялся глагол с корневым гласным на ступени ё (в данном случае ё) — *истѣкати*.

Поздним является, вероятно, и соотношение *рушати* и *рухати* (*š < χ* перед ё), также не передающее различий значения. Мы находим в древнерусском языке глагол III класса *рушати* в значении „двигать“, „нарушать“, „разрушать“, „унижать“, производный от IV класса *рушити* с теми же в основном значениями. Но И. И. Срезневский приводит вместе с тем один пример на глагол *рухати* в значении „нарушать“ (т. е. в одном из значений, соответствующих значению глаголов *рушати* и *рушити*)¹. Но пример этот взят из бумаг посольства великого князя Ивана Васильевича к великому князю Литовскому Александру 1495 г., вследствие чего мы можем предполагать здесь полонизм (правда, это время еще до унии, но в Литве, конечно, известное воз-

¹ См. И. И. Срезневский. Материалы, III, 198.

действие польского языка уже могло сказываться). В польском языке глагол *ruchać* в настоящее время является архаизмом (при обычных *ruszać* и *ruszyć*), исторически этот глагол, вероятно, образовался по аналогии к существительному *ruch*, где *χ* объясняется фонетически (отношения *ruszcać* и *ruszyć* таковы же, как древнерусских *рушать* и *рушить*). В данном случае, при наличии чередования *χ/s*, возникшего таким же путем, как чередование *k/c* в случае *такати — тачати*, никакого смыслового различия между основами, содержащими задненёбный согласный и шипящий, нет.

Таким образом, в древнейшую эпоху морфологическая роль чередований задненёбных согласных и шипящих в одних и тех же фонетических условиях намечена слабо. Чередование это, конечно, играет определенную роль и в словообразовании и в словоизменении: задненёбный согласный в конце основы сменяется соответствующим шипящим при образовании производных слов с определенными суффиксами (ср., например, *грыб — грычъскъ*), а также при образовании различных форм данного слова (ср. шипящий согласный в конце основы звательной формы у имен с основой на *o* и задненёбным согласным перед *o*, чередование задненёбных согласных и шипящих в основе настоящего времени глаголов I класса). Но во всех этих случаях существены и определенные фонетические условия — после задненёбного согласного выступает гласный заднего ряда, а после шипящих — гласный переднего ряда. В эпоху действия второй палатализации появление шипящего в данном случае не является уже результатом собственно фонетического закона (хотя такие замены продолжаются, конечно, и после наступления второй палатализации), поскольку фонетически в соответствующую эпоху задненёбные согласные перед любыми гласными переднего ряда дают свистящие, а не шипящие. И, тем не менее, отношения задненёбных согласных и шипящих, будучи морфологическими, связаны и определенными фонетическими условиями.

Отношения задненёбных согласных и переднеязычных свистящих, складывающиеся с наступлением так называемой второй палатализации, первоначально так же, как и отношения задненёбных согласных и шипящих, являются часто фонетическими. Они и в дальнейшем в значительной части случаев сохраняют связь с фонетическими условиями. Но вследствие непоследовательного осуществления второй палатализации в результате прогрессивной ассимиляции отношения задненёбных и свистящих довольно скоро перестают быть фонетически обусловленными и становятся показателями определенных морфологических категорий, правда, в довольно ограниченном числе случаев. Так, например, именной суффикс одного и того же значения имеет в мужском роде форму *-ik-ъ*, в женском *-ic-a*. Ср., например: *старикъ — старца*, *мученикъ — мученица* и т. д. Форма *старикъ* засвидетельствована в довольно поздних русских памятниках (в более древних русских, а также старославянских обычно *старьцъ*). Ср., например: *Шведѣтъ оу старико^в по своеи кѣпнои грамотѣ свою часть* (Псковская судная грамота), *поставити вяжицкимъ старцамъ стариковъ своихъ Вохна да Федора Шубарскихъ* (Рядная запись 1525 г.). Но наличие производного *старца* уже в древнейших памятниках (например, в Синайском патерике XI в., Пандектах Антиоха XI в.) заставляет предполагать возможной и форму *старикъ*.

Чередования задненёбных согласных с шипящими, с одной стороны, задненёбных со свистящими — с другой, дают основу развитию чередований шипящих со свистящими, отражающихся в различных славянских языках и частью продуктивных и в настоящее время. Ср., например,

руск. *граница* — *заграничный*, *пограничный*, польск. *granica* — *graniczna* и т. д.

Говоря о чередовании задненёбных согласных со свистящими, следует иметь в виду, что в особых условиях в этом отношении находился задненёбный фрикативный согласный *χ*. С одной стороны, в результате второй палатализации, он мог вступать в чередование с *s* мягким, с другой же стороны, поскольку само *χ* развилось в ранний период развития общеславянского „языка-основы“ из *s* в определенных фонетических условиях, *χ* может вступать в чередование и с *s* твердым. В дальнейшем различия того и другого чередования могут теряться, если утрачивается различие между *s* и *s'* или же если это различие, хотя и сохраняется, становится чисто позиционным, т. е. *s'* мягкое, участвующее в чередовании, является лишь в положении перед гласным переднего ряда, а *s* твердое — в иных условиях. Говоря о последующем развитии этого чередования в разных славянских языках, следует, иметь в виду, что речь идет лишь о южнославянских и восточнославянских языках, так как в западнославянских в данном случае является шипящий.

О несомненной утрате фонетической обусловленности *χ* < *s* свидетельствуют такие случаи, как, например, русск. *порох* или *прах*, ст. слав. *прахъ*, сербск. *прах*, словенск. *prāh* и т. д. Здесь *χ* < *s* развилось в общеславянском „языке-основе“ в положении после *r* (**porsos* > **porχos*, ср. др.-сканд. *fors*), но в дальнейшем, как видим, является в восточнославянской области после *o*, в южнославянской — после *a*. Но это изменение *tɔrł* > *torot*, *trat*, которое свидетельствует о несомненной утрате *χ* связи с определенными фонетическими условиями, заведомо относится к позднему времени, оно не является в целом общеславянским, хотя начало процесса и относится еще к общеславянскому „языку-основе“. Но в силу процессов аналогического порядка *χ* появляется на месте *s* в таких фонетических условиях, где первоначально *χ* не могло быть, и в более раннюю эпоху, заведомо еще в общеславянском языке, хотя и в сравнительно поздний период его развития. Показатель сегментического аориста *-s-* сменяется показателем *-χ-* под влиянием таких случаев, когда *χ* < *s* развивалось фонетически. При этом в аористе глаголов с основой на носовой гласный в наиболее архаических старославянских памятниках еще наблюдаются колебания (ср. в Мариинском евангелии *ѩсть* наряду с *ѩхъ*), в новом же сегментическом аористе от глаголов с основой на согласный постоянно является *χ* после тематического *-o-*, например, *несохъ* и т. д. Это *χ*, становясь на славянской почве вообще показателем прошедшего времени, проникает в имперфект, где с самого начала является *χ* в таких фонетических условиях, при которых *s* > *χ* не было. При этом существенно заметить, что на протяжении спряжения аориста показатель первоначально в зависимости от фонетических условий выступает в тройкой форм: *χ/s/š* (*š* является перед окончанием с гласным переднего ряда, *s* перед окончанием, начинающимся на *t*). С установлением морфологического чередования *χ/s* отношения *χ* — *s* в спряжении аориста, а также имперфекта морфологизуются (тем более что в дальнейшем, на почве отдельных славянских языков, и самые гласные переднего ряда, вызвавшие палатализацию, частично сменяются гласными заднего ряда — ср. др.-русск. *несоша* и т. п.). Но как обстоит дело в отношении *χ* — *s*? В древности в славянских языках отсутствовали случаи нахождения *χ* в положении перед взрывным согласным. Известно, что в этих условиях *i* *s* не изменялось в *χ*, если даже стояло после тех звуков, после которых соответствующее изменение вообще происходило. Повидимому,

даже аналогическая замена **s** через **χ**, возможная в других условиях, не происходила в положении перед **t**, поскольку сочетание **χt** было невозможным.

Но отношение **χ—s** на почве отдельных славянских языков распространяется и на такие категории, где его не было в общеславянском языке. Так, в результате использования показателя, служившего первоначально лишь для аориста, в качестве показателя вообще прошедшего времени и сближения вследствие этого форм имперфекта с формами аориста в древнерусских памятниках древнейшей эпохи **s** появляется и в имперфекте в тех же формах, в каких оно являлось в аористе. Ср. такие формы, как *идаста* (Архангельское ев. 1092 г.), *видаста* (Житие Феодосия Печерского XII в.), *живаста* (Лаврентьевская летопись). Раньше здесь было *идвашета*, *видвашета*, *живвашета*. Если раньше шла речь о сохранении **s** перед **t** без замены через **χ**, то здесь идет речь о замене **χ** через **s**, поскольку **χ** в имперфекте в положении не перед **t** здесь установилось раньше. Но чем объясняется эта замена? Имеем ли мы здесь дело с установлением морфологического чередования **χ/s** или же здесь фонетически изменилось **χ>s** в положении перед **t**? Теоретически здесь можно было бы предполагать ассимиляцию по месту образования. Но вообще мы такой ассимиляции в древнерусском языке, да и позднее, не знаем, что, впрочем, может объясняться и тем, что сочетания **χt** вообще у нас в древности не встречалось. Скорее можно думать все же о распространении чередования **χ/s**.

В сербском языке отношения **s—χ** в соответствующих формах в результате действия аналогии, несомненно, теряют связь с фонетическими условиями, причем в древнесербском языке обнаруживаются колебания **s—χ** в одном и том же положении. Ср., например: *trésoх*—*tréсосмо*, *трéсосте*—*трéсоше*, *трéсијах*—*трéсијасмо*, *трéсијасте*, *трéсијаше*; ср. также др.-сербск. *записахмо* (грамота 1348 г.) при *биесмо* (грамота 1397 г.). В болгарском языке ступень **s** была в данном случае вообще вытеснена и в соответствующих формах сохранилось лишь чередование **χ/s**. Ср. в имперфекте *плетях*, *плетяхме*, *плетяхте*, *плетяха*—*плетеше*, в аористе *плетох*, *плетохме*, *плетохте*, *плетоха* (вообще без чередования).

Чередование **s/χ** (при **s** не в результате второй палatalизации) заведомо наблюдается и в восточнославянской области. Ср., например, укр. *волосся*, *волосина*—*вoloхатий*. Подобное явление мы встречаем и в западнославянской области. Ср. польск. *włos*, *włochaty*.

Ряд чередований согласных сложился на основе изменения согласных в сочетании с **j**. Палатализующее влияние **j** на предшествующие согласные начинается, повидимому, с достаточно раннего времени и продолжается на протяжении очень длительного времени, поскольку здесь наблюдается ряд явлений общеславянских, а многие изменения, по крайней мере в конечном своем результате, в отдельных славянских языках разнятся. Но известную сложность представляет вопрос, когда результат соответствующего изменения и его источник утрачивают связь с фонетическим положением и отношения из фонетически обусловленных превращаются в характеризующие определенные морфологические категории. В отдельных языках эта утрата, повидимому, происходила не одновременно и в некоторых имела место весьма поздно (в некоторых случаях даже спорно, окончательно ли утрачена эта связь и в современном языке). Так, если мы возьмем восточнославянскую область, то увидим, что еще в древнерусском языке, до времени падения редуцированных, сочетания „согласный + **j**“ не давали тех

результатов, которые давали после обособления восточнославянской группы. На это указывает тот факт, что в большинстве русских (в современном смысле слова) говоров сочетания самых различных согласных с **j**, образовавшиеся в результате утраты слабого й редуцированного, сохранились (лишь согласный, в тех случаях, когда он может смягчаться, подвергается непереходному смягчению перед **j**, если он не был, впрочем, смягченным еще перед **i**). В украинском и белорусском языках, а также в некоторых русских говорах ассимиляция **j** предшествующему согласному имеет место, но носит иной характер, чем древняя ассимиляция согласного последующему **j**, что также свидетельствует о прекращении действия старого закона изменения согласного перед **j** еще до падения редуцированных. Если же мы возьмем, например, сербский язык, то увидим, что для части согласных и после падения редуцированных действуют те же нормы ассимиляции, что и в глубокой древности. Так, например, твор. пад. ед. ч. старого склонения с основой на **i** имеет форму *stvārju* от *stvār* — „вещь“, но *sōju* от *sō < sol* (род. п. *sōli*), *glađu*, от *glađ* — „голод“, *kāpļu* от *kāp* — „капля“ и т. п. Во всех этих случаях изменение по древним нормам имело место после падения **й**. Изъятие **г** из общей нормы объясняется его ранним отвердением в сербском языке.

В современном сербском языке встречаются некоторые, возможно, обвязанные своим существованием действию аналогии случаи сочетания с **j** таких согласных, которые вообще давали соответствующие изменения уже после падения редуцированных, но неизвестно, насколько ранними являются эти образования.

Конечно, появление таких изменений, как **Ij > I'**, **pj > pl'**, **tj > h**, **dj > h**, после падения редуцированных может быть объяснено двояко: и как непрерывное продолжение действия фонетической нормы, при которой сочетание определенных согласных с **j** в языке вообще невозможно, и как возобновление уже переставшей действовать нормы или даже как нефонетическое уподобление тем отношениям, которые унаследованы от глубокой древности. Для окончательного ответа на вопрос о том, какое объяснение должно быть принято в данном случае, необходимо установить, с какого характера звуковым законом мы имеем дело. Есть звуковые законы, знающие аналогические нарушения. Эти нарушения (по крайней мере, если они состоят в том, что звук не изменился в тех условиях, когда он должен был фонетически измениться) свидетельствуют о том, что закон уже прекратил свое действие как фонетический. В таком случае мы имеем дело с возобновлением фонетического закона, подобного старому. Но возможны и такие фонетические законы, которые действуют на протяжении длительного времени и не подвергаются никаким изъятиям, никаким нарушениям аналогичного характера. Таково, например, аканье, установившееся в части русских говоров во всяком случае не позднее XIV в., распространившееся на Москву не позднее XVI в. и не знающее до сих пор никаких нарушений (я не беру более частных типов изменения нашего безударного вокализма, где различные нарушения возможны). Любое новое слово, попавшее в язык, подвергается соответствующим изменениям. Могли являться таким законом, действующим в сербском языке на протяжении многих веков, и соответствующие изменения согласных в сочетании с **j**.

Но несмотря на то, что фонетическая обусловленность согласных, возникших в результате изменения согласных в сочетании с **j**, по крайней мере частью славянских языков была утрачена поздно, встает вопрос о возможности морфологизации некоторых отношений, основанных

на рассматриваемых изменениях, и в сравнительно ранний период. Как известно, одним из суффиксов принадлежности в общеславянском „языке-основе“ являлся **-ј-**, распространенный посредством показателя склонения **-о-** или **-а-**. Притяжательные прилагательные, образованные посредством этого суффикса от имен (чаще собственных, но иногда и нарицательных), в древнейших славянских памятниках никогда не дают этот суффикс в явном виде, но всегда в виде результата изменения соответствующего согласного с **ј**. Ср. такие формы, как др.-русск. *въсеволожь*, *прославль*, *володимир* и т. п. В позднейшее время такие звуки и звукосочетания, как **г'**, **з'**, **вл'**, выступают, бесспорно, не как результат фонетического изменения, а как определенная ступень морфологического чередования — имя, от которого образовано соответствующее притяжательное прилагательное, и само прилагательное отличаются друг от друга во многих случаях только конечным согласным основы. Но ведь подобные образования охватывают не только притяжательные прилагательные, производные от славянских имен, но и производные от имен заимствованных, притом в сравнительно позднее время, хотя и до падения редуцированных, причем происходящие из различных источников — частью из книги, притом переводной с греческого, частью же непосредственно из живой речи. Ср., например, такие образования, как *аронь* — „Ааронов“, *адамль* — „Адамов“, *андриань* — „Андринов“, *ахавль* — „Ахавов“, *вааль* — „Ваалов“, *вифлеимль* — „Вифлеемский“, *гедешнь* — „Гедеонов“, *исавль* — „Исавов“, *иаковль* — „Иаковов“, *иерлѣмль* — „Иерусалимский“ (наряду с *иерлѣмъскъи*), др.-русск. *свѣнъль* — „Свенельдов“. Такие формы встречаются и в старославянских и в древнерусских памятниках¹. Получали ли соответствующие прилагательные, когда они образовывались на славянской почве, первоначально суффикс в форме **ј**, который лишь затем подвергался соответствующему фонетическому изменению, или же они прямо получали соответствующий звук, который мы и находим в памятниках, притом различный — в зависимости от того, каков был конечный согласный основы тех имен, от которых эти прилагательные образовывались? Заведомо можно утверждать, что соответствующие прилагательные образовывались именно последним путем. Ведь суффикса в форме **ј** (в явном виде) в эпоху появления на славянской почве соответствующих имен уже не было. Прилагательное типа, например, *шию* (< *seujos, ср. санскр. *savyāḥ*, авест. *haoua*), на славянской почве уже не обнаруживает морфологического состава (существительное *шиюца* является производным от него, а не наоборот), прилагательное же типа *рабии* от *рабъ* образовано иным способом (не посредством **-jo-**, а посредством **-ijo-**). И это говорит о том, что в эпоху распространения соответствующих производных притяжательных прилагательных на славянской почве отношения между рассматриваемыми согласными были уже морфологизованы (от имен с основой на гласный притяжательные образуются иными способами).

Не останавливаюсь на чередованиях согласного с соответствующим мягким согласным вторичного смягчения, поскольку развитие так называемых согласных вторичного смягчения имело место не во всех славянских языках.

Изменения фонетических норм, протекающие подобно, но несколько по-разному в различных славянских языках, создают основу для пре-

¹ Список таких форм, встречающихся в тексте Хроники Георгия Амартола, см. В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. II. П., 1922, стр. 164—171.

образования и разрушения чередований согласных, причем следует иметь в виду, что, как мне уже приходилось указывать, чередования согласных, складывающиеся позднее, чем чередования гласных, в большей степени подвергаются разрушению, чем последние.

Фонетическое развитие в результате второй палатализации сви-стящих согласных из задненёбных в положении перед любыми гласными переднего ряда приводит к возможным колебаниям между ступенью с шипящим и ступенью со свистящим в одних и тех же морфологических категориях без какого бы то ни было различия значения. Так, например, от имени *Ольга*, по старым нормам, должно было образовываться притяжательное прилагательное *ольжинъ*. Но наряду с ним в древнерусских памятниках употребляется и *ользинъ*. Ср., например: *бѣ бо въшегородъ градъ вользинъ* (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку под 946 г.). В Академическом списке стоит *ольжинъ*, а в Радзивиловском *олженъ*. Но эти колебания еще не свидетельствуют о разрушении чередования, в ряде категорий и теперь и в дальнейшем отчетливо сохраняется соответствующая ступень, не подвергаясь колебаниям. Однако, возможно, что и эти колебания в какой-то мере свидетельствуют о подготовке к разрушению чередований. Вероятно, в русском языке XIV в. вследствие изменения сочетаний *ky, gy, χy > ki, gi, χi* и появления возможности вследствие этого сохранения задненёбного согласного (лишь непереводно смягченного) перед живой формой притяжательного прилагательного от имени *Ольга* является уже *ольгинъ*, а формы *ольжинъ* и *ользинъ* выступают как традиционно книжные.

Следует иметь в виду, что изменение задненёбных согласных в сочетании с *у* создает известную почву для разрушения чередования, сложившегося в результате второй палатализации. За пределами восточнославянской области мы находим его в польском, кашубском и лужицком языках, но частью несколько в иных формах. В целом изменение распространяется лишь на *ky, gy, χy*, тогда как *χu* сохраняется в польском языке и большей части кашубских говоров, а также в нижнелужицком и восточнолужицком наречиях.

Наиболее последовательно устранение чередования задненёбного согласного со свистящим осуществлено в русском языке (в его современном понимании, т. е. не в украинском и белорусском), где сохранились лишь незначительные следы этого чередования, но наблюдается и за пределами русского языка. Так, например, в сербском языке это чередование вообще сохранилось (ср., например, *jùnak* — мн. ч. *junači*, *rúka* — дат. п. *rúci*), но частью утрачивается — ср. *báka* — „бабушка“ — *báki*, *lúška* — „скорлупа“ — *lúški*, *màzga* — „мул“ — *màzgi* (вообще в существительных на *-ska, -zga* чередование *k/c* не выступает). Ср. также более частое *máčki* наряду с *máčci* от *máčka* — „кошка“, более частое *sñáhi* наряду с *sñásci* от *sñáha* — „сноха“.

И все же в наибольшей степени как по последовательности проведения процесса, так и по охвату этим процессом различных чередований разрушение чередований осуществляется именно в русском языке, особенно если принять во внимание всю совокупность говоров, которые могут различаться и чередованиями. Так, в широком объеме разрушаются чередования, возникшие в результате первой палатализации и на основе сочетаний согласных с *j* в спряжении настоящего времени глаголов (частью, впрочем, чередование задненёбных с шипящими замещается новым чередованием твердого и мягкого задненёбного). Устранение в спряжении настоящего времени чередования, возникшего из сочетания согласного с *j*, наблюдается не только в русском, но и

в украинском языке. Но это в склонении и в спряжении. Если же взять словообразование, как именное, так и глагольное, то там чередование согласных, возникшее на основе первой палатализации и сочетания согласных с *j*, в большинстве говоров держится. Ср., например, такие отношения, как *спросить — спрашивать, носить — ноша, горшок — горшочек* (или *горшечек*) и т. п. Но в некоторых говорах разрушаются и эти чередования, а также чередования, в которых участвует *s* (чередующееся с *š*). Здесь наблюдается весьма своеобразное разрушение чередований.

Собирание материалов по диалектологическому атласу северо-западных говоров позволило выделить весьма своеобразную так называемую Гдовскую группу говоров, расположенную в основном на восток от Чудского озера. Эта группа характеризуется многими любопытными чертами и в том числе весьма своеобразным и почти неизвестным до сих пор в диалектологической науке устранием чередования¹. В соответствующих говорах наблюдается замещение ступени чередования *s* и *š* посредством *χ*, например: *спráховать — „спрашивать“, опойховать — „опоясывать“, мехáть — „мешать“, голохóвать — „голосовать“* и т. д. Впрочем, соответствующее явление распространяется далеко за пределы собственно Гдовской группы. Основная масса говоров, знающих это явление, сосредоточена на восток от Чудского и Псковского озер, а также на юг от Псковского озера, но отмечено оно в отдельных пунктах и на западном побережье этих озер, а также заходит довольно далеко на восток, не доходя, однако, до озера Ильмень (крайние пункты на востоке — д. Боровня Селецкого р-на Новгородской обл. и д. Хлебородово Дедовичского р-на Псковской обл.; крайние пункты на юге — д.д. Мельница и Кошкино Псковского р-на Псковской обл.). В соответствующих говорах отмечены такие формы, как *галáхыват'* (от *голосить*), *спráхывайт, выплáхыват'* — „выплясывать“ (д. Олешницы Вирузского р-на Эстонской ССР), *ня спráхывай, выкалáхываица — „вокалашивается“* (д. Загривье Сланцевского р-на Ленинградской обл.), *опайáхыват, опайáхнут* (д. Клёпно Кингисепского р-на Ленинградской обл.), *опайáхат'* (д. Лунёвщина Гдовского р-на Псковской обл.), *мехáйе — „мешает“* (д. Подборовье Попновского р-на Псковской обл.); *вéхат'* — „вешать“ (д. Аксентьево Середкинского р-на Псковской обл.), *разнáхыват'* (д. Моложане Новосельского р-на Псковской обл.), даже *ку́хала* в значении „кушала“ (д. Б. Толбицы Псковского р-на Псковской обл.). Вероятно, как результат нарушения этой диалектной черты отмечены, напротив, такие формы, как *машáйут — „махают“* (д. Зайдево Волхского р-на Латвийской ССР), *вéсайт — „вешают“* (д. Дядно Качановского р-на Псковской обл.), *опойáхывалис'* — „опоясывались“ (д. Драготин Полновского р-на Псковской обл.). Почти все примеры, приведенные в ответах на диалектологическую программу, падают на глагольные основы. Но в одном ответе встретилось *но́ха* в значении „ноша“ (д. Бор Залучского р-на Новгородской обл.), а это указывает на то, что образования с *χ* охватывают не только глагол. Впрочем следует заметить, что в этом ответе нет примеров глагольных форм. Следует иметь в виду, что рассматриваемое явление, вообще почти совсем не изученное, не нашло себе места и в последней диалектологической программе АН СССР (а тем более не находило себе места в старых программах), вследствие чего лишь случайно было зафиксировано наблюдателями. Поэтому мы лишены пока возможности сказать,

¹ Некоторые указания на это явление содержатся в статье В. И. Чернышева. Говор Пушкинского района Псковской обл. — „Язык и мышление“, т. VI—VII.

устранило ли в данных говорах соответствующее чередование полностью или же только частью редуцировано, а частью преобразовано, охватывает ли оно в действительности в большей степени глагольное образование или же в равной мере распространено и на именное. Мы не можем даже точно указать географические пределы распространения этого явления. Возможно, что оно наблюдается и не только в тех населенных пунктах, где было отмечено¹.

Не рассматриваю здесь вопроса о преобразовании различных чередований, осуществляющихся в разных славянских языках в разной степени и различными путями.

¹ Должен сказать, что об этом явлении я ничего не писал в моей статье „О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке“, поскольку указанные выше диалектологические материалы были изучены и систематизированы уже после выхода в свет этой статьи.

Ю. С. МАСЛОВ

**ИМПЕРФЕКТ
ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ**

I. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В изучении глагольной системы славянских языков центральное место занимают вопросы глагольного вида. Категория совершенного и несовершенного видов, представляя собою яркую специфическую особенность славянского глагола, неоднократно привлекала к себе внимание языковедов, и научная литература, так или иначе освещая вопросы происхождения и исторического развития видовых категорий, насчитывает уже немало названий. Хотя эти вопросы далеко еще не получили своего полного разрешения, тем не менее некоторые из выдвигавшихся положений можно, повидимому, считать достоверными.

Так, очевидно, не подлежит сомнению, что совершенный и несовершенный виды не унаследованы славянским „языком-основой“ из индоевропейского „языка-основы“, но представляют собою специфически славянское новообразование. Даже балтийские языки, наиболее близкие славянским, не развили подлинной совершенности и несовершенности. В семантическом отношении ближайшей параллелью к славянскому противопоставлению совершенного и несовершенного видов является, пожалуй, противопоставление аориста и презента в древнегреческом, но это противопоставление с формальной стороны, а следовательно, и генетически имеет мало общего со славянскими видами. Лишь небольшая группа славянских корневых (простых) глаголов совершенного вида (*perfectiva simplicia*) может быть по вокализму корня сопоставлена с корневым аористом в древнегреческом. Это сопоставление не дает ключа к славянской видовой системе в целом. К тому же наблюдаемая в древнегреческом противоположность аориста и презента, повидимому, не может со смысловой стороны рассматриваться как непосредственное отражение исходного состояния: значения, выражавшиеся видовыми основами в индоевропейский период, были, очевидно, существенно иными, чем те, которые находим в древнегреческом.

Процесс постепенного складывания современной видовой системы, начавшись, скорее всего, к концу общеславянского периода, завершается уже в период раздельной жизни отдельных славянских языков, хотя тождество исходных материалов и сходство во внутренних законах развития всех этих языков ведут к значительному единообразию современной видовой системы в пределах всего славянского мира (при наличии все же некоторых немаловажных расхождений в частностях). Даже первая письменная фиксация славянских языков застает их в тот момент, когда их современная видовая система является еще не до конца выработанной, когда в вопросах вида в них сохраняются еще

известные пережитки, позволяющие с большей или меньшей достоверностью реконструировать предшествующее состояние.

Что же предшествовало возникновению совершенного и несовершенного видов? Какие видовые или подобные им категории существовали в языке раньше, до современных видов, и составили базу для последующего развития современной видовой системы?

Если положение о позднем возникновении совершенного и несовершенного видов может быть высказано с полной уверенностью, то ответ на поставленный сейчас вопрос будет неизбежно содержать больше спорного и даже гадательного. Можно думать, что первоначальной базой для возникновения каких бы то ни было видовых категорий служили более конкретные, по сути лексические оттенки глагольных значений, объединяемые под общим названием „способов действия“¹. В процессе развития грамматической абстракции из „способов действия“ постепенно, путем их обобщения, возникло противопоставление глаголов предельного, ограниченного пределом действия — глаголам беспредельного протекания. Первые можно назвать, используя уже выдигавшиеся в науке термины, „пределными“, или „терминативными“, или „определенными“ (последний термин, впрочем, хуже, ввиду его многозначности), вторые соответственно — „непределными“, „курсивными“, или „неопределенными“. Это — та ступень в развитии видовых категорий, которая достигнута, например, германскими языками. Противопоставление „пределности“ и „непределности“ тесно связано здесь с лексическим значением глагола, но проявляется и грамматически, в известных грамматических особенностях, общих всем глаголам каждой из этих двух групп. Можно сказать, что „пределность“ и „непределность“ стоит как бы на полпути между „способом действия“ и видом в собственном смысле — видом как категорией грамматической. Существенную роль в процессе превращения старых „способов действия“ в „полувидовые“ категории „пределности“ и „непределности“ играло, как можно думать, соединение глаголов с приставками. Именно приставки и вносили часто момент предела, ограничивая в пространстве и во времени беспредельное протекание соответствующего действия. Имелось, наряду с этим, и бесприставочные глаголы предельного значения. Наиболее правильным будет предположить, что такое приблизительно положение сложилось в какой-то период его развития и в славянском „языке-основе“.

А. А. Потебня писал: „Вида вовсе не было в языке славянском, как, например, нет его в настоящем времени в немецком“². В связи

¹ Термин „способы действия“, или „способ протекания“, „способ прохождения действия“ широко (хотя и не всегда достаточно четко) применяется в литературе для обозначения лексических оттенков в характере протекания глагольного действия в противоположность грамматической категории вида. В немецкой литературе последних 20—30 лет „способ действия“ именуется *Aktionsart* (впервые у Агреля в 1908 г.), а вид — *Aspekt* (наряду с этим до сих пор встречается использование термина *Aktionsart* и в более старом значении „вида“), в чешской литературе соответственно имеем *zpříslub děje* и *vid*, в польской — *rodzaj czynności* и *aspekt*, во французской — *L'ordre de procès et aspect*, в английской — *manner of action* и *aspect* и т. д. В русской лингвистической литературе термин „способ прохождения действия“ встречается у акад. В. В. Виноградова, ср., в частности, следующее высказывание: «Даже наиболее полная грамматическая классификация видовых значений далеко не исчерпывает всех тех семантических оттенков, которые вносятся приставками в обозначение „способа прохождения“ того или иного действия» („Русский язык“, 1947, стр. 523).

² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 47. Приведенное высказывание Потебни находится в большом отрывке текста, целиком перечеркнутом в рукописи (стр. 46—47), но, на основании всего хода рассуждений в этом и соседних параграфах, можно быть уверенным, что оно полностью соответствует его концепции.

со сказанным сейчас хотелось бы уточнить это положение следующим образом: совершенного и несовершенного видов не было в языке славянском, как нет (и не было) их в немецком. Но в славянском „языке-основе“ уже различались глаголы „предельные“ и „непредельные“ (как они различаются, например, в немецком). Это различие „пределности“ и „непределности“ и послужило той непосредственной базой, на которой затем развились в славянских языках совершенный и несовершенный виды.

Можно предположить, что предельное значение было свойственно большинству глаголов с приставками, многим глаголам с носовым суффиксом и носовым инфиксом, а также простым глаголам вроде **pasti*, **skociti* (превратившимся позже в глаголы совершенного вида), вероятно и „моторно-некратным“ глаголам вроде **vesti*, **nesti*, может быть, глаголам **videti* и **cuti* и некоторым другим. Непредельное значение можно предположить для других морфологических типов глаголов, особенно для глаголов состояния с суффиксом *-ě-* во „второй“ основе, для „моторно-кратных“, для глаголов с суффиксом *-j-* (III класс в классификации Лескина) и некоторых других. Вероятно, немалое число глаголов обнаруживало колебания между предельным и непредельным значениями, способность выступать в обоих значениях.

Переход к современной видовой системе был связан с дальнейшим развитием грамматической абстракции. В ходе этого развития зависимость грамматических особенностей глаголов от оттенков их лексического значения становилась все более слабой и опосредованной. Существо перехода к современной видовой системе заключалось в образовании глагольных видовых пар и, в первую очередь, в появлении рядом с предельными основами таких производных от них основ, которые служат специально для выражения „процессного“ значения, т. е. обозначают то же самое предельное действие, но рассматриваемое в его развитии, в процессе его протекания. В этих производных основах „процессного“ значения представление о пределе действия не исчезает вовсе из поля зрения, но оказывается отодвинутым на задний план. Предел как бы маячит в перспективе, он сохраняется как та внутренняя цель, к которой направлен протекающий процесс (ср. *он выходит из дома, солнце садится* и т. д.). Именно появление подобных образований, — так называемых глаголов несовершенного вида вторичной формации, — и знаменовало собою превращение старой системы „предельных“ и „непредельных“ глаголов в новую видовую систему с ее совершенным и несовершенным видами.

По противоположности со вновь возникающими глаголами „процессного“ значения („вторичными несовершеными“) их „производящие“ глаголы из „предельных“ превращались в глаголы совершенного вида.

Одновременно в разряд глаголов несовершенного вида вливались и старые „непредельные“ глаголы („первичные несовершенные“, — „первичные“ в том смысле, что они существовали до возникновения самих видов).

Видовая дифференциация охватывает постепенно всю глагольную лексику. Это происходит уже в период раздельной исторической жизни отдельных славянских языков, причем степень развитости видовой системы каждого из них в момент, зафиксированный древнейшими дошедшими до нас памятниками письменности, может быть, так сказать, „измерена“ количеством (и широтой употребления) в этих памятниках „вторичных глаголов несовершенного вида“¹.

¹ Сказанным, разумеется, нисколько не отменяется необходимость при историческом исследовании вида учитывать целый ряд других показателей, в частности — те, речь о которых будет идти ниже.

В дальнейшем развитие глагольного вида идет к тому, чтобы почти любое глагольное значение (независимо от лексического „способа действия“) могло бы быть представлено в обоих видах, т. е. к превращению членов каждой видовой пары в формы одного глагольного слова, отличающиеся друг от друга только грамматическим значением при полном совпадении их лексического значения. Полностью, т. е. применительно ко всем абсолютно глаголам, эта тенденция не осуществлялась ни в одном из славянских языков, но в каждом славянском языке она стала действительностью для основной массы глаголов.

Формирование категории совершенного и несовершенного видов про текало, если можно так выразиться, не в „бездвоздушном пространстве“, а в сложном взаимодействии с уже существовавшей в языке системой времен.

Превращение бывших „предельных“ глаголов в глаголы совершенного вида сделало невозможным употребление форм настоящего времени этих глаголов в значении конкретного настоящего (т. е. действия, выполняемого конкретно в момент речи о нем). В сфере прошедшего времени формировавшиеся видовые значения совершенности и несовершенности вступили в сложное взаимодействие с видовыми в известном смысле значениями, присущими славянскому аористу и имперфекту. Сходным образом обстояло дело и в причастиях, так как и причастным образованиям были издавна свойственны известные видовые оттенки (это сказывается даже в языках, в которых развитие видовых категорий не пошло дальше выработки „пределности“ и „непределности“).

Изучение вопросов происхождения глагольного вида в славянских языках невозможно без учета отмеченных сейчас фактов тесного взаимодействия между видовым значением глагольной основы и значением аориста, имперфекта, тех или иных причастий. И наоборот — учет этого взаимодействия обещает пролить свет на многие темные вопросы как в истории глагольного вида, так и в истории самих перечисленных форм. Именно вопросу о взаимодействии новых видовых категорий с более старыми видовыми оттенками одного из глагольных времен — имперфекта — и посвящена данная работа.

* * *

Как известно, те древние и новые славянские языки, которые сохранили формы общеславянского имперфекта, образуют его главным образом (а некоторые из них — исключительно или почти исключительно) от глаголов несовершенного вида. Именно имперфект, образованный от глагольной основы несовершенного видового значения, является, таким образом, „нормальным“ типом имперфекта. Значение этого „нормального“ имперфекта описано и изучено довольно хорошо: эта форма обозначает глагольное действие как длившееся и незаконченное в прошлом, незаконченное в какой-то момент прошедшего времени, иногда длившуюся и „незамкнутую“ в какой-то момент прошедшего времени цепь, вереницу повторявшихся действий. В силу такого своего значения эта форма часто употребляется для описания сопровождающих обстоятельств, одновременных главному действию (выраженному в повествовании аористом), а также для описания обычаем, привычек действующих лиц и вообще постоянных ситуаций, относящихся к плану прошедшего и составляющих „фон“ для поступательного

движения рассказа¹. В некоторых случаях на базе основного значения незаконченности действия в прошлом развивается модально-видовое значение „конативности“, т. е. нереализованной попытки, стремления осуществить действие (так называемый „imperfectum de conatu“), например: *давъхъ ємоу лити оцътъно вино. онъ же не прибътъ* (Мар. ев., Марк. 15, 23) — „давали пить“, т. е. пытались дать.

Наряду с этим встречаются примеры совсем другого, чисто модального² значения форм имперфекта, — значения своего рода условного наклонения. Это значение по существу не связано с прошедшим временем. Ср. у Иоанна Экзарха: *аще бо* (имеется в виду „небо вышнек“) *би и слнца не имѣло, ни лоуны ни звѣздъ, то и само то ро(до)мъ свѣтѣаше се* (Шестоднев, л. 8, цит. по изд. 1879 г.) — „то и само по себе светилось бы“ — возможность мыслится как вневременная, наличная в любое время. Сходное употребление (но только не в рамках главного, как в приведенном сейчас примере, а в рамках придаточного условия предложения) широко распространено в современном болгарском языке, например: *Да имах чично владика, не щях да вѣрятъ мотика* (пословица) — „если бы у меня дядя был епископом, я не возился бы с мотыгой“; *ако добитѣщите знаяха да говорятъ, те щяха да бѣдат като нас* (И. Йовков, Ако можеха да говорят, 108)³ — „если бы животные умели говорить, они были бы как мы“ и т. д. Сходное употребление встречается, хотя и реже, в некоторых говорах сербохорватского языка, в частности, в главном предложении, например: *Не остављај ја мојे баштинѣ, па да ми даднѹ три куће у Подгорицу* (Црминички говор, Черногория) — „я не оставил бы“.

Интересно, что в том же модальном значении условного наклонения может выступать и плюсквамперфект (от глаголов обоих видов), образованный сочетанием имперфекта глагола *быть* с причастием на *-л*, но в этом случае речь будет нормально идти о событиях, относящихся к плану прошлого. Так, в современном болгарском языке: *Вечерта, когато се вѣрнах въ къщи, получих от баща си такава плесница, че ако бе последвала и втора, сигурно щях да падна въ несвѣст* (Г. Белев, Иглата се счупи, 49) — „...если бы последовала и вторая, я наверняка бы потерял сознание“; *да не беше ни подвел, обещаніе нямаше да дадем* (А. Гуляшки, Обещаніе, 57) — „если бы он нас не подвел, мы бы не дали обещаніе“. В говорах сербо-хорватского языка: *Да бѣсмо продѣли рибу док је фрѣшка, ѡасмо ўзѣт коју пâру више* (Црминички говор, Черногория) — „если бы мы продали рыбу, пока она свежая, мы выручили бы больше денег“.

¹ Некоторые языковеды усматривают основное значение имперфекта именно в значении одновременности соответствующего действия другому прошедшему факту (ср., напр., В. Navránek. Aspect et temps du verbe en vieux slave. Mélanges de linguistique offert à Ch. Bally, Женева, 1939), что, по нашему мнению, неправильно. Одновременность есть лишь частный случай (хотя и очень распространенный) более общего значения незаконченности действия в прошедшем.

² Строго говоря, это и некоторые другие рассматриваемые ниже значения имперфекта следовало бы называть не просто „модальными“, а „неизъявительно-модальными“, поскольку изъявительная модальность есть также одна из модальностей (и притом — важнейшая: модальность полного соответствия высказываемого действительности). Но мы для краткости и ввиду непривычности термина „неизъявительно-модальные значения“ будем здесь и ниже всюду говорить просто о модальных значениях имперфекта, понимая под этим все те значения, которые выходят за пределы простой „индикативной“ констатации факта.

³ Сведения об использованных при написании данной статьи изданиях новеболгарских текстов см. ниже.

Вневременное или, во всяком случае, не относящееся к прошедшему времени модальное употребление имперфекта в своего рода гипотетическом значении находим и на древнерусской почве, в зачине „Слова о полку Игореве“: *Не лѣпо ли ны бяшетъ, братie, начати старыми словесы трудныхъ повѣстей о пѣлку Игоревѣ* — „не приличествовало бы нам...“

Какова генетическая связь между видо-временным значением имперфекта и его модальными значениями — значением условного наклонения и гипотетическим значением? Какое из этих значений старше? В свое время И. В. Ягич в послесловии к своему изданию Мариинского евангелия выдвинул гипотезу о происхождении славянского имперфекта из **с**-оптатива и, в связи с этим, о первичности модального значения в формах имперфекта¹. Впоследствии гипотеза эта была оставлена самим автором².

Судя по всему, более старым значением имперфекта приходится считать его видо-временное значение длительного незавершенного действия в прошлом, что находит себе опору и в сопоставлении суффиксов имперфекта **-ё-** и **-а-** с суффиксами глаголов состояния — в типе ст.-слав. *сѣдѣти* (ср. *сѣсти*), *бѣдѣти* (ср. *боудити*), *трѣпѣти* и т. д. и в *имамъ* (ср. *јѫто*) и с суффиксом **-а-** „моторно-кратных“ глаголов вроде ст.-слав. *плавати* (ср. *плоути*), русск. *таскать* (ср. *тащить*) и т. д. и вторичных образований несовершенного вида (*падати* рядом с *пасти*). Переход от значения прошедшего времени к модальному значению мог бы быть сопоставлен с аналогичным переходом значения, отмечаемым в аористе *быхъ*, *бы*; такое сопоставление было сделано А. А. Потебней, указывавшим на определенную связь „между прошедшими временами изъявительного наклонения и условностью, и даже вообще идеальными наклонениями“³. Конечно, в вопросе этом пока много темного, и все же положение о первичности видо-временного значения имперфекта вряд ли подлежит сомнению.

Тем более интересными, однако, являются те, более редкие случаи, в которых формы имперфекта оказываются образованными от глагольных основ совершенного вида или, по крайней мере, от глагольных основ, выступающих в дальнейшем в качестве основ совершенного вида, скажем, такие формы, как др.-русск. *прильняше(ть)* от *прильну* или ст.-слав. *начынѣхомъ* от *начынѣ*. О чем говорят подобные случаи? Как их понимать? Могут ли они служить свидетельством того, что соответствующие основы еще не получили в период, когда употреблялись эти формы, значения совершенного вида? Или, может быть, наоборот, в них надо видеть позднейшее явление — отражение утраты имперфектом его специфического значения, упадок старых норм — и потому при решении вопросов происхождения глагольного вида примеры эти должны остаться в стороне как непоказательные? Или, наконец, в каких-то пределах подобное употребление имперфекта глаголов совершенного вида может считаться нормальным, и если так, то каковы эти пределы?

В данной статье делается попытка ответить на поставленные сейчас вопросы. Пусть эти вопросы являются частными в рамках общих задач, стоящих перед историком славянского глагольного вида. Автор убежден, что именно исследование подобных частных вопросов может дать необходимый материал для последующих обобщений. Именно по такому пути, по

¹ См. Мариинское четвероевангелие, СПб., 1883, стр. 458 и сл.

² См. Archiv für slavische Philologie, т. 28, стр. 27 и сл.

³ А. А. Потебня. Ук. соч., т. I—II, 2-е изд. (Харьков, 1888), стр. 270.

пути конкретного исследования отдельных вопросов истории глагольного вида и идут сейчас советские лингвисты, занимающиеся историей глагольного вида в славянских языках¹.

Где же конкретно, в каких славянских языках и диалектах, в какие периоды их историй, в каких памятниках встречается интересующая нас форма — имперфект глаголов совершенного вида?

Из древних славянских языков наиболее богатый материал дают древнерусские памятники повествовательного жанра, особенно летопись и Житие Феодосия, и такие древнечешеские памятники, как Хроника Далимила, Александрида, Градецкая рукопись, Životy sv. Otcův, Оломоуцкая библия и т. д. Несколько меньший материал находим у поэтов Дубровника и в некоторых прозаических старохорватских текстах (Тондаль, Житие Иеролима и др.). Значительно слабее представлена интересующая нас форма в памятниках старославянского языка. Почти ничего не дают Фрейзингенские отрывки и ничего надежного — древнейшие польские памятники. Что касается живых современных славянских языков, сохранивших в той или иной мере формы аориста и имперфекта, то сербо-хорватский сейчас вовсе не знает имперфекта совершенных глаголов, в верхне- и нижнелужицком дело обстоит по существу так же, хотя некоторые факты этих языков имеют известное отношение к интересующему нас образованию. Зато в современном болгарском языке формы имперфекта глаголов совершенного вида образуются без затруднений, представляя собой вполне живую и продуктивную категорию.

* * *

Обратимся теперь к краткому обзору основных имеющихся в литературе высказываний об имперфекте глаголов совершенного вида.

Высказываний этих не очень много. Некоторые ученые, писавшие о славянском имперфекте вообще, обходили упорным молчанием случаи имперфекта совершенных глаголов. Откровенно высказался Дельбрюк: „По природе вещей имперфект не может быть образован от совершенных глаголов.... Как понимать примеры, приводимые Миклошичем..., я не знаю“². Показательно, что и сам Миклошич никак не объясняет отмеченного им употребления³. Уклонился от объяснения случаев подобного имперфекта также Лескин⁴, а Мейе прямо игнорирует

¹ Ср., в частности, интересные исследования советских лингвистов Е. В. Чешко и В. В. Бородич (Е. В. Чешко. К истории славянских глагольных видов. Основы глаголов движения в Эзографском кодексе. — Ученые записки Института славяноведения, III, 1951, стр. 328—344. В. В. Бородич. К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке. — Там же, стр. 345—393). Сюда же примыкает конкретная разработка вопросов глагольного вида в отдельные периоды позднейшей истории отдельных славянских языков (см., напр., С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., Изд. АН СССР, 1952).

² В. Delbrück. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, т. II. Страсбург, 1897, стр. 340.

³ См. F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, т. IV. Вена, 1868—1874, стр. 786, пункт 3. — Попутно отметим явную ошибку Миклошича, проявившуюся в приведении, в числе других примеров, болгарского примера *отън ѧснєше*. Глагол *ѧсна* (как и русское *ѧснуть*) несовершенного вида.

⁴ В своей „Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache“ (Гейдельберг, 1909) Лескин лишь констатирует, что в старославянском „перфективный глагол почти никогда не является в форме имперфекта (стр. 225). Аналогично в „Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache“. 5 изд., Веймар, 1910, стр. 172.

имперфект совершенных глаголов, вступая в противоречие с фактами¹.

Между тем в свое время уже Г. К. Ульянов пытался определенным образом осмыслить имперфект совершенных глаголов, хотя он по-разному толковал его в I и во II томе своего капитального труда „Значения глагольных основ в литовско-славянском языке“. Судя по I тому, Ульянов видел в существовании этих форм доказательство несовершенного в прошлом видового значения соответствующих основ (конкретно он имел в виду основы на *-не-*)², но впоследствии изменил свою точку зрения и во II томе рассматривал подобное употребление как „нормальное“ в определенных синтаксических условиях. „Общеславянской формой, обозначавшей отношение к прошедшему времени утверждения, выражаемого относительным предложением, — писал здесь Ульянов, — был имперфект, образуемый от основ недлительных; такой имперфект мы находим во многих отдельных языках, по крайней мере, в древнейшие их эпохи“³. И ниже: „Но имперфект от недлительных основ в славянских языках может употребляться не только в относительных, но также и в простых предложениях; в последнем случае имперфект обозначает возможность или готовность сочетания признака с субъектом“⁴.

Оба типа употребления иллюстрируются рядом примеров, в частности, первый тип (употребление в относительном предложении) — примером из Повести временных лет: *аще кто умряше, творяху триену надъ нимъ* (и другими аналогичными примерами)⁵, второй тип (в значении возможности или готовности сочетания признака с субъектом) — примером из Супрасльской рукописи: *бъшътъ бо ни юдноже бѣ отъ него сътворено дѣло... кже не къ небесъноуому приатию подвигнѣзше оумъ*, — в трактовке Ульянова „которое не могло бы побудить“⁶, — и некоторыми другими примерами. Для обоих случаев Ульянов обращает внимание на параллелизм между употреблением имперфекта и аналогичным употреблением настоящего времени тоже от основ совершенного вида.

В черновых рукописях А. А. Потебни, написанных еще в 80-х годах XIX в., т. е. до выхода в свет работы Ульянова, но опубликованных лишь в 1941 г. в качестве IV тома „Из записок по русской грамматике“, находим двойственную трактовку интересующих нас случаев. Приведя большой материал из древнерусской летописи и некоторых других памятников, Потебня пишет:

«Таким образом от глаголов *начати, изъти, усънути, прильнуть, въкынутися* и других подобных проходящее имеет значение современного прошедшего от глаголов *начинать, выходить, засыпать, прилипать* и пр. С точки зрения современного языка, кажется непонятным, как в древнем языке прошедшее от *прильнутi*, именно *прильнѧштъ*, может значить „прилипал“.

¹ „Имперфект, — пишет Мейе, — образуется в принципе только от глаголов несовершенного вида“ (Общеславянский язык. М., 1951, § 294, стр. 219; см. также § 295 там же и комментарий П. С. Кузнецова к этому параграфу, стр. 451).

² Ср., например, следующее место: „В старом сербском языке форм от основ на *-не-* без перфективного значения было более. Об этом можно заключить на основании того факта, что в памятниках является целый ряд imperfect'ов от основ на *-не-*; imperfectum же может быть образован только в том случае от этих основ, когда они не являются с перфективным значением“ (Г. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, I часть. Варшава, 1891, стр. 167).

³ Там же, II часть. Варшава, 1895, стр. 226.

⁴ Там же, стр. 227.

⁵ См. ниже, стр. 84.

⁶ См. ниже, стр. 114

Но современная точка зрения здесь неуместна. Длительность такого прошедшего зависит от его характера. Если глагол в других формах имеет значение совершенного, в силу влияния предлога, то в прошедшем длительном предлог или сохраняет только свое пространственное значение или обозначает оконченность отдельных действий, составляющих ряд, обозначаемый этим прошедшим (*начняхуть, прильняшеть*)¹.

Как показывают это и другие высказывания Потебни, он в основном склоняется к тому, чтобы рассматривать все подобные примеры как случаи „длительного значения“, эквивалентного значению прошедшего несовершенного современного русского языка. Став на эту точку зрения, мы должны исключить имперфект из числа форм, показательных для оценки видового значения конкретных основ, образующих эту форму: в имперфекте все основы оказываются, так сказать, „уравненными в своих правах“, все они оказываются несовершенными (или безвидовыми), — „длительность такого прошедшего зависит от его характера“, а строение каждой данной глагольной основы не играет здесь никакой роли². Близкие идеи составили базу для концепции, предложенной несколько лет назад проф. Т. П. Ломтевым, согласно которой видовая дифференциация лишь постепенно охватывает формы разных времен и, в частности, аорист и имперфект составляют участок, наиболее поздно охватываемый этой дифференциацией, что связано с наличием в самих этих формах определенных присущих им видовых значений³.

Вместе с тем, как видим, Потебня допускает и другую возможность: рассматриваемые формы могут выражать „оконченность отдельных действий, составляющих ряд“, т. е. выражать многократное действие, отдельные части которого (отдельные акты, составляющие ряд) характеризуются завершенностью, хотя весь ряд в целом подобной завершенности не имеет. Об этом же говорит формулировка, которую дает П. С. Кузнецов: „неограниченная в прошлом повторяемость действий, каждый раз законченных“⁴.

Именно по линии указания на многократность (итеративность) действия, выражаемую интересующими нас формами (но обычно без достаточного подчеркивания завершенности, оконченности отдельных действий, составляющих ряд), пошли и некоторые другие ученые, писавшие об имперфекте глаголов совершенного вида в древних слав-

¹ А. А. Потебня. Ук. соч., т. IV, стр. 148.

² Говоря, что „предлог“, т. е. глаголная приставка, сохраняет в формах имперфекта „только свое пространственное значение“, Потебня оказывается вынужденным давать отдельные объяснения случаям вроде *будяшеть*, где, однако, тоже, по его словам, „оттенок совершенности легко стирается характером прошедшего длительного“ (стр. 149).

³ См. Т. П. Ломтев. К характеристике видовой дифференциации претеритальных форм глагола в древнем русском языке. — Ученые записки Московского гос. университета. Труды кафедры русского языка, кн. 2. М., 1948, стр. 72; его же. Изменения в употреблении глагола относительно категорий вида и времени. — Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 3. М., 1947, стр. 25. Для старочешского языка несовершенное видовое значение предполагал в формах имперфекта совершенных глаголов И. Зубаты. См. его статью „K frequentativním odvozeninám s příponou -vatí od sloves 4. třídy“, Listy filologické, 42 (1915), стр. 237.

⁴ См. А. Мейе. Общеславянский язык. Примечания [П. С. Кузнецова]. стр. 451. — В статье П. С. Кузнецова „К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка“ (Труды Института языкоznания, т. II, 1953) дается такая формулировка: „мы имеем дело с действием в прошлом, неограниченно повторявшимся, но каждый раз законченным или мгновенным“ (стр. 250).

вя́нских языках, в частности — чешские языковеды Я. Гебауэр¹ и и В. Вондрак².

Гебауэр, как до него Ульянов, становится на путь дифференцированного подхода к разным типам случаев. Так, он (а вслед за ним и Вондрак), наряду с преобладающим значением многократности, отмечает также возможность модального значения рассматриваемых форм имперфекта (хотя и в несколько ином смысле, чем у Ульянова). В некоторых других случаях Гебауэр отмечает употребление форм имперфекта совершенных глаголов вместо аориста в результате начавшегося разрушения старой системы прошедших времен. Для древнерусского на подобные случаи (напр.: *и литургии З съверши в церковах и оттоле поидяше к Новгороду* в I Новгородской летописи, вместо правильного *поиде*) указывает А. И. Ефимов³.

На многократность как на основное значение интересующих нас форм указывали также Сарая и ван-Вейк. Сарая называют имперфект совершенных глаголов „*praeteritum consuetudinale perfectivum*“, т. е. „прошедшее совершенное обычного действия“⁴. Ван-Вейк продолжает традицию дифференцированного подхода к разным типам случаев, начатую Ульяновым и развитую дальше Гебауэром (и, отчасти, Сарая). В частности, ван-Вейк различает два типа случаев: а) случаи, в которых интересующая нас форма обозначает „повторяющиеся события, состоящие из отдельных актов, воспринимаемых как перфективные“ (см. формулировку Потебни „оконченность отдельных действий, составляющих ряд“), и б) случаи неправильного употребления, как выражается ван-Вейк, „просто вследствие притупления языкового чувства“⁵.

Против положения о том, что главным и преобладающим значением интересующих нас форм является значение многократности, „повторяемости“ действия, выступил Ф. Травничек⁶. В подтверждение своей точки зрения он ссылается главным образом на переводы соответствующих древнечешских примеров на современный чешский язык формами прошедшего времени глаголов совершенного вида (что, однако, вовсе еще не говорит против наличия в них многократного значения). К Травничеку присоединился Б. Гавранек⁷.

Авторы, писавшие о соответствующей форме современного болгарского языка, находили в ней значение многократности. Так трактует

¹ См. специальную статью Гебауэра „Bedeutung des altböhmisches Imperfekts“, *Archiv für slavische Philologie*, 25 (1903), стр. 341—354. Значение многократности Гебауэр отмечает (наряду со значением длительности действия) и для имперфекта несовершенных глаголов.

² См. W. Vondrák. *Vergleichende slavische Grammatik*, т. II. Геттинген, 1908, стр. 276.

³ См. А. И. Ефимов. К истории форм прошедшего времени русского глагола. — Ученые записки Пермского гос. пед. института, вып. 2. Пермь, 1937, стр. 104. Орфографию примера сохраняю такой, какой она дана у автора.

⁴ Chr. Sarauw. *Syntaktisches. Das perfektive Imperfekt im Altslavischen*. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 38 (1905), стр. 155 и сл. Назвав имперфект совершенных глаголов „прошедшем совершенном обычного действия“, Сарая сразу же оговаривается, что, собственно, эта форма служит не столько для выражения обычного действия (которое выражается „нормальным“ имперфектом несовершенных глаголов), сколько для выражения „действия от случая к случаю“ (*des gelegentlichen Vorgangs*). Обе формы, — т. е. имперфект несовершенных и имперфект совершенных глаголов, — противостоят друг другу, по мысли Сарая, „приблизительно так же, как в английском *he used to do it* и *he would do it*“.

⁵ N. van Wijk. Die sogenannten Verba iterativa und die Bezeichnung der wiederholten Handlung im Altkirchenslavischen. *Indogermanische Forschungen*, 45 (1927), стр. 100—104.

⁶ См. Fr. Trávníček. *Studie o českém vidu slovesném*. Прага, 1923, стр. 303 и 304.

⁷ См. B. Havránek. Ук. соч., стр. 227.

ее и Л. Андрейчин¹, который также добавляет, что различие между имперфектом несовершенных глаголов в значении многократного действия и имперфектом глаголов совершенного вида заключается в „большой выразительности“ последнего. Здесь же Андрейчин подчеркивает, что в современном болгарском языке имперфект глаголов совершенного вида употребляется преимущественно в придаточных предложениях, тогда как имперфект глаголов несовершенных свободно используется и в главных, с чем интересно сравнить приведенное выше замечание Ульянова.

Вот, собственно, все наиболее существенное, что было высказано по интересующему нас вопросу. Подводя итог, следует отметить два положительных момента во всей изложенной дискуссии. Во-первых, то, что в упомянутых статьях и работах оказался собранным довольно большой материал из древних славянских языков, в совокупности дающий довольно полную картину употребления интересующей нас формы. Во-вторых, положительным достижением следует считать то, что в работах Ульянова, Гебауэра, ван-Вейка и др. был намечен принцип дифференцированного подхода к разным типам случаев. Очевидно, по этому пути и должно пойти дальнейшее изучение имперфекта совершенных глаголов. Повидимому, в ходе такого изучения окажется неизбежным разграничение трех возможностей: 1) случаев, связанных с недостаточной дифференциированностью совершенного и несовершенного видов, когда глагольная основа, воспринимаемая нами, с точки зрения современного языка, как основа совершенного вида, образует форму имперфекта потому, что эта основа в действительности не стала еще в древнем языке основой совершенного вида; 2) случаев, связанных с упадком старых норм употребления, с разрушением общеславянской системы прошедших времен, когда основа совершенного вида образует форму имперфекта потому, что утрачено смысловое разграничение имперфекта и аориста, и 3) случаев, в которых вид глагольной основы ощущается четко и, тем не менее, форма имперфекта образуется для передачи какого-то специального, именно ей присущего оттенка значения. Разумеется, в этих случаях важно будет определить, какой именно оттенок передается интересующей нас формой в том или ином типе ее синтаксического употребления.

Теперь, не останавливаясь на отдельных частностях, укажем на один общий недостаток всех высказываний, делавшихся в связи с имперфектом совершенных глаголов в древних славянских языках. Этот общий недостаток заключается, по нашему мнению, в том, что авторы всех этих высказываний замыкались в материале одних древних славянских языков (нередко даже в материале какого-нибудь одного древнего языка) и совсем, или почти совсем, не привлекали богатейший материал того живого славянского языка, который имеет интересующую нас форму, т. е. болгарского. Между тем привлечение этого материала было бы в данном случае чрезвычайно важно и поучительно.

Дело в том, что, как известно, современный болгарский язык, с одной стороны, полностью сохранил общеславянскую систему прошедших времен с ее аористом и имперфектом, а, с другой стороны, не в меньшей мере, чем другие современные славянские языки, развил новую, вполне современную систему совершенного и несовершенного видов. Несомненно, что учет материалов современного болгарского языка мог бы разъяснить очень многое в древнем употреблении времен и

¹ См. Л. А н д р е й ч и н . Основна българска граматика. София, 1942, стр. 234 и сл. или русский перевод: Грамматика болгарского языка. М., 1949, стр. 170 и сл.

видов и уберечь исследователя от некоторых преждевременных выводов. В частности, существование имперфекта глаголов совершенного вида в современном живом болгарском языке наиболее наглядно опровергает все умозрительные домыслы о „принципиальной невозможности“ или „противоестественности“ подобной формы. Поступательное, шаг за шагом проведенное сравнение древнего употребления с употреблением современного болгарского языка позволило бы отделить в древнем употреблении то, что „вяжется“ с развитой современной системой вида, не составляя с ней какого-либо *contradictio in adjecto*, от того, что, действительно, „не вяжется“ с этой системой и, тем самым, одним фактом своего существования указывает на отличия древней, еще не полностью развившейся системы вида от системы современной.

Но материал болгарского языка не привлекался к рассмотрению ни где, за исключением работ по болгарской грамматике; только отдельные болгарские примеры, в качестве более или менее случайных иллюстраций, попадали изредка на страницы работ, так или иначе затрагивавших нашу тему применительно к древним славянским языкам, причем в этих работах подобные примеры играли, естественно, роль случайных параллелей, из которых не делалось каких-либо существенных выводов.

* * *

То, что случаи имперфекта совершенных глаголов, встречающиеся в древних памятниках ряда славянских языков, в большинстве своем уже собраны в указанных выше исследованиях Потебни, Ягича¹, Гебауэра, Травничка и других, существенно облегчило нашу работу и позволило в ряде случаев, не предпринимая сплошного обследования памятников, ограничиться выборочным обследованием или даже простой проверкой примеров по изданиям соответствующих текстов.

Детальному обследованию мы подвергли лишь следующие древние тексты:

старославянские — евангелие (по неоднократно уже упомянутому изданию Мариинского евангелия Ягича с учетом приводимых там разночтений) и Супрасльскую рукопись²;

древнерусские — Повесть временных лет по Лаврентьевскому и по Ипатьевскому спискам с учетом всех списков, привлекаемых в издании Лаврентьевской летописи Е. Ф. Карским³ и в издании Ипатьевской летописи А. А. Шахматовым⁴; Житие Феодосия⁵; Слово о полку Игореве⁶.

¹ Помимо послесловия к своему изданию Мариинского евангелия Ягич приводит некоторое количество древнерусских примеров в рецензии на „Лекции“ А. И. Соболевского (см. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 132 и сл.), впрочем, не указывая, что приводимые им формы имперфекта обозначены от основ совершенного вида.

² Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова, т. I. СПб., 1904.

³ Полное собрание Русских Летописей, издаваемое... археографической комиссией..., т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. I. Повесть временных лет. Изд. второе, Ленинград, 1926. — Сокращение при цитатах: ПВЛЛ (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку). Цифры указывают год и столбец этого издания.

⁴ Полное собрание Русских Летописей, изданное... археографическою комиссией, т. II. Ипатьевская летопись. Изд. второе, СПб., 1908. Сокращение при цитатах: ПВЛИ. Цифры указывают год и столбец этого издания.

⁵ Житие... Феодосия, изд. О. М. Бодянским (по списку XII в., принадлежавшему Московскому Успенскому собору). М., 1858. — Сокращение при цитатах: Ж. Ф.

⁶ Цифры при цитатах из Слова [СПИ] указывают страницу по изд. 1800 г.

Из памятников других славянских языков были подвергнуты сплошному обследованию Фрейзингенские отрывки¹ и некоторое количество современных болгарских текстов, в частности, произведения Ив. Вазова, Ал. Константинова, Й. Йовкова, Г. Караславова, Л. Стоянова, Ст. Даскалова, Кр. Григорова и др.²

Выборочному обследованию были подвергнуты Ипатьевская летопись за пределами Повести временных лет³, Киево-Печерский патерик⁴, I Новгородская летопись по Синодальному списку⁵, Псковская летопись⁶, Житие и сказание о Борисе и Глебе⁷, старочешские Životy sv. otcův в издании Сметанки⁸ и Градецкая рукопись⁹. Отдельные старочешские примеры привлекались из Александриды и из Хроники Далимилы¹⁰, а отдельные древнерусские примеры — из словаря Срезневского. Для хорватского, кроме примеров Ульянова и Ягича, мы воспользовались списком форм имперфекта, содержащимся в старой статье Валявца¹¹, привлекая по соответствующим изданиям необходимый контекст¹².

1 Dr V. Vondrák. Frisinské památky. Прага, 1896.

2 Использованы были следующие издания (в прямых скобках даются сокращенные обозначения при цитатах): Г. Белев. Иглата се счупи, 2-е изд. София, 1946 [ГБ]. — Иван Вазов. Под иого. М., 1950 [ПИ]; Митрофан и Дормидолски — в сб. рассказов Вазова. М., 1949 [МиД]. — Кр. Велков. Село Борово, 3-е изд. София, 1946 [КВ]. — М. Георгиев. Избрани разкази, т. II. София, 1943 (в частности, рассказы „С тебешир и с въглен“ [С тебешир], „Разкумил кума си“ [Разкумил]). — Кр. Григоров. Сеитба — в сб. „Рассказы современных болгарских писателей“. М., 1950 [Сеитба], Бонбоните на Ламбо, Търговия, Костадин Бусара — в журнале „Септември“, год. II, 7, 1950 [Ламбо, Търговия, Бусара]. — А. Гуляшки. Обещание — в журн. „Септември“, 2, 1949 [АГ]. — Ст. Даскалов. Двор. София, 1946 [при цитатах указывается название рассказа: Машината, Гнездо, Двор]. — Елин Пелин. Аз ти той. София, 1945 [ЕП]. — Й. Йовков. Старопланински легеди, изд-во Български писател, София, 1948 [Ст. Л.]; Ако можеха да говорят, изд-во Български писател, София, 1948 [Ако мож.]. — К. Калчев. В края на лято, София, 1945 [КК]. — Г. Караславов. Снаха, 3-е изд. София, 1945 [Снаха] Татул, М., 1952 [Татул]. — А. Константинов. Бай Ганю, Хемус. София, 1948 [Бай Г.]. — Л. Стоянов. Зазоряване. София, 1945 [ЛС].

3 По изданию А. А. Шахматова, см. сноска 4 на стр. 79. — Сокращение при цитатах: ИЛ. Цифры указывают год и столбец.

4 По изданию Д. Абрамовича: Киево-Печерский Патерик. Київ, 1930. — Сокращение при цитатах: КПП.

5 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.

6 По изданию А. Насонова. Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941 и М. Погодина, Псковская летопись. М., 1837.

7 Жития... Бориса и Глеба. Приготовила к печати Д. И. Абрамович. П., 1916.

8 Staročeské životy svatých otcův. K vydání upravil Emil Smetánka. Прага, 1909. Sbírka pramenů ku poznání literárního života v Čechách, na Moravě a v Slezsku, Sk. I, Rada I, C. 8. — Сокращенное обозначение: Otc. B (рукопись B, первой половины XV в., положенная в основу издания). Цифра указывает лист рукописи и страницу издания.

9 В изд. А. Патеры, Hradecký Rukopis, Прага 1881. Památky staré literatury české vydávané Maticí Českou. С. VIII. Цифры при цитатах указывают лист рукописи (в нумерации этого издания) и страницу.

10 Были использованы следующие издания: Александренда в изд. М. Гатталы и А. Патеры. Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Прага, 1881 [Alex. Цифры указывают страницу этого издания]. — Хроника Далимилы в издании В. Моурека, Kronika Dalimilova podle rukopisu Cambridgeského. Прага, 1892 [Dal. С. Цифры указывают лист рукописи] и в издании Иречека, Rýmovaná kronika česká tak řečeného Dalimila. Прага, 1878. Prameny dějin českých. Díl III, Sv. 1—3 [Dal J. Цифры указывают номер главы и страницу издания].

11 M. Valjavec. Imperfekat kako se tvori u staroj slovenštini i premanjoj u hrvatskini ili srboštini pak u kajkavštini. Rad jugoslavenske akademije. Kn. 51 (1880), стр. 55—139.

12 См. Starine: Knjiga I (Život sv. Jerolima), Knjiga III (Život Aleksandra Velikoga), Knjiga IV (Tondal) — и Stari pisci hrvatski: т. I (соч. Марко Марулича), т. II (соч. Ш. Менчетича), т. III (соч. М. Ветранича), т. VII (комедии Марина Држича).

Примеры, взятые из древних текстов, по возможности приводятся в том написании, в каком они даны в использованных изданиях и с сохранением тех же знаков препинания; однако в ряде случаев было признано целесообразным произвести некоторые упрощения. Так, в примерах из Супрасльской рукописи опущены приыхания, в древнерусских примерах буквы *ѧ* и *ѩ* повсюду заменены *я*, буква *ȝ* и сочетание *ѹ* — буквой *у*, *ѡ* — буквой *о* и т. д., надписные буквы внесены в строку и поставлены в скобки.

Примеры из современного болгарского языка приводятся в современной орфографии.

Не весь собранный материал (особенно — далеко не весь новоболгарский материал, которого очень много) приводится ниже в тексте статьи, хотя весь он учитывался в ходе исследования.

Что касается расположения материала, то казалось правильным разбить его по основным значениям имперфекта совершенных глаголов, а внутри этих больших групп — по языкам, причем старославянским языком, ввиду его относительной бедности интересующими нас примерами, в ряде случаев было неудобно открывать соответствующие разделы, а приходилось приводить его после тех древних славянских языков, в которых наша форма представлена обильнее, — т. е. после древнерусского и древнечешского. Некоторые более частные особенности в последовательности материала внутри отдельных глав будут оговорены попутно в ходе изложения.

II. КРАТНО-ПЕРФЕКТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМПЕРФЕКТА ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Отвлекаясь пока от некоторых более редких типов употребления, которые будут рассмотрены ниже, можно сказать, что почти во всех встретившихся древнерусских примерах форма имперфекта совершенного глагола обозначает многократно повторявшееся в прошлом действие, каждый отдельный акт которого достиг завершения, стал „готовым фактом“. Такое значение можно с полным правом назвать „кратно-перфективным“. Встречается оно как в придаточном, так и в главном предложении.

Существенно подчеркнуть, что форма имперфекта глагола совершенного вида всегда употребляется при этом не одна, а в паре с другой формой имперфекта совершенного или несовершенного глагола или в целой цепи таких форм. Именно специфическое соотношение во времени, которое устанавливается между членами такой пары или цепи, и определяет выбор в подобных случаях глаголов совершенного вида. Конкретно в рамках рассматриваемого значения могут быть выделены три типа синтаксического употребления имперфекта совершенных глаголов: 1) кратно-парный, в котором соотносительность двух (иногда — одного и нескольких) многократных действий выступает особенно ярко, будучи подчеркнутой и синтаксическими средствами; 2) кратно-цепной, в котором соотносительность между несколькими многократно повторяющимися действиями, составляющими цепь, ощущается слабее, не будучи специально подчеркнутой, но как бы подразумеваясь самой последовательностью этих действий и 3) кратно-пределный, в котором соотносительность заключается в том, что форма имперфекта совершенного глагола обозначает кратное действие, каждый отдельный акт которого составил предел для протекания другого действия.

Все три типа обнаруживают некоторые общие черты. Имея в виду эти общие черты, мы иногда будем объединять их под общим наименованием „кратно-соотносительные типы“. Но сначала рассмотрим каждый из этих типов в отдельности.

1. Кратно-парный тип

Обычно встречается в сложноподчиненном предложении, причем формы имперфекта совершенного глагола могут стоять и в главном, и в придаточном предложении, и в обоих предложениях сразу. Начнем с примеров, в которых глагол совершенного вида употреблен в обеих половинах формулы.

Парадигматическими примерами этого типа могут служить следующие два примера из Повести временных лет:

Такъ же бѣ и другыи бра(m). именемъ Еремия... Сему бѣ дарь дарованъ о(m) ба. проповѣдаше преди будущая... аще... что речаше. ли добро ли зло. сбуждяшется старче слово (ПВЛЛ, 6582, 190) — „если... что говорил, хорошее или плохое, — сбывалось слово старца“.

Се же паки творяше люде(m) своимъ по вся недѣля. устави на дворѣ въ гридиницѣ пиръ творити... бываше мно(ж)ство о(m) мясъ. о(m) скота и о(m) звѣрины. бяше по изобилию о(m) всего. Егда же подъпъяхутся, начиняхуть роптати на князь, глюще... (ПВЛЛ, 6504, 126) — „а когда подвыпьют, начинали роптать на князя, говоря...“

Каково же значение интересующих нас форм — *речаше, сбуждяшется, подъпъяхутся, начиняхуть?*

Прежде всего отметим, что мы, действительно, имеем здесь дело с кратностью (итеративностью): предсказания Еремии постоянно сбывались; неоднократно случалось так, что гости перепивались и начинали бранить князя. Однако, если мы ограничимся общим указанием на кратность (итеративность), мы еще не раскроем всей сложности значения приведенных форм. Существенным моментом в каждом рассматриваемом примере является именно наличие в нем двух соотносительных друг с другом, взаимно связанных действий, причем оба действия связаны строгой последовательностью во времени: каждый акт первого действия (например, опьянения) предшествует каждому акту второго (началу брани) и становится „готовым фактом“ к моменту наступления каждого акта второго действия. Речь при этом идет не о частном случае, не о единичном соотношении двух событий (скажем, кто-то подвыпил один раз и стал браниться), а о соотношении, которое мыслится как повторявшееся систематически. Иными словами, кратность здесь как бы „вынесена за скобку“, оба действия являются кратными, но не каждое действие само по себе, а оба действия — в строгой взаимной последовательности и связи друг с другом, в „паре“, в „цикле“. Это может быть приблизительно выражено формулой $(a + b) \times n$, где **a** — первое действие, **b** — второе действие, а **n** — некоторое точно не указываемое количество „крат“. Формула выражает здесь кратность пары действий как таковой, повторяемость всего „цикла“, состоящего из двух взаимно связанных действий.

Аналогичны приведенным и следующие древнерусские примеры:

С союзом *аще* и относительным местоимением:

И обиходя подлѣ бра(m)ю взимая из лона лѣпокъ вержаше на кого любо. аще прилинише кому цвѣтокъ в поющихъ о(m) братья мало постоявъ... изидяше ис цркви, шедъ в кѣлью и уснинше, и не възвратяшется в цркви до о(m)пѣтия (ПВЛЛ, 6582, 190). Здесь во

втором члене „цикла“ не одно, а три последовательных действия: если цветок прилипал, то соответствующий монах выходил из церкви, засыпал у себя в келье и не возвращался до конца богослужения.

В лѣ(т) 6600. Предивно бы(с) Полотьскѣ въ мечтѣ ны бываше въ ноши тутънъ станяше по улицы яко члвчи рищающе бѣси. аще кто вылѣзяше ис хоромини. хотя видѣти. абые узвенѣ будиша¹ невидимо о(т) бѣсовъ язвою и с того умираху (ПВЛЛ, 6600, 214) — „если кто выходил из дома, желая увидеть, он тотчас бывал невидимо ранен бесами“.

Аще къто о(т) стааго стада раслабѣль бѣ срдцъмъ, о(т)идяше о(т) манастыря, тоже блаженыи ею ради въ величѣ печали и скрѣби будиша (Ж.Ф., 19).

Ср. еще: ...аще рѣдяшеть дѣтищъ. которыи ѿи любъ бываше [в ХП: бяше], дашеть, се твое дѣтя (ИЛ, 6622, 278).

Аналогично, но с причастием вместо личной формы глагола в придаточном предложении: аще коли хотѧщо ему опочинути, то сѣдъ на столѣ, и тако мало посыпавъ, въстаниша пакы на нощное пѣниe, и поклонение колѣномъ творя (Ж. Ф., 11).

С егда же:

И на заутреню входя прежде всѣ(x) стояше крѣпко и неподвижимо. егда же приспѣяше зима. и мрази лютии. станяше въ правошня(x) въ черевья(x) въ протоптаны(x). яко примерзняшета нозѣ его къ камени (ПВЛЛ, 6582, 195). В данном примере соотношение во времени между действиями носит более сложный характер: повторяемость действий, выраженных формами *стояше* и *примерзняшета*, обладает большей частотой, чем повторяемость первого действия, выраженного формой *приспѣяше*.

Отметим, что в древнерусских памятниках нередко встречается точно такая же конструкция, но с глаголами несовершенного вида в одной половине или в обеих половинах формулы. Ср. в продолжении приведенного выше примера из ПВЛЛ, 6582, 190 — параллельное употребление имперфектов одного и другого типов:

...аще ли вержаше на другаго. и не прилنجаше к нему цвѣтокъ, стояше крѣпо(к) въ пѣни. дондеже о(т)пояху утренюю. и тогда изидяше въ кѣлю свою (Там же), где несовершенные по характеру основы *вержаше* и *стояше* параллельны совершенным по характеру основам *прилنجаше* и *изидяше* (о форме отпояху речь будет ниже).

Ср. еще: начать... пещи проскуры и продаяти, и еже аще прибудяше ему къ цѣнѣ, то дадяше нищимъ, цѣною же пакы купяще жито, и своима рукама измѣль, пакы проскуры творяше (Ж. Ф., 3⁶); егда хотяше побѣхати къ бѣженцу, тѣгда распустяше вся боляры въ домы своя, нѣ тѣкмо съ шестио, или съ пятио, отрокъ приходяше къ нему (Там же, 12⁶); Имѣяше же обычай... обиходити... келих... егда бо услышааше кого млтву творяща, ти тѣгда ставъ, прославяше о немъ ба, егда же ли пакы кого слышааше бесѣдующа, дѣва ли, или трие съшедъшеся въкупѣ, ...ударивъ... въ дѣри... о(т)хожааше (Там же, 11⁶).

Возможны, как сказано, формы имперфекта несовершенного глагола и в обеих половинах конструкции: аще которыи братъ въ етеро пре-грѣшенье впадаше. утѣшаху (ПВЛЛ, 6582, 188); Боянъ бо вѣщий, аще кому хотяще [в Екатерининской копии хотяше, т. е. хотяще]

¹ *Будяше* — имперфект от *будетъ* — должен рассматриваться здесь, судя по всему контексту, как имперфект глагола совершенного вида. Весьма вероятно, но не обязательно такое же понимание формы *будяше* и в следующем примере (Ж. Ф., 19).

пѣснъ творити, то растѣкашется мыслю по древу (СПИ, 3); и егда о(m)хожаше о(m) него, тѣгда блженыи, въшедъ въ пещеру, молящеся бу... (Ж. Ф., 6°).

Возникает естественный вопрос: можно ли установить какую-либо смысловую разницу между одним и другим типами глаголов в таком употреблении?

Во многих случаях такая разница, повидимому, имеется. Ср.: *аще* *которыи братъ умышляше или* [в Ипатьевской летописи: *мысяше изытии*] *из монастыря и [Еремия] узряше и пришедъ к нему обличаше мысль его и утѣшаše брата* (ПВЛЛ, 6582, 190). Несовершенные по характеру основы формы *умышляше* Лаврентьевской и *мысяше* Ипатьевской летописи обозначают, повидимому, действие, обладающее известной длительностью: „если какой-нибудь брат помышлял об уходе из монастыря“ (вынашивал эти мысли в течение некоторого времени). В противоположность этому форма *узряше*, образованная от глагола совершенного вида, говорит о действии моментальном, „перфективном“, о моменте, в который Еремия замечал подобные настроения, уже давно существовавшие у данного монаха.

Чтобы передать это различие видового значения первого и второго глагола, мы должны были бы перевести на современный язык конструкцией *бывало с формой настоящего времени*: „бывало, умышляет какой-нибудь монах бежать из монастыря, а он заметит это и обличит его“. (Последние две формы — *обличаше* и *утѣшаše* могут равным образом относиться и к *обличити*, *утѣшити* и к *обличати*, *утѣшати*).

Аналогично: *бѣ бо и тѣлъмъ крѣпъка и сильна, яко же и мужъ, аще бо кто и не видѣвъ ея, ти слыщааше ю бесѣдующу, то начиняше мѣнѣти мужа ю суща* (Ж. Ф., 2°); *якоже слыщааше тутънъ, умѣлънѧше, творяся, еже мнѣти оному, яко сѣпить* (Там же, 16°). И здесь имперфект несовершенного глагола обозначает действие, которое мыслится как длительное (*слыщааше*), а имперфект глагола совершенного вида — действие, представляющее собою „скакок“, переход к чему-то новому (*начиняше мѣнѣти, умѣлънѧше*).

В других случаях имперфект совершенного глагола обозначает действие, завершение которого предшествует внутри „цикла“ другому действию, выраженному имперфектом несовершенного глагола, и составляет предпосылку и условие этого второго действия; имперфект несовершенного глагола обозначает в этих примерах длительное состояние, установленвшееся на основе завершения первого действия.

Например: *тогда пущашет ·ї· соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣснъ [вм. пѣснъ] пояше* (СПИ, 3). Форма *дотечаше* обозначает момент настигания лебеди — соколом, касаньем струны — пальцами, форма *пояше* — длительную песнь лебеди, звучание струны.

Аналогично: *аще братъ етеръ выидяше из монастыря, вся бра(m)я имяху о томъ печаль велику* (ПВЛЛ, 6582, 188) — „если, бывало, уйдет какой-нибудь монах из монастыря (момент, „скакок“), то все монахи имели печаль, печалились“ (длительное состояние); *аще кто умряше, творяху трызно надъ нимъ* (ПВЛЛ, вводная часть, 14) — „если кто, бывало, умрет (момент, „скакок“), то пировали на поминках“ (процесс, требующий известного времени); *аще ли будяше нужное орудье то оконцемъ малы(m) бесѣдоваше*. в суботу ли в недѣлю (ПВЛЛ, 6582, 185); *Воишель же ... нача проливати крови много*. *убишащеть бо на всякъ днъ по три по четыри*. *которого же дни не убъяшеть кого печаловашеть тогда*. коли же убъяшеть кого, тогда

весель бящеть (Ил., 6770, 858); *егда же въздрѣмаашеся, тъгда же съсѣдъ и текъ, идяше въскраи коня* (Ж. Ф., 15).

Ср. еще: *Не всегда вода та иудѣляше, нъ егда ю ангелъ възмутяше* (Кир. Тур., Сл. о расслабл., цитир. по словарю Срезневского, I, 363)— „не всегда вода та исцеляла, но (лишь) когда ее возмутит ангел“.

Как выражающие длительное действие следует понимать в приведенных выше примерах формы *стояху* (ПВЛЛ, 190), *хотяше* (Ж. Ф., 12⁶ и СПИ, 3), *моляшеся* (Ж. Ф., 6⁶) и, вероятно, *утѣшаху*¹ (ПВЛЛ, 188). Однако в тех же предложениях такие, образованные от несовершенных глаголов формы, как *вержаше* (ПВЛЛ, 190), *впадаше* (Там же, 188), *растѣкашется* (СПИ, 3), *отхожаше* (Ж. Ф., 11⁶), *прихожаше* (Там же, 12⁶), очевидно, не могут быть объяснены так и требуют какого-то другого толкования.

Повидимому, наряду с рассмотренными сейчас примерами, в которых совершенные и несовершенные основы выступают в формах имперфекта в двух различных видовых значениях, имеются и такие, где по существу различия видовых значений нет, как нет его в современных русских переводах этих примеров формами прошедшего несовершенного: „если кто-нибудь умирал, пировали на поминках“ (в отличие от переводов фразальным настоящим: „бывало, если умрет, то пируют“). Как и в современном переводе посредством прошедшего времени, в этих случаях несовершенная форма ставится вместо совершенной, а не наоборот: *умираше* вместо *умряше*, как *умирал* вместо *умрет*. Так, в приведенном выше примере из вводной части Повести временных лет (14) Радзивиловский (конец XV в.) и Академический список (XV в.) действительно имеют *аще кто умираше* вместо *умряше* Лаврентьевского списка (1377 г.) и *умрѧщеть* сгоревшего Троицкого списка (XIV—XV вв.). Учет вариантов наглядно показывает, что в более поздних списках происходит широкая замена форм имперфекта от основ совершенного вида „обычными“ формами имперфекта от основ несовершенных. Почти для всех приведенных по Лаврентьевскому списку Повести временных лет примеров типа *аще что речаше, сбудяшется* можно указать на такие замены в Радзивиловском, Академическом, Троицком, Хлебниковском (XVI в.) и Погодинском (начало XVII в.), в меньшей мере также в Ипатьевском списке (начало XV в.). Иногда возникают контаминированные формы.

Так, в первом нашем примере (6582, 190) форма *речаше* сохранена всеми списками, но вместо *сбудяшется* списки РАИХП имеют *зывашеться, сбывашеться, събывашеся*. Во втором нашем примере (6504, 126) списки ХП имеют *исчиняху* (повидимому, контаминация старого *начиняху* и призванного его заменить *начинаху*). В следующем примере (6582, 190) форма *прилняше* Лаврентьевского (и *прилпяше*—описка вместо *прилняше?*—Ипатьевского) списка заменена в ХП контаминированной формой *прилипляше* (*прилняше + прилипаше*)²; форма *изидяше* (Л)—формами *исходяше* (И) или *исходжаше* (РАХП); *усняше* (Л)—даже с изменением смысла—формами *спаше* (ИХП), *спааше* (А), *спяше* (Р). В данном случае первоначальному списку точнее соответствовала бы замена посредством какого-нибудь **усыпаše*=современному *засыпал*, которого, однако, не находим в списках. Последний имперфект того же примера—*не възвратяшется*—заменен в РА посредством *не възращашеся*, т. е. тоже обычной формой имперфекта

¹ Впрочем, *утѣшаху* может быть имперфектом и от *утѣшити*, совершенного вида.

² О замене в РА см. ниже.

несовершенного глагола. В продолжении этого примера снова встречаем в параллельных списках уже знакомое нам (*не*) *прилипляше* (в ХП) и *идяше* (в И) вместо *изидяше* Лаврентьевского списка. В примере ПВЛЛ, 6600, 214 списки РА имеют *вылазываще* вместо *вылѣзяще* ЛИ; И имеет *бяше*, а ХП *бываше* вместо *будяше* Л (о замене второго глагола в РА — ниже). В примере 6582, 195 вместо *станяше* в других списках имеем *стояше* (РАИХП) — также с изменением смысла (вместо „*становился*“ — „*стоял*“). В следующем несколько ниже нашем примере 6582, 188 вместо *видяше* Лаврентьевского списка мы имеем в Ипатьевском *вънъ идяше*, то есть снова форму несовершенного вида (в ХП *въ ини идяше манастырь*).

Ср. еще следующие примеры подобных замен из Повести временных лет:

... и насилье творяху женамъ Дулѣльскимъ. *аш(е) поѣхати будяше* [так в Л, ИРА: *бяше*] *Обѣрину*, не *дадяше* [так в ЛИ; РА *не даваше*; Троицкий список, начала XV или конца XIV в.: *не даяше*] *въпрячи коня, ни вола, но веляше* [списки РА имеют *повеляше*, но это не есть плод какой-либо сознательной замены одной формы другой, а простая описка вместо *но веляше*] *въпрячи ·г· ли ·Д· ли ·e· ли жень в телѣгу*. и *повести Обѣрѣна*. тако *му(ч)аху Дулѣбы* (вводная часть, слаб. 12). ... и *бы(c)* сѣча силна. яко посвѣтѧше молонъя [список Р имеет *яко блисташа* (вместо *блесташе*) *молынья*], блещ(а)шеться оружье (6532, 148).

Аще кто коли принесяше дѣтищъ боленъ, кацѣмъ любо недуго(m) одержи(m), принесяху [ИХП: *приношаху*] *в манастырь...* (6582, 189); ... *аще кого видяше в помышлены, обличаше и втаинѣ и наказаше* [в РА: *наказываше*] *блостися о(m) дьявола* (ПВЛЛ, 6582, 190); *аще кого видяше ли шюмна, ли в кое(m) эазорѣ не осудяше* [РАИХП: *не осужаше*] *но вся на любовь прекладаше* (ПВЛЛ, 6605, 264).

Таким образом, отчетливо обнаруживается тенденция: формы имперфекта от совершенных основ Лаврентьевского списка заменяются в других более поздних списках формами имперфекта от несовершенных основ. Эта тенденция не является твердым правилом: даже и в более поздних списках отдельные формы имперфекта от совершенных основ остаются незамененными, как уже и в Лаврентьевском списке есть, как мы видели, примеры, вроде *аще ли вержаше* (6582, 190) или *аще... впадаше* (Там же, 188), где стоит глагол несовершенного вида, тогда как мог бы стоять более характерный в этих конструкциях для языка Лаврентьевского списка совершенный глагол. Очевидно, процесс замены, прослеженный нами сейчас путем сравнения списков, начинается еще до того момента, когда был закончен Лаврентьевский список, т. е. еще до 1377 г.

Надо вместе с тем отметить, что рассмотренная сейчас замена — не единственная. Уже приводившиеся выше переводы ряда наших древнерусских примеров на современный язык посредством формы настоящего времени, и именно настоящего времени глаголов совершенного вида („*бывало, умрет кто-нибудь*“), подсказывают вопрос, не было ли возможно уже в древний период подобное употребление форм настоящего времени и, соответственно, подобная замена интересующих нас конструкций с имперфектом конструкциями с формами настоящего времени.

Материал подсказывает, что такое употребление существовало и такая замена была возможна. При этом обычно речь могла идти именно о настоящем времени глаголов совершенного вида, но иногда и о на-

стоящем глаголов несовершенных. В дальнейшем замена имперфекта в „кратно-парном типе“ формами настоящего времени становится все более распространенной. Можно думать, что именно эта замена и соответствовала в наибольшей мере живому древнерусскому языку.

Приведем примеры „кратно-парного типа“ с настоящим временем (обоих видов) из древнерусских памятников.

Так, в Ипатьевском списке Повести временных лет: ...*аще братъ. етеръ. вънъ идяше из манастыря. и вся братья имаху о томъ печаль велику. и посылаютъ по нь приводяху брата къ манастырю. и шедше вси покланяхуся ишумену. и умолять ишумена, и приимаху в манастырь брата с радостью.* (ПВЛИ, 6582, 179). [Лаврентьевский список имеет вместо первой формы настоящего времени форму *посылаючи*, вместо второй — имперфект *моляху*]. С точки зрения нашего современного языкового чувства, приведенный отрывок производит впечатление полной неразберихи в употреблении времен, полного хаоса, и возникает искушение прибегнуть к обычному в подобных случаях объяснению этого хаоса „порчей текста“. Но вряд ли это стоит делать. Здесь перед нами переходная ступень, наглядно отразившая постепенное рождение нового и постепенное отмирание старого качества, здесь отложилась начавшаяся, но еще не прошедшая последовательно замена старого способа выражения более новым.

Ср. также в Слове о полку Игореве: *Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Полоцукыя* (СПИ, 13).

Приведенный выше пример из ПВЛЛ, 6600, 124 тоже дает в двух списках — Радзивиловском и Академическом — наряду с рассмотренной выше заменой имперфектом несовершенного глагола в первом члене формулы замену настоящим совершенного вида во втором, вместо *кто вылезъяше, уязвенъ будяще* в этих списках читается: *аще кто вылезающе ис хоромины, хотя видѣти, абые уязвенъ будеть... и с того умираху.* Ср. также близкое место в I Новгородской летописи: *Наиде рана на Полочаны, яко нѣкако бяше ходити уличамъ, яко мнѣти в[о]и мнѣостьво, а конемъ [копытыа] видѣти; да аще кто из ыстыбы вылезетъ* [в Академическом списке: *вылезающе*] *напрасно убъенъ бышае невидимо* (6600, 18).

Также в приведенном выше примере из Повести временных лет, 6582, 185 вместо *аще ли будяше* Лаврентьевского списка А дает *аще будеть нужное орудье*, а в примере ПВЛЛ, 6582, 190 вместо *аще прилиняше* Лаврентьевского списка Р и А имеют *аще прилине к кому лепокъ.*

Вот еще один характерный пример, в котором представлены обе замены старого способа выражения — и посредством настоящего времени глагола совершенного вида и посредством имперфекта несовершенного глагола (начало этого примера уже было процитировано выше):

Аще кто умряше [РА: умираше] творяху трывно надъ нимъ. и по семь т(в)оряху кладу велику и възложахуть [А: возложать, И: възложить] и на кладу мртвца. сожжаху [И: съжигаху, РА: сожигаху, Т: съжигахаху]. и посемь собравше кости. вложаху [РА: влагаху] в судину малу и поставяху на столпъ на путе(x) еже творять Вятычи и нынѣ (ПВЛЛ, вводная часть, 14).

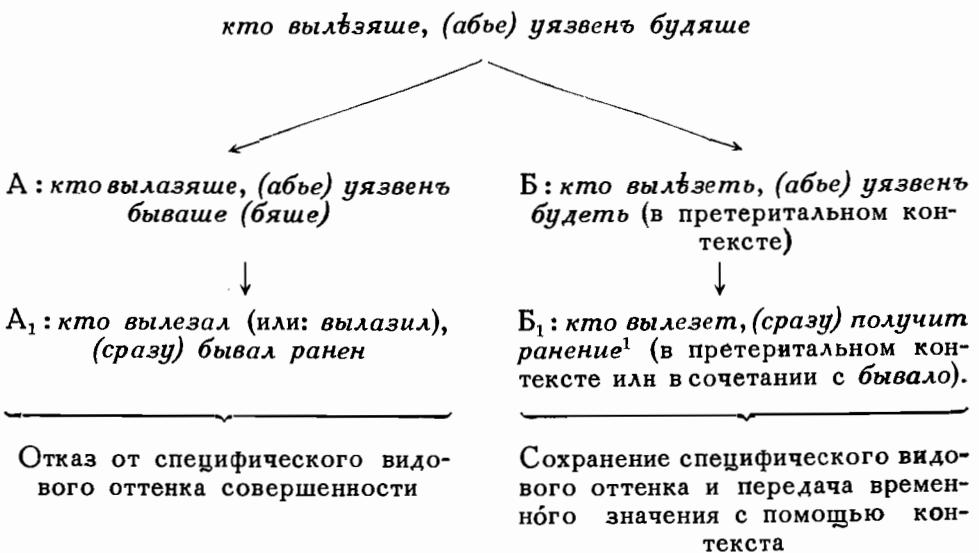
В текстах более позднего происхождения уже систематически проводится современный способ выражения — настоящее время глаголов совершенного и, в меньшей мере, несовершенного видов. Ср., например, в Псковской летописи:

Бяше бо тогда знамение смертное сице: аще кто отхранет кровью, то на другыи день или на 3-и умирает (Архивский 1-й список конца XVI в., под 1352 г., стр. 21, в изд. Насонова); ... *а приставы их начаша от поруки имати по 10 рублев и по 7 рублев и по 5 рублев; и псковитин хто молвит великого князя грамотою, а написано, что имъ от поруки имати, и они того ублюют* (список Оболенского первой половины XVII в., под 1510 г., стр. 96, в изд. Насонова; в продолжении Погодинского 1-го списка второй половины XVI в. вместо *ублюют* читается *убили*, см. там же; в Архивском 2-м списке середины XVII в., как в списке Оболенского, см. в изд. Погодина под 1509 г. на стр. 180).

Князь же Великій посылаше къ нимъ Князей своихъ по ихъ прошению: коего восхотятъ, того и пошлетъ; а иногда посылаше Намѣстники своя во Псковъ по своей воли, коего восхощетъ, не по ихъ воли, а оижъ насилоаху и грабяху (Архивский 2-й список середины XVII в., в изд. Погодина под 1508 г., стр. 174).

В приведенных сейчас примерах, как и в современном языке, общий претеритальный контекст, в котором стоят подчеркнутые формы настоящего времени, недвусмысленно указывает, что речь идет именно о прошлом.

Подытоживая сказанное, мы могли бы изобразить постепенное развитие средств выражения рассматриваемого значения в виде следующей схемы:

Кроме двух „чистых“ типов (А—А₁ и Б—Б₁), показанных в схеме, используются, как мы видели, и смешанные конструкции.

¹ ...*будет ранен* в данном случае тоже возможно, но не так обычно; это, очевидно, связано с тем, что форма *буду* вообще занимает несколько обособленное положение в системе соотносительных форм совершенного и несовершенного видов и, кроме того, в несколько большей степени ассоциируется со значением будущего времени, чем формы так называемого „настоящего-будущего“ других глаголов.

2. Кратно-цепной тип

Этот тип по существу чрезвычайно близок к рассмотренному сейчас кратно-парному типу, хотя и представлен значительно меньшим числом примеров. Разница между обоими типами заключается лишь в том, что в кратно-цепном типе соотносительность между действиями не подчеркнута, она как бы лишь подразумевается самой последовательностью этих действий, причем и самих действий оказывается не два, не пара, а — принципиально — неограниченное количество, ряд, „цепь“. Как мы видели, и в предыдущем типе встречались примеры с более чем двумя действиями, но, несмотря на это, вся конструкция в целом сохраняла там четкую двухчленную структуру, здесь же мы имеем внутренне-однородную, принципиально неограниченную цепь. Кратно-цепной тип обычно реализуется в паратактическом соединении независимых предложений или в слитном предложении. Возможно здесь и сложноподчиненное предложение, но иного типа, чем те, с которыми мы встречались выше.

Классическим примером кратно-цепного типа может служить следующий:

...и посе(m) научи [ся — дополн. по РА] на тряпезницю ходити, и посажашеть и кромѣ бра(t)и. положаху пред ни(m) хлѣбъ. и не възмѧше его. но ли вложити в р(у)цѣ ему (ПВЛЛ, 6582, 194) — „...потом он научился ходить в столовую и сажали его (и, бывало, посадят его) отдельно от братии, клали (бывало, положат) перед ним хлеб, и не брал (и, бывало, не возьмет) его, если не положить ему в руки“. Внутри цепи каждое предшествующее действие завершается прежде, чем наступает следующее. Вся цепь в целом повторяется неопределенное число раз, что может быть представлено в виде формулы $(a + b + c \dots) \times n$.

Аналогично и в следующих примерах:

оводу сущу многу и комаромъ въ ноши, излѣзъ надъ пещеру и обнаживъ тѣло свое до пояса, сядяше, прядыи вѣлну... отъ множества же овада и комара все тѣло его покръвено будяше, и ядяху плѣть его о немъ, пиюще кръвь его, оць же нашъ пребываще неподвижимъ (Ж. Ф., 96). В данном случае мы имеем правильное чередование форм имперфекта совершенного и несовершенного видов: с одной стороны, „наступление нового“ — сядяше (от сяду), покръвено будяше, с другой — длительные действия — ядяху, пребываще.

В других случаях, как и в некоторых рассмотренных выше примерах, мы встречаемся с частичным использованием имперфекта несовершенных глаголов вместо совершенных:

и по зутрени идяше въ поварницию, и приготоваше [испр. по РАИ и в согласии с ХП вместо приготововаша Лаврентьевского списка] огнь. воду. дрова. и придяху прочии повари о(t) братъ (ПВЛЛ, 6582, 195); многажды бо бѣси пакости дѣяху ему. и глху нашъ еси... он же глаше вашъ старѣшана антихрестъ есть. а вы бѣси есте. знаменаше лице свое кр(c)тнымъ образо(m). и тако ищезняху (Там же, 196—197); и не брежаше въ цркви ходити. нужею привлечахуть и к цркви (Там же, 194); и тѣль жито купяху, и се раздѣляхуть, да къждо въ ноши свою часть измеляшеть на състроение хлѣбомъ (Ж. Ф., 96).

Разумеется, более поздние списки дают в рассматриваемом сейчас кратно-цепном типе примеры замен имперфекта глаголов совершенного вида „обычным“ имперфектом, т. е. образованным от несовершенных основ. Так, в первом нашем примере (ПВЛЛ, 194) списки РИХП имеют

не взимаше, список А — не возвымаше; в примере ПВЛЛ, 195 списки РАИХП имеют приходяху; в примере ПВЛЛ, 196—197 списки ХП имеют исчезаху. Наряду с этим в принципе возможна и другая замена, которую мы наблюдали выше, — замена формами настоящего времени, преимущественно совершенного вида. О возможности такого употребления говорит в Повести временных лет известное описание мытья в русской бане, вкладываемое в уста Андрею Первозванному: *видѣхъ бани древены. и пережьгутъ е рамяно. совлокутся и будут нази. и облѣются квасомъ уснинамъ(мы) и возмутъ на ся прутое младое. бывать ся сами [И: и начнутъ хвостатись]. и т(о)го ся добьютъ. едва слѣзутъ [испр. по Т] ли живи. и облѣются водою студеною. тако оживутъ [испр. по ТРА]. и то творять по вся дни* (ПВЛЛ, вводная часть, 8). Впрочем, описанная процедура не отнесена только к прошедшему времени.

3. Кратно-пределный тип

Представленный небольшим количеством примеров, кратно-пределный тип, тем не менее, повидимому, является очень характерным типом употребления имперфекта совершенных глаголов. В этом типе ярко выступает специфическое кратно-перфективное значение интересующей нас формы. Кратно-пределный тип — это употребление имперфекта в придаточных предложениях временного предела, вводимых посредством *донъдже* — „пока не“.

Придаточные предложения с *донъдже* обычно имеют глагол в форме аориста, а именно — в тех случаях, когда речь идет об однократном, разовом действии, например: *Въ едину бо нощъ вжегъ пещъ въ стобуѣ у пещеры, яко разгорѣся пещъ, бѣ бо утла. и нача палати пламень утилизнами, оному же нѣчимъ заложити, вступль ногама босыма. ста на пламени. донъдже изгорѣ пещъ [и] излѣзе* (ПВЛЛ, 6582, 196). Глагольная форма в придаточном предложении с *донъдже* обозначает то событие, наступление которого и составляет предел, последнюю точку для процесса, выраженного глаголом главного предложения, или, как в нашем примере, — для процесса, состояния, вытекающего из смысла глагола главного предложения (*ста*). Вполне естественно, что обычно этот предел, эта точка во времени выражается формами аориста (притом — „обычного“ аориста, образованного от основ совершенного вида). Однако, если бы в нашем примере действие произошло бы не один раз („въ едину нощ“), а повторялось бы несколько раз, если бы герой этого эпизода каждый раз становился „босым ногама“ на горящую печь и стоял бы на племени, пока печь не догорала, то помимо „внутреннего“ отношения между *донъдже изгорѣ пещъ* и предшествующим состоянием появилась бы необходимость явственно обозначить кратную повторяемость всего „цикла“. В этих-то случаях и выступает имперфект совершенных глаголов.

Приведем примеры:

И на заутреню входя прежде всѣхъ, стояше крѣпло и неподвижимо... въ черевьяхъ въ протоптаныахъ, яко примерзняшета нозѣ его г камени, и не движаше ногама [РА: не двигнящеся, И: не движняше] дондже о(т)пояжу заутреню (ПВЛЛ, 6582, 195); *аще ли вержаше на другаго. и не приляняше к нему цвѣтокъ. стояше крѣпо(к) въ пѣни. дондже о(т)пояжу утренюю* (Там же, 190).

Несколько примеров из Жития Феодосия:

...вся съ радостию приходящая приимаше, нъ не ту аbie постригаше его, нѣ повелѣваше ему въ своеи одежи ходити, дондже

изыкнише въ устрои монастырьский (л. 10⁶); *идяше въ скраи коня, дондеже утрудяшеся, ти тако пакы на конь въсядяше* (л. 15); и тако же по въся дъни прѣбываше плача и моля ба его ради, дондеже братъ тъ възвратяшеся въспять (л. 19); *пребываше неподвижъ, ни въстая о(т) мѣста того, дондеже годъ будяше утрнини, и тако прежде всѣхъ обрѣташеся въ цркви* (л. 9⁶); *Оцъ же нашъ Феодосии бѣаше сице запретилъ вратарю, да по отъѣдении обѣда не о(т)врѣзаетъ вратъ никому же... дондеже будяше годъ вечернини* (л. 12⁶); и... пакы дѣлааху ручное свое дѣло, другоици же въ оградѣ копахутъ, землинааго ради растенія, дондеже будяше годъ бжестви-нууму словословию, и тако въси въкупѣ съшедъшеся въ цркви, пѣния часомъ творяахутъ (л. 9⁶).

Все рассмотренные примеры кратно-предельного типа и другие подобные могут быть обобщены в формуле (...а) × n, где многоточие обозначает действие главного предложения, дѣящееся до предела а, до наступления события, выраженного интересующей нас формой, причем вся ситуация повторяется неопределенное число крат ($\times n$).

* * *

Таковы, вкратце, три основных типа синтаксического употребления имперфекта совершенных глаголов, встречающиеся в древнерусских памятниках. Как видим, несмотря на различия в частностях, все три типа имеют много общего, что и позволяет нам объединить их вместе под общим именем „кратно-соотносительные типы“. Общие черты их могут быть сведены к следующим: а) во всех трех типах имперфект, образованный от основ совершенного вида, имеет значение повторяющагося кратного действия; б) во всех трех типах действие, выраженное формой имперфекта, оказывается более тесно (в 1-м и 3-м типах) или менее тесно (во 2-м типе) связано с другим действием, причем это другое действие или эти другие действия также оказываются кратными; повторяется весь цикл, вся цепь, вся ситуация; в) внутренние отношения между связанными действиями внутри цикла, внутри цепи, внутри этой ситуации остаются без изменения в процессе повторения всего цикла, всей цепи, всей ситуации; внутренние отношения эти при употреблении глаголов совершенного вида таковы, что для одного из действий, или даже ряда их, или для всех требуется совершенный вид.

Именно сочетание 1) кратности, обусловленной типичностью для какого-то отрезка времени всей ситуации, и 2) совершенности, обусловленной внутренним отношением действий внутри каждого отдельного цикла, и диктует выбор интересующей нас формы, формы имперфекта, образованной от основы совершенного видового значения. Этим и определяется как общее специфическое значение формы, так и ее конкретные оттенки, всплывающие в трех основных типах ее возможных контекстов — в кратно-соотносительном, кратно-цепном и кратно-предельном.

То, что в древнерусском литературном языке имперфект совершенных глаголов оказывается нестойким образованием, образованием, оттесняемым и замещаемым другими формами, еще не говорит об отсутствии у него своего специфического значения, поскольку анализ примеров показывает, что такое специфическое значение у него было. Более того — сама замена, наличие двух разных замен свидетельствует о специфическом двойственном значении замещаемой формы. Каждая

из двух замен соответствует одной стороне имперфекта совершенных глаголов.

При замене „совершенного имперфекта“ несовершенным, например, при замене конструкции типа *кто вылѣзаше, уязвенъ будяше* конструкцией типа *кто вылазяще, уязвенъ бываше* и затем современной *кто вылезал (вылезил), бывал ранен* грамматически отступают на задний план внутренние отношения между действиями, составляющими данный цикл. Повидимому, эти внутренние отношения либо достаточно ясны, так как выражаются лексическим значением самих глаголов и сопровождающих их слов, входящих в такую конструкцию, и потому не нуждаются в особом подчеркивании грамматической формой (*когда кто-либо умирал, пировали на поминках*; ясно, что поминки происходят после наступления смерти), либо эти связи несущественны (*когда вылезал, бывал ранен* — в процессе вылезания или сразу после того как вылез и когда уже был снаружи — не играет роли). Однако в иных случаях, особенно если наличествует потребность более наглядного и чувственно-яркого изображения такого же соотношения событий, изображения их как бы на конкретном единичном примере — используется второй способ замены, посредством формы настоящего времени. При этом способе внутренние отношения действия в каждом из повторяющихся „циклах“ выступают вполне отчетливо, что и передается использованием то совершенных, то несовершенных глаголов. Зато в этом случае повторность всей цепи и отнесенность ее в прошлое нуждаются в особом выражении. Они и выражаются — отнесенность в прошлое словом *бывало* или окружающим претеритальным контекстом, итеративность — тем же словом *бывало* или самим фактом употребления форм настоящего времени в значении прошедшего времени, в сочетании с обязательной парностью конструкции (в современном языке, как и в древнем, наличие минимум двух соотнесенных действий в рамках конструкции совершенно необходимо)¹.

Иными словами, при замене старой конструкции современными приходилось жертвовать либо совершенным видом, либо прошедшим временем. Жертва временем была бы, однако, невозможной, если бы не помогал претеритальный контекст. Когда же такого контекста не было, приходилось добавлять *бывало*, которого в древний период в такой функции мы еще не встречаем.

III. КРАТНО-ПЕРФЕКТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМПЕРФЕКТА ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ДРУГИХ ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Употребление имперфекта совершенных глаголов в памятниках древнечешской письменности во многом аналогично тому, которое мы наблюдали в памятниках древнерусских. И здесь основная масса примеров приходится на долю кратно-перфективного значения. И здесь

¹ Это отмечал еще около ста лет назад И. В. Киреевский в письме к К. С. Аксакову, написанном по поводу брошюры последнего „О русских глаголах“. Киреевский писал: „Вы не можете сказать: *бывало, я подойду к его двери*, и этим кончить. Вам непременно надобно прибавить другой глагол, с которым глагол *подойду* будет взаимно относиться: *я подойду, он отворит* и тому подобное. Следовательно, такого рода будущие... выражают только порядок, в котором одно действие относится к другому“. И выше: „Если бы это было не ряд действий, или, по крайней мере, не два действия, взаимно относящиеся одно к другому, а только одно действие, то хотя бы оно и повторялось несколько раз, но вы не могли бы выразить его формою будущего, когда оно совершалось в прошедшем“ (Полное собрание сочинений И. В. Киреевского, т. I. М., 1861, стр. 106 первой paginationи). Ср. также В. В. Виноградов. Ук. соч., стр. 577—578.

в рамках этого значения могут быть выделены три типа синтаксического употребления интересующей нас формы.

1. Наиболее широко, как и в древнерусском, представлен кратнопарный тип. Привожу сначала материал прозаических текстов, начиная с примеров, в которых имперфект совершенных глаголов представлен и в главном и в придаточном предложении: A chleb gedno w nedielu przigimasse, z nebes gemu poſlany, Neb kdyz z ſwych modliteb wſtaňieſſe, Naleznieſſe chleb polozeny, gehoz czlowiek zadny neprzinojujeſſe. (Otc. B., 25^a, 61)—„А хлеб он вкушал только по воскресеньям, посланный ему с небес, потому что, когда вставал (когда, бывало, встанет) от своих молитв, находил положенный хлеб, которого никакой человек не приносил“. Аналогично: kteřiž se kolivěk dotkniechu, spaseni budiechu (отрывок ев. от Матфея 2-й половины XIV в., 14, 36)=quicumque tetigerunt (fimbriam vestimenti eius), salvi facti sunt. В латинском оригинале значение однократное: „те, которые прикоснулись—исцелились“ (так же в греческом и старославянском текстах, имеющих здесь аористы), в чешском тексте — значение многократности в специфическом сплении двух соотносительных действий, т. е. кратнопарный тип: „которые прикоснутся — исцелялись“; ... bieše dána pořád za sedm mužov, a kterého s ní položiechu, toho črt Asmodeus udávieše (Олом. библ. 1417 г., Tob. 3, 8); ktožkoli přijdieše oběti obětovat, přiběhnieshe pacholik (Там же, 1 Reg., 2, 13)=quicumque immolasset, veniebat puer; když koli zlý duch nadlapieše Saula, David vzhudieše (Там же, 1 Reg., 16, 23)=quandounque spiritus malus arripiebat Saul, David tollebat citheram et percutiebat eam; kdež koli vejdieše Ptolomeus do kterého města, vždy postavieše stráže v každém městě (отрывок библии XV в., I March., 11, 3)=cum introiret..., ponebat...; když kokota pějic uslyšieše, tak inked zaplakáše (Лег. о Христе, XIV в., 97").

Рядом, как и в древнерусском, стоят примеры, в которых имеем в главном или в придаточном предложении (иногда — в обоих) имперфект глагола несовершенного вида, что объясняется либо характером самих соответствующих действий (или их соотношением во времени), либо — как результат замены имперфекта совершенного глагола — имперфектом глагола несовершенного, подобно тому, как мы наблюдаем это в древнерусских памятниках.

Первая возможность (имперфективный характер самих действий и, главное, временного соотношения между ними) может быть проиллюстрирована такими примерами, как A take to do nieho prawiechu, ze, kdyzto w nosu na puſſt gdieſſe, Zwierz diwoka gei prowodieſſe (Otc. B., 31^a, 74) — оба действия каждый раз протекали одновременно, параллельно: каждый раз он шел, а зверь его сопровождал¹; A ſam, kdyzto na puſſti prziebywaffe, Bylínku a korzeniczko giedaffe (Там же, 32^a, 76) — первое действие является длительным, причем каждое отдельное его проявление (каждое отдельное пребывание „в пустыне“) оказывалось одновременным рядом проявлений второго действия, т. е. не по формуле $(a+b) \times n$, а по формуле $(a=b+b+b+b+\dots) \times n$, где знак = выражает одновременность действия a и ряда действий $b+b+\dots$. Ср. еще: Opat pawel... miegieſſe tu milost od boha, Ze wſſiecky starcye, gesſto do kostela chodiechu, opatrowaffe A po gich oblicziegi wſſiech myſſlenie, lecz dobre lecz zle, poznaffe (Otc. B., 88^b, 202). Здесь opatrowaffe обозначает длительное действие: игумен Павел рассматривал

¹ Разумеется имперфект несовершенных глаголов найдем и в случаях одновременности двух однократных действий (т. е. в конструкции, не относящейся к кратно-парному типу, хотя внешне совпадающей с ним, напр.: když Josef snímáše tělo, Maria stáše čakajúci, Anselmus, 9, пример цитирую по статье Гебауэра, стр. 351).

монахов, — имперфект глагола несовершенного вида; в противоположность этому *roznaſſe* — имперфект глагола совершенного вида — обозначает момент „наступления нового“, момент, когда игумен по лицу каждого отдельного монаха узнавал его скрытые мысли.

Вторая возможность — употребление „обычного“ имперфекта, так сказать, в порядке замены имперфекта совершенного глагола, например: *A kdyz budieſſe k tomu czaſu, kazda wes ſwemv bliſniemv kláſteru ku przigietij ſwatych radoſtnie gim ztrawicy dawachu* (Otc. B., 162^a, 355); *Acz vzrzieſſe zlodiegie, biezieſſe ſnym* (Žalt. Wittenb., 49, 18, стр. 64)¹. В обоих приведенных сейчас примерах имперфект несовершенного глагола употреблен в главном предложении. В иных, кажется, менее частых случаях мы находим его, наоборот, в придаточном: *Kolikrát koli to začináchu* (петь „Ave Maria“), *tolikrát sě jiej veſken sbor nebeský poklonyeſſe* (Pass. Nitr., 2^a).

Ср. также следующие примеры, содержащие имперфекты глаголов совершенного и несовершенного видов: *Když Mojžieš zdvihnieſe rucē, tehdy ostávaſe a přemáháſe lid israelicky* (Ráj duſe Альберта Великого, XIV в., 59^b) — здесь несовершенный вид в главном предложении может быть связан с потребностью выразить „конативное“, „неокончательное“ значение: не „победили“, а „побеждали“, т. е. имели тенденцию победить, начинали брать верх в ходе боя. *Když sě ona uliznieſe, on sě zasmějieſe, a když sě ona pošmúrieſe na ň, líſáſe o niej* (Олом. библ., 3 Esdr., 4, 31); *A tak weliku milostij biechu naplňeni, Ze, kdyz ſye ſendiechu do kostela ſluzit bohu, Gich rucho y gich vmiſl tak ſye przekraſnie ſtkwieſſe, Ze yako andielſcij kuorowe w chwale bozie bydlechu* (Otc. B., 33^a, 79).

Далее, рядом с примерами, содержащими имперфект, стоят аналогичные примеры, содержащие в главном или придаточном предложении (а иногда — и в том и в другом) формы перфекта, и в частности, — в отличие от древнерусского языка, — и перфект совершенного глагола. Привожу примеры:

С перфектом несовершенных глаголов: *Atak kolikrat ſie tam gyty pokusieſſe, tolikrat ſie gemu wzdi tez przyhodylo* (Pass., 341); *A take czaſto, kamz koli gitи chtyel, tu mzenie oka budieſſe* (Otc. B., 26^b, 65, в рукописи А вариант: *przygdieſſe*); *A wodu, kdyzto naleznieſſe, tehdy pil* (Там же, 32^a, 76).

С перфектом совершенных глаголов: (герой рассказа у церковных дверей) *žebře seděl*. А соž jemu mimo potřebu almužny oſtanyeſſe, to vše jiným chudým rozdal (Pass. Klem. 130^a, 2); *kterýž nemocný najprvě sě u vodu utekl, ten uzdraven budieſe* (Лег. о Христе, XIV в., 64^a); *A kdyz budieſſe ta chwile, kdyzto czas pogieſti, Ynhed to wſſecko, coz geſt koli zadal, hotovo nalezl* (Otc. B., 29^a, 70).

Ср. еще: *A nikdy ge drziewe pokrma nebral, Ani w hody ani w nemocy, geliz ſlvnce weczer zaſſlo* (Там же, 156^b, 344) — в главном перфект несовершенного глагола с отрицанием, в придаточном — перфект совершенного глагола.

Наконец, пример с перфектом страдательного залога: *w ten czas ſe wſſiech ſtran lidye pobiehu, a kterzyz ho nemocný dotknuechu ſlepi, chromi, malomoczny ty ynhed uzdraweny byli* (Pass., 327).

Древнечешские памятники, представленные несколькими списками, дают возможность проследить самый ход замены более старой кон-

¹ Допускаю, что форма *biezieſſe* может иметь здесь и совершенное видовое значение (ср. русское *бежать*, изредка выступающее в совершенном видовом значении, напр.: *неприятель дронул и бежал*). Однако Сметанка в своем словаре к Životy sv. otcův отмечает для *běžeti* только несовершенный вид (стр. 486).

струкции — имперфекта совершенных глаголов — более новыми конструкциями — имперфектом несовершенных глаголов, а затем — perfectum глаголов того и другого (но чаще — совершенного) вида. Так, в нашем первом примере (Otc. B., 25^a, 61) вместо *wſtanieſſe* списка В (первая половина XV в.) более поздний список С (1480 г.) имеет *wſtawafſſe*, а список Е, обнаруживающий наибольшее количество новшеств¹, — форму перфекта совершенного глагола *wſtal*; вместо *naleznieſſe* в списке D (1485) читаем *nalezaſſe*, в списке С *nalezl ḡt* (т. е. *nalezl jest*), в списке Е — *nalezl*, т. е. снова перфект совершенного глагола. Между тем формам *przigmaffe* и *perprzinoſyueſſe* списка В, т. е. формам имперфекта несовершенных глаголов, в списке Е отвечают формы перфекта тоже несовершенных глаголов — *przigmalf* и *perprzinaſſiel*. Подобным же образом и для примера Otc. B., 31^a, 74 с его имперфектами несовершенных глаголов *gdieſſe* и *prowodieſſe* список Е дает соответствие в виде *ſſel* и *prowazela*, для примера Otc. B., 32^a, 76 — *prziebywal* и *gedl*, для примера 88^b, 202 — *opatrowal* и *poznał*. Таким образом, вместо имперфекта несовершенного глагола систематически появляется перфект несовершенного же глагола, а вместо имперфекта совершенного глагола — перфект совершенного глагола.

В примере Otc. B., 162^a, 355 для имперфекта *budieſſe* снова имеем двоякую замену — *bywaffe* (список С) и *bylo* (список Е), в примере Otc. B., 33^a, 79 для имперфекта *ſye ſendiechu* — „бывало, сойдется“ — соответственно *ſchaziechu ſie* (С) и *ſye ſeſſly* (Е), т. е. опять появляется перфект совершенного глагола. В примере Otc. B., 26^b, 65 вместо *budieſſe* списка В и *przygdieſſe* списка А более поздние списки имеют снова перфект совершенного глагола — *przifſel gest* (С) и *przifſiel* (Е). В следующем примере (Там же 32^a, 76) *naleznieſſe* списка В заменено в списке Е формой *nalezl*, зато вместо *rīl* списка В список А сохраняет более старое (как можно думать) *riſſe*.

Предпоследний приведенный выше пример из *Životy sv. otcův* (29^a, 70) имеет следующие варианты: вместо *budieſſe* — *bywaffe* (С) и *byla* (Е), и, наряду с *nalezl*, в списке С имперфект несовершенного глагола *miegieſſe*, а в списке А перфект *gmiel*. Последний пример (156^b, 344) уже и в списке В имеет перфекты, сохраненные и другими списками (в А и С вместо *zafflo* — *zanyklo*).

Для большей наглядности приведем еще некоторые дополнительные примеры: А *kdyz toho* (имеется в виде хлеб) *pochwale boha przigmieſſe* (так в списке В, в списке С — *przigmaffe*, в списке Е — *przigal*), Tu *miegieſſe* (в списке Е, в порядке общей замены имперфекта перфектом, *gmiel*) *na tom doſti az do druhe nediele* (Otc. B., 25^a, 61). *Biſſe geden mnich zahradník*. А *ten wſſe*, *coz dobu dieſſe*, *to pro buoh rozdadiſſe* (Там же, 131^b, 291). В других рукописях имеем *dobywaffe* (С), *dobyl* (Е), *jest dobul* (sic!) (D); *rozdal* (DE), *rozdelyl* (A) и — в списке С — омонимическое *rozdieleſſe* (= *rozděléſe* от совершенного *rozdělit* или *rozdieleſe* от несовершенного *rozdileti*).

Пример из другого памятника — из чешского перевода *Historia Scholastica* Петра Коместора: *dwa ſtromy bieſſta*, *geden Slunczie a druhi Miesiecie*. *Jakz brzo Slunczie wynyknuęſſe* (так в списке С, 1404 г.; в списке К, второй половины XV в., *wynikaffe*) а *ſwymy poſſkamy wrchow ſtromowich dotknyeſſe*, *wefſken ſtrom ſie zatrzieſieſſe*, *a kdz kto w tu dobu o czemzkolywiek otazaſſe*, *ynhed hlas ſliſſiechu* (в данном случае, в порядке исключения, более поздний список

¹ См. предисловие Сметанки к его изданию, стр. XIV.

К сохраняет форму совершенного вида *vflyſſiechu*), kteru odpowied dawasse (л. 11^a, 2, в изд. Novák'a, стр. 34).

В целом, отвлекаясь от отдельных исключений, можно сформулировать общее правило: формы имперфекта совершенного глагола имеют тенденцию заменяться в более поздних списках того же памятника либо имперфектом несовершенных глаголов, либо перфектом, и притом, как правило, перфектом совершенных глаголов.

Первая замена в точности соответствует тому, что мы наблюдали уже в древнерусском, сравнивая между собой списки Повести временных лет. Вторая замена требует специального рассмотрения. В самом факте замены имперфекта перфектом нет, разумеется, ничего удивительного. Такая замена вполне понятна и естественна, поскольку в чешском языке простые прошедшие времена (и, в первую очередь, именно имперфект) вообще начинают в XV в. постепенно выходить из употребления, вытесняясь перфектом. Таким образом, замена имперфекта перфектом касается не только рассматриваемого нами типа конструкций, но носит более общий характер: в списке Otc. Е большинство имперфектов, независимо от конструкции и вида, уже заменено перфектами. Та же общая закономерность действовала в русском языке, что, применительно к интересующей нас конструкции, отражено в формуле замены: *аще кто вылѣзаше, уязвень будяше > аще кто вылезаше, уязвень бываше* — если кто вылезал, получал ранение. Но своеобразным для чешского языка, в сравнении с русским, и даже прямо „странным“ для русского языкового чувства является факт замены имперфекта совершенных глаголов перфектом совершенного же глагола (т. е. как бы по формуле „если вышел, получил ранение“, что по-русски не имеет значения повторительного).

Употребление в чешском языке в качестве второй замены для интересующего нас типа именно перфекта совершенных глаголов связано, повидимому, с широкой возможностью употребления в чешском языке старого перфекта, ныне прошедшего на -I, образованного от основ совершенного вида, для выражения многократного действия, чего, в таких пределах, не находим в русском. Конечно, и в русском языке прошедшее на -A от глаголов совершенного вида в определенных случаях может выражать многократное действие (он несколько раз обернулся), но подобное употребление строго ограничено известными рамками: нельзя сказать „он часто обернулся“ или „всякий раз, когда он обернулся...“ и т. п. — везде здесь мы вынуждены будем прибегнуть к форме несовершенного вида. В чешском же языке подобное употребление старого перфекта от глаголов совершенного вида в значении многократного действия встречается¹. Повидимому, эта особенность и проявилась уже в древнечешском в заменах имперфекта совершенных глаголов формами перфекта от тех же основ. В свете таких современных примеров, как *když* (*kdykoli*) *jsem ho uviděl*, (*po každe*) *vspomněl jsem si...* (Гавранек. Ук. статья, стр. 229), этот тип замены разъясняется как специфическая особенность чешского языка в отличие от русского, который в тех случаях, когда бывает желательно сохранить вид глагола, прибегает, как мы видели, к иной замене — к настоящему времени глаголов совершенного вида. В принципе замена настоящим временем, вероятно, была возможна и в чешском, но на практике она нам не встретилась², и это, конечно, не случайно: именно широкое

¹ Оно имеет место и в польском. Ср., в частности, польские примеры, собранные Потебней в IV томе „Из записок по русской грамматике“, стр. 105—106.

² Сопоставляя, как это делал и Ульянов (см. выше стр. 75), имперфект совершенных глаголов с настоящим временем совершенных глаголов, Гавранек в указанной

распространение замены посредством перфекта совершенных глаголов делало ее ненужной.

Интересно, что мы даже находим в чешском языке, правда, единичный пример как бы „обратной замены“ — замены настоящего времени глагола совершенного вида (во „вневременном“ или, лучше, „всевременном“ значении абстрактного настоящего) имперфектом совершенного глагола: *kdiz zli duch winidiesse ot cslowieka chodi po miestie suchem hledagie pocogie a nenalezne* (отрывок из евангелия второй четверти XIV в., изданный Флайшгансом, стр. 144) = *Cum autem immundus spiritus exierit [в Мар. ев. 14:1] ab homine, ambulat per loca arida, quaerens requiem, et non invenit [Мар. ев. наст. вр. несов. гл. не обрѣтааетъ],* Мф. 12, 43.

Таким образом, мы имеем здесь дело с примером, в котором имперфект не обозначает прошедшего времени и в котором кратно-перфективное значение интересующей нас формы проявляется, в отличие от всех других примеров этого значения, не в плане прошедшего. Этот „вневременной“ или „всевременный“ характер данной формы сближает ее с некоторыми случаями модального употребления имперфекта, о котором уже говорилось выше и подробнее говорится ниже, в V главе.

Переходим к стихотворным текстам старочешского языка. Они дают в общем ту же картину употребления имперфекта совершенных глаголов в кратно-парном типе, что и тексты прозаические. Приведем несколько примеров:

Имперфект совершенных глаголов в главном и в придаточном предложении: ... *Uhři knězě Přemysla nikdě žnezbichu. / Kam sěj edno orbátiechu, / vesde Přemysla uzřiechu* (Dal. J., 88, 185); *kdyz pivo uzřieše, / na vodu oka neprodřieše* (Mastičkář, сер. XIV в., 294); *ti* (волосы героини, подвергающей себя бичеванию) *sé chvějiechu po jejie plecí, / a kdež ti bičové meci, / mezi ně sé zapletiechu, / tu jě is pltí vytrhniechu, / pak... jdúce zasé / ostaniechu jí u mase* (Лег. о Катерине, ок. 1400 г., стих 2368 и сл.); *kohož sochorem dosiehnieše, / toho velmi urazieše* (Баворовская рукопись 1472 г., 276).

Примеры, отражающие начавшийся процесс замены имперфекта совершенных глаголов имперфектом глаголов несовершенного вида: *Ti liudie velmi věrní biechu, / vše sbožie obecno jmějiechu; / komu sě co nedostanieše, / u druhu jako své vezmieše*, — так в рукописях S, Z, J (см. Dal. J., 2, 8); в списке С вместо *vezmieše* стоит *gmyegiesse* (см. Dal. C., 6^а), т. е. имперфект несовершенного глагола; *Sed y ſta na gedny horzye / obezrzye tu wlaſt ot morzie / potom ſye wzemy obraty, / pocze myesta ſhledowaty / a kam ſye koly obratyſye / tu na wſye strany / wydyejye* (Alex., стр. 17, стих 685). Аналогично, с имперфектом совершенного глагола в придаточном и имперфектом несовершенного в главном предложениях, также в следующих примерах: *Po králiu syn jeho Soběšlav knězem bieše / ten, kteréhož Němcě uzřieše, / k sobě přivesti kázáše / a nos*

статье ссылается на следующее место из старочешской Александриды: *Gest ta* [легендарная река] *toho obyczegye ze kdyz ſlunce z hory ſ pyegye. / Tak ſye gegye woda wzwarzy / Jakz horky ukrop tak parzy. / Jakz ſlunce vpolodne wzmyceny / Tak ſye ta woda promeny / Tak lyute bude studena, / Jakz to ledu nakladena* (стих 2201 и сл., в изд. М. Гаттала и А. Паттери 1881 г. на стр. 53). Параллель между имперфектом и настоящим временем глаголов совершенного вида, как мы неоднократно уже видели, в общем вполне оправдана. Однако данный отрывок не может рассматриваться в плане замены имперфекта *презентом* по формуле *аще кто вылѣзяше, уязвенъ будѧше > аще кто вылѣзетъ, уязвенъ будетъ*, так как здесь действие целиком перенесено в план настоящего: описывают общие, „вневременные“ свойства легендарной реки, а не ее свойства, обычные в рамках какого-то прошедшего отрезка времени. На это ясно указывает, в частности, форма *geſt* в начале отрывка.

jem uřezáše (Dal. J., 67, 139). Tehdy giezu druhe i trzeti gich [воинов, пришедших схватить его] otaza [кто им нужен] / wtom ſwu mocs nadným pokaza: / jakz knym brrzo promlувіſſe, / tak kazdy gych nazemi letieſſe (Градецкая рукопись, 82^a, в изд. Патеры стр. 230—231); Neb tak uſtawil bieſſe, / ze, kdyz ktera porodieſſe / Syna prwienczye prweho, / Gmiesſe wyplatiti geho/Berankem acz gmiesſe ſbozye (Там же, 70^a, в изд. Патеры стр. 196—197). И здесь же рядом встречаем другой пример, с имперфектом несовершенного глагола как в главном, так и в придаточном предложениях, что, скорее всего, связано с более обобщенным и как бы „комментирующим“ характером данного высказывания, так сказать, не претендующего на наглядность: Tak [т. е. жертвуя вместо барабана двух голубей или двух горлиц] prwienczye wyplaczyechu (от vypláceti несовершенного вида)/Tu genz beranka neymiegiechu (Там же).

Наконец, и в стихотворных текстах встречаем второй старочешский тип замены имперфекта совершенных глаголов — замену посредством перфекта. В частности, уже в Хронике Далимила: Pakli ſe kdy ſtaſla která sváda, / u ſtařejšíeho budieſe rada (Dal. J., 2, 8), причем форме budieſe списков V, J, L, S в списке Z соответствует форма bieſe, а в списке C — перфект byla (Dal. C., 6^b).

2. Значительно реже, чем кратно-парный тип, представлен в древнечешских текстах кратно-цепной тип. Таким образом, и здесь наблюдается примерно такое же соотношение обоих типов, которое было отмечено выше для древнерусского. Иногда кратно-цепной тип возникает как контекстуальное продолжение кратно-парного типа, например, после приведенных выше (см. стр. 95) слов Bieſſe geden mnich zahradnik. A ten wſſe, coz dobudieſſe, to pro buoh rozdadiſſe непосредственно следует: gedine to oſtawieſſe, czim by mohl ſam ziw byti (Otc. B., 131^b, 291). В других случаях он встречается самостоятельно, вне контекстуальной связи с кратно-парным типом. Для экономии места и для наглядности, приводя примеры, я буду сразу же указывать и на замены в позднейших списках, когда таковые имеются.

Прозаические памятники:

Starzec geden... miegieſſe vczednika welmi ſſlechetneho. A miegieſſe ten starzec tonto obycziei, Ze na wſſaky wecer vczieſſe geho, coz bieſſe duſſi na vzitek. A potom modlitwy vczinieſſta a po modlitwach odpuſtieſſe geho ſpat. Y ſta ſye pak... etc. (Otc. B., 132^b, 293). В списках D интересующие нас формы заменены формами перфекта совершенных глаголов — vczinili gſu и odpuſtil, в списке E — формой перфекта совершенного глагола vczynili и формой перфекта несовершенного глагола odpuſſiel (инфinitив odruſtēti, соврем. odrouštēti). В списках A и C читаем odpuſſieſſe, что, вероятно, надо понимать как форму несовершенного глагола (ſ ſs обычно = ſ, тогда как ſ ſs обычно = ſ). Все другие имперфекты, имеющиеся в приведенном отрывке, заменены в списках D и E формами перфекта, разумеется, несовершенных глаголов.

Neb kandydatus cyeſarzvow Constantynow... byl diablem popadě. A ten gei w nocy k tomv przipvdieſſe (в списке E: przipudil), ze zplakaffe (AC: wzplakaffe, E: wzplakal) a znarziekaſſe (A: wznarziekaſſe, C: narziekaſſe, E: narziekal), ſjkrzipie zuby (Там же, 160^b, 352).

A tē cznieſſe welike diwy, Az gei za proroka miegiechu. Na wſſaky den przigdieſſe (C: prziſſlo ģt, E: przhazelo) k ſtemu nemocnych welmi mnoho, k nimzto nemocnym gedine ruku wyſkyta z vokencye, a kazdemu na lawu (т. е. hlawu, как в сп. ACDE) wlozieſſe (в сп. E: wlozie, т. е. причастие) a pozehnaffe (в сп. E: pozehnal) A vzdrawie gie, domvow gim (в сп. ACE правильнее: gytí) kazaffe (Там же, 30^b, 73).

Take (ACE: Take często) *swaty mucyus nylu, ragjku rzeku, prziecho-*
diesse (здесь уже в списке В несовершенный вид в отличие от *przidieße* в только что приведенном примере; в списке Е: *przechodil*),
A woda gemu ledwa budiesse (A: *bieße*, C: *bywasse*, E: *byla*) do kolenu
(Там же, 26^b, 65).

Примеры из других прозаических памятников: [писарь и епископ] zečtiesta peniezě, ješto nalezniešta (Олом. библ., 4 Reg., 12, 10)=numerabant, quae inveniebantur; otdad yu na kazdi den sedmkrat andyely pod nebeſſa wznaſſyechu... Otdad yu opiet andyeli w gegie prziebytek wſkalu przymiesiechu. W ti czasi yeden knyez... otdad nedaleko peleſſ ſobie vczynyl. A kdiz tu ten puſtennyk bydlesſe, zziewil to gemu hoſpodynez na kazdi den widasſe kdiz andyeli swatu marzy mandalenu pod nebeſa nosiechu; kdi-li ſie ſ ny wratyechu (Pass., 341).

Примеры из стихотворной Хроники Далимила: [чехи] dřieve na vojnu jdúce své země nehubiechu, / mezi nepřátele mečem dosti dobudiechu; / pak, dřeve než na nepřátele vyndiechu, / až svú zemi zhubechu. / V tom tehdy dobrě činiechu, / že zádušněho nepleniechu; / potom některé vlaďcīe ctiechu, / ale zádušně pusto položiechu, / a když (переход в кратнопарный тип) na vojně med vypiechu, beze cti sě vždy vrátiechu. / Dřeve ve třech dnech na vojnu vstaniechu, / tehdy ve čtvrti léta na vojnu zapovědiechu... (Dal. J., 79, 167—168); Sirotcie, vdovy k němu voláchu, / vdovy se dcerami před ním klekáchu, / on to vida, prýc pojdieše, / pánu některému súd rukú poručeše (вариант: pokynieše). / Ti páni tak sirotky súdiechu, / jich dědiny sobě přisúdiechu (Там же, 95, 202). К последним двум формам есть вариант с аористами súdichu — přisúdichu, что, повидимому, неудачно, так как нарушает смысл рассказа: речь ведь идет здесь о типичных повторявшихся действиях князя Вацлава и его приближенных.

3. Кратно-предельный тип встречается редко. Он имеет тот же характер, что и соответствующий тип в древнерусском: A toho swateho Antonie widieli ſmy wzdy na modlitbach prziebywat, Ze czastokrat rziekaſſe pro weliku milost na modlitbach, az ſlunce z hory puogdieſſe, a rzka: ... (Otc. B., 129^a, 286). Замены те же, что и в предыдущих типах: в списке С: gdieſſe, в списке D: poſſlo, в списке Е: ſſlo.

Повидимому, сюда не относится пример из Оломоуцкой библии: patřiechu na Mojžiešě, donyadz nevejdieše do stanu (Ex., 33, 8=donec ingredetur)¹, так как общий контекст показывает, что речь здесь идет о событии, имевшем место один раз. Употребление в этом случае формы имперфекта связано, как предполагает Гебауэр, с наличием отрицания (см. ниже, в главе V).

* * *

В памятниках старославянского языка, который, как уже отмечалось, вообще значительно реже пользуется имперфектом совершенных глаголов, чем языки древнерусский и древнечешский, кратноперфективное значение интересующей нас формы встречаем лишь в небольшом числе примеров, представленных главным образом в кратнопарном типе.

Примеры эти следующие: *море обличааше сѧ лихо съи къ страстемъ, і чкъ слѣпъ прѣходааше тварь, емъже сѧ оутѣкнааше, кланвааше сѧ емоу, ба не могъ обрѣсти* (Клоц., строка 582) — периттѣ ұлактса прօс тò

¹ Цитирую по словарю Гебауера.

πάθος ἡλέγχετο, καὶ ἀνθρώπος τυφλόττων πειθῆ γε τὸν κτίσιν, καὶ τὸ προσπίπτον φύλαφῶν προσεκύνει, θεὸν εὐρεῖν οὐ δυνάμενος; мы бы сейчас сказали „на что натыкался (на что, бывало, наткнется), тому и поклонялся“.

Братиша не възбоимъ сѧ, кѣда бо въ ратехъ обрѣтахомъ сѧ. и помолахомъ ба. то помагааше намъ и оделѣваахомъ. и въси побѣгаахъ. и мы юдини м. посрѣду ихъ обращахомъ сѧ (Супр., 72, 26) — здесь общий контекст соответствует тому, что понимается под кратно-парным типом: и главное предложение и временное придаточное с *егда* содержат формы имперфекта, наличествует здесь и значение повторяемости всей цепи („каждый раз, когда мы бывали в бою, мы побеждали врагов“); и все же бросается в глаза изолированность и как бы случайность формы *обращахомъ сѧ* на фоне преобладающих форм „обычного“ имперфекта.

В этом же месте несколько ниже: *молѣ васъ. помолимъ оубо акы въ инж нынѣ ба. и не имѣть къ намъ прикснѣти сѧ мъсти и мжкъи. ни жэбы. не высеїда ли кѣда начынѣхомъ сѧ брати. илагаахомъ фал'моса сего... и нынѣт того руцѣмъ фал'моса. и оуслѣшишь насть и поможетъ намъ* (Там же, 73, 9), — „не всегда ли, когда мы начинали сражаться (когда, бывало, пойдем в бой), мы произносили этот псалом“.

Сниде ангельскыи владыка въ юрданскыи воды. и свативъ водьнонѣ кѣстство въсѧ въселенїи исѹвлилъ. сего ради. тамо оубо. иже сnidѣша по пръвѣмъ. оуже не иѹвляше (Там же, 496, 16).

Возможно, сюда же относится и следующее место: *аште прошаще кто отъ ништиихъ нѣчко дати себѣ. то аште сѧ сълоучааше [возможно, от сълоучити сѧ, совершенного вида, или же от сълоучати сѧ, несовершенного вида] не имѣти юмоу ничъсоже дати юмоу. то котыгъ съвлѣкъ съ себе дадѣаше ништоуому* (Там же, 207, 15); форма *дадѣаше*, впрочем, могла бы объясняться и иначе — в связи с колебаниями видового значения основы *дад-* (см. ниже, стр. 125).

К приведенным примерам из Супрасльской рукописи можно было бы добавить вполне аналогичные, взятые из Изборника 1073 г. Правда, эти последние могли бы быть отнесены и за счет русского переписчика древнеболгарского текста, но такое предположение необязательно. Естественнее предположить, что имперфекты совершенного вида имелись уже и в протографе. Примеры эти следующие: *Да кѣда оубо хоташе сватитель въпрашати ба о кои либо рѣчи, привазаше [возможно, от несовершенного привазатъ, привазати, но, может быть, и от совершенного приважъ, приважати] к[ефудъ] на рамыници посреду прысии, и подъложаше роузѣ подъ не и испростъраше сѧ на дланіи акы дѣска* (л. 120). Форма *испростъраше сѧ* — явно русская; стоит она вместо *испростърѣаше сѧ* или вместо *испростирааше сѧ* болгарского протографа, мы, конечно, не знаем, но первая возможность представляется все же более естественной. Далее, в том же месте: *аште боудаше... годѣ въпросъ... свѣтомъ блискаашесѧ; аште боудаше богоу годѣ въпросъ, тоу абие въсигаше адамасъ; аште ли хоташе богъ на мечь прѣдати люди, боудаше крѣвавъ* (л. 120 об.).

С примерами древнерусского и старочешского кратно-цепного типа может быть сопоставлен пример из Супрасльской рукописи: *бѣ инъгда и въ жидохъ кѣпѣль водьна... сънидѣша тамо рече ангель и възмѣштааше [может быть, от совершенного възмѣтити, но скорее от несовершенного възмѣтати] водѣ и иже би вълѣзъ по възмѣтии воды. наслаждааше сѧ иѹленыи* (496, 10). Параллельное место

в Мариинском евангелии имеет „обычный“ имперфект несовершенного глагола: *анѓл бо гнъ на въсѣ лѣта съхождааше въ кѫпѣль і възмѣшишааше водж* (Ио., 5, 4).

* * *

Значительно более обильный материал, чем памятники старославянского языка, дают старые хорватские памятники. Кратно-перфективное значение интересующей нас формы здесь хорошо засвидетельствовано, притом — в тех же трех синтаксических типах употребления, что и в древнерусском и древнечешском языках.

1. В кратно-парном типе: *Lav чини, ča mu sveti Jerolim zapovida; za č s poslenikom u pašu gredise: kad se napasiše, doma ga dorenise; a lav kako no vol sino jidiše* (Ziv. Jerol., Starine, I, 231) — „Лев сделал, что ему св. Еролим приказал; так он с ослом ходил на пастбище: когда осел [бывало] наестся, он пригонял его домой; и [сам] лев, как вол, ел сено“. Аналогично, с обоснованным чередованием имперфектов совершенных и несовершенных глаголов: *Када ки воиник жену хотише, ка Арху дошад, златицу дав, жену вазмише, и колико ноћи држаше ю, толико златицу даваше* (Александрия, Starine, III, 251); *moja koža biše crna kako no u Saracina od velike tepline od sunca, svaki dan uzdisan'je, svaki dan suze i plač; gdi me san moraše i dobudise*, ondi padih i ležih na golu zemlju (Ziv. Jerol., 229). Впрочем, *moraše* в этом примере может рассматриваться как форма, употребленная вместо формы совершенного глагола („где меня сон, бывало, одолеет и настигнет, там, бывало, и упаду и лежу на голой земле“). Ср. еще: *pokle množe suze proljah* [в рукописи *proglah*] *i pokle me oči zaboljahu, gledajući u nebesa, činjaše mi se da sam meu an'jeli ter vesel i radosta(n) počnih kantati govoreći...* (Там же, 230).

Несомненный случай семантически необоснованного чередования обоих имперфектов имеем в кратно-парном типе в следующем примере: *Ovo je bilo, kad gredihu od Egipta, Josue se s Amalekom bijaše, Mojses na goru [вм. na gori?] moleći staše¹; kada dvigniše ruke, dobivaše puk njegov, a kad jih spušćaše, dobivahu neprijatelji* (Прозаические комментарии Марка Марулича к его „Юдифи“, St. pisci, 1, стр. 67). В главном предложении в обоих случаях употреблены формы несовершенного глагола, что, повидимому, говорит о начавшейся в языке замене интересующих нас форм формами обычного имперфекта. Сходно, но с имперфектом несовершенного глагола в обеих половинах формулы: *ovo je bio Polidektes, kralj od Serifa otoka, ki se okameni, kad nu ukaza glavu od Meduse Persej, sin Jovetov i Danae; ku glavu tko godi vijaše, zakamenjaše se* (Там же, 70).

Есть случаи, когда замена имперфекта совершенных глаголов имперфектом глаголов несовершенного вида может быть прослежена по спискам одного и того же литературного памятника. Так, в „Александрии“ в списке R (первая половина XVI в.) читаем: *и таков закон бише дивих люди: када кога од них окрвавлаху, изидиху ги* (Starine, III, 278). В других, более поздних списках имеем *изедахоу* (списки A, M) и *изиедахъ* (Гаев список XVII в.).

¹ Форма *staše* может быть понята здесь только как имперфект от глагола „стоять“ (стяженная форма), а не от глагола „стать“ совершенного вида. В данном случае нет абсолютно никаких условий для употребления имперфекта совершенного глагола; глагол „стать“ мог бы быть здесь употреблен только в форме аориста (*sta*). Поэтому мы предлагаем: *na gori ... staše*, т. е. „стоял на горе“.

Кратно-парный тип может быть представлен не только сложноподчиненным предложением, но и сложносочиненным предложением, если в нем выражена четкая соотнесенность (противопоставленность) двух ситуаций, вместе составляющих повторяющийся „цикл“. Именно такой случай мы имеем в следующих старохорватских примерах: Tondal, ili htise ili ne htise, vaze kravu, ter ju poča voditi po mostu, i kada poča hoditi po mostu, krava se poča micati, tere ne htise hoditi, i po ta put se potezahu priko mosta, nigda krava **upadiše**¹ doli a Tondal **ostaniše** gori, a nikada Tondal **upadiše**¹ a krava **ostaniše**, i tako se vodeći pridoše nasrid mosta (Tondal. Starine, IV, 113). Соотнесенность и противопоставленность рассматриваемых ситуаций четко выражены здесь союзными словами *nigda* — *a nikada*, а внутри каждого из этих двух членов — союзом „*а*“. Сходный, но менее сложный случай: *Rika arsinoiska bische takova: всаку ноћ помрзише се а об дан размрзнувиши се течаше* (Александрия, ук. изд., 270); в данном случае имеем правильное, т. е. осмысленное чередование формы совершенного и несовершенного глаголов, — момент замерзания противопоставлен длительному действию — течению реки. Более поздний список G (XVII в.) имеет здесь в обеих половинах формулы имперфект несовершенного глагола — *примръзование се и одмръзование се*, т. е. обычную замену интересующей нас формы, хорошо знакомую нам из предыдущего.

В принципе ничем не отличаются от приведенных сейчас прозаических примеров кратно-парного типа те, которые могут быть приведены из поэзии. Так,ср.: Na ramenu križ nosaše ter Jesuse ma ljubavi, / po svem putu kud hodjaše svaki stupaj okravavi; / i gdi trudan **posrnieše**, padajući k zemlji nica, / zemlja vajmeh **protrnješe** i venjaše sva travica. (Мавро Ветранич, St. pisci, III, 320); koli krat **spomenih** toj vrieme pri-krasno, / u svako **povenih**, želeći pri kasno! (Шишко Менчетич, St. pisci, II, 239); A koli **dotechih** prid slavnji je obraz, / u svako ja **recihi**: gospo-dje tvoj sam vas; / **recihi** još sunačce, ti si cvit od gospoj... (Там же, 125); Kada li **potecih** razbirat nije ličce, / vječni se ja **recihi**, jaki no fenice (Там же, 264); Mnjah da sam u raju, prida nju kad **pridjeh** / a život da traju, kada ju ne vidjeh (Там же, 204).

2. Кратно-цепной тип также представлен в старых хорватских памятниках прозы некоторым количеством примеров, в частности следующими:

Od velike pokore i od velike starosti toliko biše slab, da se ne mogaše iz postelje podvignuti. Svrhu postelje biše sveza' konopca gredi tere se rukami uhićaše za nj i uzdvigniše se ter narejaše ono, ča biše potribno za mojstir (Živ. Jerol., ук. изд., 235); Svrhu one prsure prihojaše mnoštvo duš sločastih, ke se onde frigahu toliko dokle se postave kako vosak prid ognjem; i kada se proliahu, metahu ih vanka, a oni opet u put pridihi, kako su i bili, a vrazi vazimahu, tere ih opet metahu na onu prsuru (Tondal, 111).

Несколько вполне аналогичных дополнительных примеров из поэзии:

У Марка Марулича: Ne bihu [имеются в виду боевые кони] predljivi, da bistra pogleda, / ne bihu sklitivi, da glumna vieda, / motahu t' se ureda skakćući nogami, / plešući poreda, zavrg' se glavami. / Plaho ti bedrami pojdihi svrtaje / razmašać prsami, stegna podžimaje; / svim se pojimaje, rekal bi lećahu, / tla ne doticaje, tako se dvizahu. (St. pisci, I, 14).

У Шишко Менчетича: Za što prie u željah samo noć provedih, / a dan se veseljah, što želih za č gledih; / ma sada noć i dan i s jutrom vas večer/

¹ В рукописи перед словами *a nikada* Т. *upadiše* ошибочно, под влиянием предшествующего *a T. ostaniše gori*, стоит *a nikada T. ostaniše gori*.

meni je jadovan, jak nalip i čemer (St. pisci, II, 173); mnokrat recih u sebi rič, koja je ohola (Там же, 326) — обращает на себя внимание лексическое подчеркивание многократности словом mnokrat; ср. еще: Njegda joj ja ponih celov moj na čelo, / njegda se naslonih na grlo veselo;/ njegda ju celunjah u pozor gizdavi, / a njegda i kunjah za milos ljubavi./ Njegda joj ja panih na nje kril za mal čas, / a njegda postanih ter zrčah nje obraz; / a njegda potecih na ličce nje s mojim / iz glasa ter recih: što zaman ja stojim? (Там же, 258).

3. Засвидетельствован в хорватских памятниках и кратно-предельный тип. Ср. в прозе: Spominjan se, da po vas dan od jutra do noći ne pristanih bijuci se u prsi, dokle koli ne pridiše pomoć od moga gospodina Isusa (Ziv. Jerol., 230) — здесь обращает на себя внимание имперфект совершенного глагола и в главном предложении (ne pristanih): „бывало, не перестану бить себя в грудь, пока не придет помощь“. В поэзии: dobrosrični bihu vazda der do vika, / dokol ne padihu u prezpravd'janika (М. Марулич, St. pisci, I, 24); впрочем имперфект padihu может объясняться и иначе, как отражение несовершенного видового значения основы **pad-**, т. е. в связи с пережиточными следами видовой недифференцированности ряда простых основ (ср. ниже).

* * *

Что касается словенского языка, то, повидимому, и он знал в древности имперфект глаголов совершенного вида, и именно в значении многократного действия, как это можно заключить на основании следующего места из Фрейзингенских отрывков (цитирую в транскрипции Вондрака): Oni bo lačna natrovechu, žejna napojačhu, bosa obujačhu, naga odeachu, malomogonča vime božie posečacho, mrzna sigreachu, stranna pod krovi svoje vvedechu, v timnicah i v železnech vožich vklepenich posečachu, i vime božie te utešachu (II, 45—56) — illi enim esurientem pascebant, sitienti dabant potum, nudipedem calceabant, nudum cooperiebant, infirmum in nomina dei visitabant, frigentem calefaciebant, hospitem colligeabant (sub tecta sua introducebant), in carceribus et in ferreis vinculis inclusos visitabant, et in nomine dei eos consolabantur.

Здесь не может быть сомнения в том, что формы natrovechu (от natruti — „накормить“) и vvedechu (= ст.-сл. *въведѣахъ*) являются формами имперфекта, образованными от глагольных основ совершенного вида. Наиболее вероятно такое же понимание форм obujačhu и sigreachu. Вполне возможно (хотя и не обязательно) понимать как имперфекты совершенных глаголов и другие глагольные формы этого отрывка. Вместе с тем все глаголы обозначают здесь повторявшиеся, многократные действия, хотя отдельные их акты и не связаны между собой определенной последовательностью во времени, как это мы видели, например, в кратно-цепном типе.

* * *

Как видим, привлеченный в этой главе материал в общем и целом подтверждает выводы, сделанные при рассмотрении данных древнерусских памятников. Имперфект совершенных глаголов оказывается в древних славянских языках не случайной „аномалией“, а закономерным явлением, грамматической формой, обладающей вполне определенным значением, а именно: кратно-перфективным значением, реализуемым в трех типах синтаксического употребления этой формы.

Позднейшая замена нашей формы в памятниках древнечешского подтверждает наличие в ней специфического оттенка значения, отражающего совершенный глагольный вид соответствующей основы. Вместе с тем обнаруживается, что если древнерусский, древнечешский и старохорватский языки выявляют разительное сходство, касающееся даже деталей употребления имперфекта совершенных глаголов, то старославянский стоит здесь несколько особняком.

IV. КРАТНО-ПЕРФЕКТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМПЕРФЕКТА ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Современный болгарский язык широко пользуется имперфектом совершенных глаголов. В повествовании, в авторской речи произведений повествовательного жанра подавляющее большинство примеров приходится, как и в древних славянских языках, на долю кратно-перфективного значения. Главное отличие от древних славянских языков состоит здесь в том, что в современном болгарском имперфект глаголов совершенного вида употребляется почти исключительно в придаточном предложении и лишь изредка встречается в главном. Соответственно этому из трех древних типов употребления широко представлены в современном болгарском только первый, т. е. 'кратно-парный, и третий, т. е. кратно-предельный типы. Второй, кратно-цепной, тип представлен бедно и, повидимому, может рассматриваться как оттесняемый. Кроме того, может быть выделен еще один дополнительный, четвертый тип, охватывающий случай „скрытой соотносительности“ (см. ниже, стр. 100—111).

Остановимся подробнее на каждом из четырех указанных типов.

1. Кратно-парный тип

Рассмотрение кратно-парного типа начинаем с тех, редких в современном языке, но, очевидно, отражающих древнее употребление примеров, в которых имперфект глагола совершенного вида используется и в главном и в придаточном предложениях:

Нарочно край тях минаваха дружките на Тинка, като си идеаха от пазар и ако го видеха [в болгарском — совершенного вида] сред двора, викинеха му, та махалата чуе... (Гнездо, 176) — „Подруги Тинки нарочно проходили мимо них, возвращаясь с рынка, и, бывало, если увидят его среди двора, крикнут ему так, что вся махала [часть села, улица, „конец“, квартал] услышит“.

Вечер, щом чиновнициите тръгнеха да се разхождат по чаршията, Руzin Дуров винаги закачаше кафеза с птицата на прозореца към улицата. Папагалът скакаше [переход к „обычному“ имперфекту несовершенного глагола] от пръчка на пръчка и непрестанно кресливо повтаряше: — Глупци, глупци. (ГБ, 160) — „Вечером, бывало, как только чиновники выйдут на прогулку по главной улице, Р. Дуров всегда повесит клетку на окно, выходившее на улицу. Попугай скакал с жердочки на жердочку и беспрестанно крикливо повторял: — Глупцы, глупцы“.

Гораздо чаще встречаются примеры с имперфектом совершенного глагола только в придаточном предложении. В главном, независимо от характера выраженного в нем действия, стоит имперфект несовершенного глагола.

Среди придаточных предложений наиболее типичны в интересующей нас конструкции предложения, вводимые союзами *щом* и *колчим* (*колчем*) — „как только“, например:

...*И децата, които често влизаха в градината да берат сливи, щом го видеха, не слизаха, а просто нападваха и бягаха, колкото им крака държат* (Ст. л., 13) — „И дети, которые часто забирались в сад, чтобы нарвать слив, как только, бывало, его увидят, не слезали, а просто падали и бросались бежать, что есть мочи“.

Аналогично: *Той се хилеше до уши, щом го зърнеше от далеч* (ЛС, 68); *Широко му лице ставаше бронзово-червено* всеки път, *щом се закашляше* (Там же, 13); *Още щом пукнеше пролетта, баба Наца зашпукваше из двора* (Двор, 5); *И щом се стопеше снега и врабци зачуруликаха по дръвниците, измъкваша се и те... и се разшавваша на припек* (Там же, 10); *Симо гледаше вече уверено и съсретоточено със сините си очи, и щом го закачеха махленските деца, отговаряше им никак снизходително* (Сеитба, 120).

Какиният Гинкин мъж ядеше пред себе си смиreno, *защото, колчим си позволеше да каже нещо или да се изсмее яката, тя му хвърляше свиреп поглед* (ПИ, I, VIII, 52); ...*Той се раздразняваше изведнъж, колчим се осмеляха да противоречат заветните му убеждения* (Там же, I, XVIII, 114); *Анко Разопчето се спряпаше от срам, колчим срещиене човек в панталони от черно сукно* (Там же, I, I, 10).

Так же в придаточных предложениях, вводимых относительным местоименным наречием *когато* („когда“), например:

Графът захвана да говори, а кака Гинка му суфлираше от чиновете. А когато графът пропуснеше или променеше някоя дума, тя извикваше: „събръка“! (ПИ, I, XVII, 104) — „...а когда граф пропускал или изменял какое-нибудь слово...“, т. е. каждый раз, как он (бывало) пропустит или изменит какое-нибудь слово... — имеется в виду ряд повторявшихся моментов, как это мы видели и в придаточных с *щом* и *колчим*.

Аналогично: *Когато дойдеше в разгара на полката си, Клеопатра [медведь] ревеше ужасно, и цялата махала знаеше, че Клеопатра танцува* (Там же, I, V, 37) — „Когда Клеопатра, танцуя свою польку, входила в раж (войдет, бывало, в раж), она ревела ужасно, и весь квартал знал, что Клеопатра танцует“; *От опит той знаеше, че когато сянката се дръпнеше до сред улицата, до барата, тогава девойката ставаше да полива градината* (Там же, II, XIX, 310); *Но за чест на Дакито, трябва да кажем, че милосърдието му се равняваше с невежеството му и той побледняваше, когато секретарят му покажеше някой член от наказателния закон, чрез който се осъждаше някой, за дето е дал плесница на някого, на три месеца затвор* (МиД, 136); *Но времето омекна и когато из снега минеха каруци, оставяха дълбоки следи, които бързо се пълнеха с вода* (Ако мож., 14); ...*когато го погледнеше, очите ѝ го заливаша с мека и сладка светлина* (Ст. л., 4); *Марин малко общуваше с него. Всякоага, когато вуйчо му се изправеше над главата и грапавият глас се забиеше в ухото му, без да го гледа, той го чувствуваше като изправен дървен труп... и същият този труп с присъствието си сякаш лягаше на самите му плещи* (КВ, 20); *Дори и тогава, когато станеше нужда да помага при вдигането на чувалите в бакалницата..., неговият панталон си оставаше все тъй чист и безупречно изгладен, както някога в студентските му години в града* (Там же, 32); *Друга вечер, когато имаше време, Стойко не отиваше направо*

до плетената порта, а свиваше край реката... оглеждаше двора им, къщата, съседите и, чак когато се увереше, че никой от никъде не се мярка и не гледа, пресичаше бързо като лалугер разровената песяклива улица и се лепваше до високия плет (Снаха, 14); *И все пак Ламбо си отиваше чак когато излезех навън да му кажа, да мине друг път, че сега тате няма пари* (Ламбо, 53) и т. д.

Аналогично и в придаточных, вводимых посредством *като* („когда“, „как“), например: *Драгота не обръщаше внимание на незадоволството на тримата прости братя. Като се прибереше в килията си, където никой не можеше да го види, той първом си дождаваше добре със скритото ядене, което държеше под ключ. И като си помислеше, че често о. Амфилохий беше го посочвал за пример в умерено ядене и пие, той се усмихваше* (Ст. л., 23) — „Удалившись в свою келью, где никто не мог его увидеть, он сперва досыпал наедаясь припрятанной пищей, которую держал под замком. И подумав, что о. Амфилохий часто указывал на него как на пример умеренности в еде и питье, он усмехался“; *Често пъти като се върнеше късно с колата, Герасим я заварваше горе в стаичката просълзена* (Гнездо, 159); [Вол Петко] *винаги държеше вдигната главата си, като тръгнеше за паша* (Търговия, 56).

Так же и в других типах относительных придаточных предложений: *Тя с трепетно сърце се взираше във всекого когото срещнеше, дано познле някой близък човек* (ПИ, II, VI, 249); *Целия ни път от ческата граница до Прага беше едно триумфално шествие; ... дето поминеше нашия трен, шапки захвърчваха нагоре и ческончаемо „pažadar!“ цепеше въздуха* (Бай Г., 31); *Все пак, колкото пъти му прилегнеше, бялаше да пие вода на улуките* (Ако мож., 81); *И замечтахме ние за още една крава. Кого къде видеше мама от съседите, замолваше го да ни помогне да сменим Петко с някоя крава* (Търговия, 57).

Так же в придаточных, вводимых союзом *ако* („если“): *Нямаше кой дърва да им насече... Ратайче, ако вземеха, крадеше ги и те го изпъндаха* (Двор, 9); *И на вечерята, и после, тя беше всяка на първо място. Тя забелязваше как свахата подсещаше с очи дъщеря си най-напред на нея да поднася. И как, ако ѝ потрябваше нещо, скокваше и двете на крак* (Там же, 17). По-русски: „если нанимали работника“, или, лучше, с точки зрения передачи оттенка совершенности: „если, бывало, наймут работника, он их обкрадывал“; „если ей что-нибудь понадобится, обе вскакивали“.

Наконец, в бессоюзных придаточных предложениях (с частицей *ли* после глагола, занимающего начальное место в таком придаточном предложении):

Дойдеше ли неделя и празник, всички трябваше да идат не черква (ПИ, I, I, 11); *Прибереше ли се ключарят, Илия пак се появяваше* (КК, 105) — „Уйдет ключник, — Илья снова появлялся“; *Лято то кое-как минаваше леко, но почнеха ли дъждовете и каловете, скриеха ли се животинките в дупките, свираха се и те в слушената си къщурка и весден печеха старите си кокали край кюмбето* (Двор, 9); *А зелинеха ли се слоговете и баирите, той вземаше тояжката и я [корову] откарваше на паша* (Там же, 7); *И понеже от баща си никога не виждах пара... затуй зърнех ли, макар и кръгло парченце от тенекийка да е, все го мислех, че с него може да се купят бонбони* (Ламбо, 52).

Во всех приведенных примерах сказуемое главного предложения выражено имперфектом несовершенного глагола независимо от видового характера каждого отдельного акта соответствующего кратного действия, т. е. независимо от того, является ли каждый отдельный акт

этого кратного действия объективно длительным (*Клеопатра ревеше ужасно и цялата махала знаеше, че Клеопатра танцува* — в приведенном выше примере) или объективно мгновенным (*скокваха и двете на крак*, т. е. вскочили + вскочили + вскочили = вскакивали). „Перфективность“ каждого отдельного акта в этих случаях остается невыраженной, теряется, стирается.

Кроме примеров, подобных рассмотренным, встречаются в болгарском языке и такие, в которых не только в главном, но и в придаточном предложении стоит имперфект несовершенного глагола. Это бывает в двух случаях: 1) когда постановка имперфекта несовершенного глагола диктуется самим характером соответствующего действия (точнее — его отдельного акта) и 2) когда имеет место своего рода „замена“ имперфекта совершенного глагола имперфектом несовершенного, аналогично тому, как это мы наблюдали в древних славянских языках.

Рассмотрим сначала первый случай. Классическим примером может служить следующий:

Той въз да пази ноща с пушка, но вълкът не дохождаше. Нямаше, когато пазеше, доождаше, щом се прибереше (Ако мож., 22), — „Он стал караулить по ночам с ружьем, но волк не приходил. Не было его [волка], когда он [пастух] караулил, но он приходил, как только [пастух] уходил“, или: „как только пастух уйдет“. Оба придаточных предложения — и *когато пазеше*, и *щом се прибереше* — выражают повторявшиеся, для какого-то отрезка времени, так сказать, типичные ситуации: всякий раз, как имело место то-то, волк вел себя так-то, всякий раз, как имело место иное, волк вел себя иначе. Но при наличии в обоих придаточных предложениях значения кратной повторяемости они существенно отличаются друг от друга. Придаточное „когда караулил“ указывает на повторявшийся длительный процесс и, закономерно, содержит в себе форму имперфекта несовершенного глагола (*пазеше*); придаточное „как-только уходил, как только, бывало, уйдет“ (*щом се прибереше*) указывает на повторявшийся момент, на такое действие, которое каждый раз „завершалось“, становилось „готовым фактом“, прежде чем могло наступить действие, выраженное глаголом главного предложения (приход волка). Именно это специфическое значение и вызывает здесь употребление имперфекта, образованного от основы совершенного вида.

Вполне аналогично: *Когато хаджи Станю минаваше важно с бастун по чаршията, всеки му сваляше шапка и му ставаше на крака. Но щом отминеше, веднага се чуваха подмятания и псуви* (ГБ, 38). С одной стороны — „когда проходил“ (повторявшийся длительный процесс), с другой стороны — „как только, бывало, пройдет“ (повторявшийся момент).

Что касается второго случая — появления имперфекта несовершенного глагола в придаточном предложении в порядке замены имперфекта совершенного глагола, то его целесообразно рассмотреть в связи с другими случаями замены интересующей нас формы в современном болгарском языке. Интересно отметить, что самые типы замен в современном болгарском языке точно те же, что в древнерусском языке. Это, во-первых, имперфект несовершенного глагола, а, во-вторых, настоящее время совершенного (и, реже, несовершенного) глагола. Разница между двумя этими языками заключается, однако, в том, что применительно к современному болгарскому самый термин замена получает несколько иной смысл. Если, говоря о заменах в древнерусском и в других древних славянских языках, мы имели

в виду вытеснение более старого способа выражения более новым (что могло быть прослежено при сопоставлении более ранних и более поздних списков одного и того же произведения), то в современном болгарском лишь в некоторых случаях речь могла бы идти о том, что замена представляет собой относительно более новый способ выражения. Так, редкость имперфекта совершенных глаголов в главном предложении позволяет предполагать в нем архаизм, явление оттесняемое, и именно — оттесняемое его заменой — имперфектом несовершенного глагола. Зато, например, применительно к придаточному предложению, в котором имперфект совершенного глагола ни в какой мере не теряет своей актуальности, мы, говоря о заменах, имеем в виду сосуществование нескольких (обычно — трех) более или менее равноправных способов выражения аналогичного содержания.

Но перейдем к примерам.

Примером имперфекта несовершенного глагола в главном предложении как замены имперфекта совершенного глагола может служить почти любой из приведенных выше примеров (кроме таких, как *Клеопатра ревеше ужасно*, где каждый акт кратного действия, выраженного формой *ревеше*, носит сам по себе несовершенный характер и потому имперфект несовершенного глагола должен рассматриваться как „исконный“, а не как замена).

Примерами настоящего времени в главном предложении как „замены“ интересующей нас формы могут служить следующие: *Когато му се случеше понякога да държи чаша с вино из бъклица или ракия из бърдето, той тогаз се по-преди прекръсти три пъти и докато клочеше в гърлото му, то клепачките и на двете му очи играеха* (С тебешир, 32); *И гургулиците, като я видеха че е сама, току се спуснат из невиделица в двора и заклимат с глави към нея* (Двор, 8).

Примеры замен в придаточном предложении:

Замена имперфектом несовершенного глагола может быть проиллюстрирована следующими примерами: *колчим настаяха* [вм. *настанеха*] *трезвите минути, ... горките мисли като съскливи эмии се разбуждаха в душата и жилеха, жилеха немислостиво* (ГИ, II, II, 223); *И когато някой ден дохаждаше* [имперфект несовершенного глагола в порядке замены] *и изприкажеше* [имперфект совершенного глагола, не подвергшийся „замене“] *всичко на Ганаила, струваше ѝ се, че са я ограбили* (Ст. л., 47).

Замена настоящим временем имперфекта глаголов совершенного вида встречается, как указано, чаще. Например: *Ако кажат: туха, той влизаше; ако ли кажеха: няма го, той се връщаше, като изъбряше... някоя.. псувня* (МиД, 133); *Крекнеше ли само кокошка, тя рипваше от сън... А пропее ли червеният петел и кокошките закуткудичеха в хор из кошлетата — това беше за нея празник, с такава радост обираше топлите яйца, с каквато по жътва — първите ръкотки* (Двор, 7).

Есть примеры и с настоящим временем несовершенного глагола; но, повидимому, в этих примерах выбор несовершенного вида обусловлен характером самого действия (вернее — его отдельного акта), и, таким образом, здесь речь могла бы идти не о замене интересующей нас формы, а о замене имперфекта несовершенного глагола. Ср. употребление времен в следующем характерном примере: *Дядо Колю имаше един чуден навик. Кога тръгне някъде или остане сам, или стои в черква, устата му постоянно шаваха* (С тебешир, 15).

2. Кратно-цепной тип

Как мы видели, рассматривая материал древних славянских языков, этот тип реализуется в сложносочиненном (иногда — в „слитном“) предложении. Но в современном болгарском языке, как указано, имперфект совершенных глаголов вообще очень редко употребляется в главном предложении. Отсюда понятна и отмеченная уже выше редкость кратно-цепного типа.

Приведем имеющиеся примеры: *Често пъти тези свои разговори той придружаваше и с по някоя мимика: или подигнеше разперени пръстите от дясната си ръка... и шаваше [имперфект несовершенного глагола] с малкия и другия до него пръст; или свиеше джуните си и изблещеше очи, като да се чуди на нещо; или свиеше дясното си око и шавиеше с левия си мустак, или пък само подигне [переход к настоящему времени совершенных глаголов] длан на рамото си и пак си спусне ръката.* (С тебешир, 16) — „Часто эти свои разговоры он сопровождал и некоторой мимикой: или, бывало, поднимет, растопыривая их, пальцы правой руки... и шевелит [имперфект несовершенного глагола] мизинцем и соседним пальцем, или подожмет губы и вытаращит глаза, словно чему-то удивляется; или прищурит правый глаз и пошевелит левым усом, или же только поднимет ладонь себе на плечо и снова опустит руку“.

Аналогично у Й. Йовкова: *Съмваше се и отново се повтаряше същото. Субашът Али излизаше пред конака и гледаше. Додованикът дохождаше както и по-рано в дюкянчето [до сих пор — имперфекты несовершенных глаголов]. Току се появеше [имперфект совершенного глагола] от някъде с изшилен черен калпак от яре, със сипаничаво лице, одърпан, напрашен. Личеше си [имперфект несовершенного глагола], че слиза от Балкана. Спре се [переход в настоящее совершенного вида, более обычное в подобных случаях], огледа се наляво, огледа се надясно и хътне в дюкянчето, като халугер в дупката си. Сидеше там дълго [снова имперфект несовершенного глагола], а като минеше покрай дядя Руся [имперфект совершенного глагола рассмотренного выше кратно-парного типа в придаточном с като], преправяше лице и се преструваше на божа кравица* (Ст. л., 64).

Пример кратно-цепного типа в поэтическом тексте Христо Ботева: ...*Гам, дето аз съм пораснал / и първо мяко засукал; / там, дето либе хубаво / черни си очи вдигнеше / и с оназ тиха усмивка / в скръбно ги сърдце впиеше* („На прощаване“). То, что в данном примере обе интересующие нас формы оказались в придаточном предложении, не связано с характером их соотношения друг с другом, которое остается таким же, как вообще в кратно-цепном типе.

3. Кратно-пределный тип

Что касается кратно-пределного типа, то он, как и в древних славянских языках, используется в современном болгарском языке несколько реже, чем кратно-соотносительный тип (но значительно чаще, чем кратно-цепной). Во всяком случае он никак не может считаться какой-либо отмирающей категорией, так как встречается и у писателей XX в., в произведениях, вышедших в свет за последнее десятилетие. Приведем ряд типичных примеров:

Марко полагаше голяма грижа да вдъхне на синовете си религиозно чувство. Вечер, доде изчетеше павачерката си пред куно-

стаса, големите бяха длъжни да присъствуват на молитвс (ПИ, I, I, 11) — „Марко много заботился о том, чтобы привить своим сыновьям религиозное чувство. По вечерам, до тех пор пока он (бывало), не дочитает перед иконостасом свою вечернюю молитву, взрослые [сыновья] были обязаны присутствовать на молитве“; *Във всички села, дето беше учителствуval, винаги имаше нещо, за което се хващаха, както давящия се хваща за сламката. Някъде садяха фий, някъде люцерна, някъде цвекло—винаги имаше нещо модно, от което очакваха чудото: бързо заботяване, отърване от грижите и теглото...* докато **станеше** ясно; че и с фия, и с люцерната, и с цвеклото работите не се оправяха и всичко отиваше към все по-голяма и неизкоренима сиромашия (ЛС, 16) — „... сажали вику, люцерну и свеклу и ожидали чуда [длительный процесс], пока не становилось ясно [в какой-то момент], что дела не поправляются“. Весь цикл повторялся много раз (*Във всички села, дето беше учителствуval, винаги*) по формуле (... а) × n.

Аналогично: *Той се вслушваше в стъпките им, докато загълъхне в ноща* (Машината, 56); ... триех я [найденную старую монету или кусочек металла, принимаемый за монету]... измивах я с вода, лъсках я с песчинки, пак я проплаквах с вода, дорде **льснеше на слънцето** [пока не сверкнет солнце] и я пъях във вътрешния джеб (Ламбо, 52); *Ние бъркахме в дълбоката калена паница, където се бистрееше топла водица и само по някое бобено зърно плуваше ту към единия край, ту към другия, въртеше се в кръг, дорде някой го улучеше и попаднеше в лъжицата му* (Бусара, 64) — „...боб плавал в супе, пока его кто-либо из детей не поймет в свою ложку“.

Свообразен следующий пример из Иовкова: *Познавам дядо му на тоя момък, дядо Филчо. Той много не му придирише, пиеше вода направо от улука. Останало малко вода от добитъка, — наведе се и се напие. А доде иде на нивата, изядеше половин самун уж си поотчупва все по-малко* (Ако мож., 125). Здесь в придаточном предложении с *доде* имеем форму настоящего времени глагола совершенного вида (глагол *ида* в значении удаления в болгарском языке совершенного вида), т. е. „замену“ имперфекта совершенного глагола. Зато в главном предложении употреблен редкий в этих случаях имперфект совершенного глагола.

4. Случай „скрытой соотносительности“

Наряду с рассмотренными сейчас тремя основными типами синтаксического употребления имперфекта совершенных глаголов в кратно-перфективном значении встречаются в болгарском языке изредка и такие примеры, в которых кратно-перфективный имперфект оказывается употребленным вне какой-либо соотносительности с другой глагольной формой, которая бы прямо выражала действие, повторявшееся с той же периодичностью. Эти случаи могли бы быть названы случаями „скрытой соотносительности“, ибо, как увидим, кратное действие, обладающее той же периодичностью, что и действие, выраженное имперфектом совершенного глагола, все же и в этих случаях всегда подразумевается. Ср., например: *Като взе шише, той се зачука с всички под ред; то беше звън и кълкотения, рядко кръчмата на бай Тодор беше виждала такъв чудо. Само когато почнеха по-рано изборите* (Гнездо, 241) — „Взяв бутылку, он стал чокаться со всеми подряд; это был звон и пlesк, редко корчме бая Тодора случалось видеть такое чудо.

Разве, когда раньше, бывало, начинались (бывало, начнутся) выборы". Очевидно, шумные собрания в корчме имели место всякий раз, когда начиналась предвыборная борьба, но это, собственно, лишь подразумевается, лишь вытекает из предыдущей фразы (*рядко кърчмата на бай Годор бешо виждала* и т. д.), прямо это не выражено. Синтаксически мы имеем здесь придаточное предложение без главного, к которому оно должно бы относиться.

Другой пример „скрытой соотносительности“: [Игнат] оставил си шапката на страна и почна да сваля каквото му попаднеше на ръка от рафтовете на куп сред бакалницата (КВ, 81) — „...начал сбрасывать, что попадалось (все, что ни попадется) под руку“.

* * *

Материалы, привлеченные в этой главе, дают возможность с полным основанием считать, что кратно-перфективное значение имперфекта совершенных глаголов ни в какой мере не находится в противоречии с современной системой совершенного и несовершенного видов. Наоборот, само существование кратно-перфективного значения органически вытекает из сочетания видо-временного значения общеславянского имперфекта с видовым перфективным значением соответствующих глагольных основ. Если это ясно по отношению к современному живому болгарскому языку, то значит и для древних славянских языков у нас нет основания рассматривать случаи кратно-перфективного значения имперфекта совершенных глаголов, — случаи по существу вполне аналогичные современным болгарским, — ни как „архаизм“ или „пережиток давидового состояния“, ни как „показатель дряхлости старого имперфекта“ или его „отмирания“ и „смешения с аористом“. О возможных пережитках более старого состояния видовых категорий в древних славянских языках и о фактах, отражающих отмирание в ряде славянских языков старой системы прошедших времен, речь у нас будет ниже, в VI главе. Те же факты, которые рассмотрены здесь, в главах, посвященных кратно-перфективному значению имперфекта совершенных глаголов, не имеют ничего общего ни с тем, ни с другим кругом явлений. Кратно-перфективное значение есть наиболее „нормальное“, наиболее „правильное“ и типичное значение, возникающее в формах имперфекта, когда они образуются от глагольных основ совершенного вида. Наличие этого значения в том или ином славянском языке свидетельствует о том, что этот язык а) уже обладает современной системой совершенного и несовершенного видов и б) еще сохранил специфическое значение имперфекта и соответствующее смысловое различие между имперфектом и аористом.

V. МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ИМПЕРФЕКТА ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА¹

Рассмотренное в предыдущих главах кратно-перфективное значение имперфекта совершенных глаголов не является в славянских языках ни единственным, ни единственным „правильным“ значением этой формы. Вполне „правильными“, т. е. нисколько не противоречащими ни специальному значению имперфекта, ни значению совершенного вида, выраженному глагольной основой, оказываются также некоторые модальные значения интересующей нас формы, рассмотрению которых и посвящена данная глава. Как в имперфекте несовершенных глаголов

¹ См. сноски 2 на стр. 72.

мы отмечали, наряду с видо-временным значением длившегося, незавершенного в прошлом процесса, ряд модальных значений (см. стр. 72—73), так и в имперфекте глаголов совершенного вида мы находим различные модальные значения. Различия между отдельными языками здесь гораздо больше, чем в сфере кратно-перфективного значения, но видовое значение глагольной основы во всех случаях дает себя знать, хотя и не с равной силой.

Представляется целесообразным рассмотреть отдельно материал трех древних славянских языков — древнерусского, древнечешского и старославянского — и отдельно материал современного болгарского языка, с которым, повидимому, согласуются некоторые примеры, взятые из хорватских текстов XV—XVI вв., и, с другой стороны, некоторые факты из грамматики современных серболужицких языков.

* * *

Среди отмеченных выше (на стр. 72—73) модальных значений имперфекта несовершенных глаголов на первом месте было указано модально-видовое значение „конативности“ (*imperfectum de conatu*). В формах имперфекта совершенных глаголов в некоторых случаях в древних славянских языках развивается близкое значение, которое Г. К. Ульянов называл „значением готовности“.

Примером этого значения в древнерусском языке может служить следующее место из Повести временных лет: *И излѣзоша Болгаре на сѣю противу Сѣславу, и бы(с) сѣча велика. и одоляху* [Так в АП; в Л ошибочно одалаху, в И: одолѣваху] *Болѣгаре. и ре(ч) Сѣславъ воемъ своимъ. уже намъ сде пасти. потягнемъ мужьски братья и дружино и къ вечеру одолѣ Сѣсл(а)въ* (ПВЛЛ, 6479, 69). В трактовке Ульянова *одоляху* — „готовы были одолеть“, в переводе Д. С. Лихачева (Повесть временных лет, Изд. АН СССР, 1950) — „стали одолевать“. Последующее *и къ вечеру одолѣ Святославъ* ясно показывает, что интересующая нас форма представляет собой нечто вроде *imperfectum de conatu*. В Ипатьевском списке мы и имеем подлинный *imperfectum de conatu одолѣваху*.

Вместе с тем, отмечаемое Ульяновым в форме *одоляху* „значение готовности“ находит себе некоторое соответствие и в довольно близких модальных значениях форм настоящего времени глаголов совершенного вида в современном русском языке (например, в модальном значении возможности): он *такой упорный — гору сдвинет*, т. е. „может сдвинуть, в состоянии сдвинуть“; *Нет, не старость этому имя. Тушу вперед стремя, я с удовольствием справлюсь с двоими, а разозлить — и с тремя* (Маяковский), т. е. „готов справиться“ и т. д.

Повидимому, аналогичное значение возможности имеется и в форме имперфекта *вмѣстяше*: ...*приносящет же ему великии Антонии. и подаваше ему оконцемъ. яко ся вмѣстяше рука. тако приимаше пищу* (ПВЛЛ, 6582, 192), т. е. „приносил ему великий Антоний и подавал через оконце [такое маленькое] что едва помещалась [или: едва поместится, едва войдет = едва может войти] рука, так он принимал пищу“.

Может быть, близкий оттенок значения имеем в некоторых других древнерусских примерах, в которых имперфект совершенных глаголов употреблен вместе с отрицанием и выражает нежелание субъекта произвести данное действие. Ср., например: *и реч(е) велиим гласом: „запрещаетъ ты ѹсподъ, вселукавый діаволе!“* *Бѣсъ же не престаняше*

мелъ в жернова. Федоръ же пакы реч(e)... (КПП, л. 187), т. е. „не хотел перестать“; и не допустяху Угръ опять, и тако множецею убивая. сбisha в в мяч (ПВЛЛ, 6605, 271); а Двдъ Игоревичъ съдяше кромъ и не припustяху его к собѣ. но особы думаху о Двдѣ. (Там же, 6608, 274), т. е. „не хотелипустить“; Бяшть бо в ты дни шуменъ стаго Андрѣя. Григории... тот бо не вдадиша Мъстиславу вѣстами ратью по Ярославѣ. река.... (ИЛ, 6636, 291; в Погодинском списке: не дадиша). В какой-то мере все эти примеры могли бы быть сопоставлены с употреблением настоящего времени глаголов совершенного вида в таких случаях, как словечка в простоте не скажут, все с ужимкой или — с другим оттенком в значении — тишина, не шевельнется ни один лист.

Бросается в глаза, что все приведенные сейчас примеры резко отличаются от рассмотренных в своем месте примеров кратно-перфективного значения. Здесь нет ни момента кратности, ни момента соотносительности двух взаимно связанных действий. Перфективность, специфическое видовое значение глагольной основы, выступает здесь в более слабой степени, в иных примерах почти стирается, хотя, кажется, нигде не утрачивается полностью. Сравнительная редкость этого типа в древнерусских памятниках мешает сформулировать более определенные выводы. Возможно, что некоторые из этих примеров следовало бы объяснять иначе (см. ниже, в главе VI).

Впрочем, такой же тип модального употребления имперфекта совершенных глаголов, т. е. употребление его в значении готовности или возможности совершить действие или желания совершить его, находим и в древнечешском языке. Здесь такое значение особенно часто встречается при наличии отрицания (как это мы сейчас видели и в древнерусском). Ср., в частности, следующие примеры: bieše v ta doba na křest'any taká pohroma spadla, jež příetel příetele, syn otce buojě sě zaprzyeſſe (Pass. Klem., 149^a, цит. по Травничку, ук. соч., стр. 306) — „в ту пору такое бедствие обрушилось на христиан, что друг, боясь, отрекался (=готов был отречься) от друга, сын — от отца“; jala sě jeho často bítí, však on proto své zlosti neostanyeſſe (Там же, 65^a, цит. по Травничку, там же), т. е. „не оставлял, не хотел оставить“. Аналогично: A sam syeda s nami, nikda neprzestanieſſe o duchownich skutcyech nas vczie (Otc. B., 32^b, 77).

В данном случае выступают те же „замены“, с которыми мы встречались выше, при разборе кратных типов, — „замена“ имперфектом несовершенного глагола (в списке С: neprzestawasſe) и перфектом совершенного глагола (в списке Е: neprzestal).

В стихотворных текстах сюда же относятся, очевидно, такие случаи, как To pro iudassye mluwiesſe. / Genz tu take mezy nzymy biesſe. / Yehoz ſrrdce giezius dobrzie wiediesſe. / wſak nan toho nezgiewiesſe (Градецкая рукопись, 79^a, 223), т. е. „не хотел это обнаружить“; Potom poczie piti zadati / kazachu iemu oczta ſzluczy dati. / Auwech, gich hubeny hrziesſe / Ze gemu i yeden wody nepodadiesſe (Там же, 92^b, 252) — „никто не хотел подать ему воды“.

Гебауэр считал, что в примерах вроде только что приведенного форма имперфекта появляется исключительно в силу влияния отрицания; в соответствующем положительном предложении мы имели бы, по мнению Гебауэра, аорист: nekto poda vodu¹. Ср. еще: I počechu ... jako k ciliu ſípy k němu střieleti. / Ále toho i jeden nevidieſe, / že svatý Jan...

¹ См. J. Gebauer, Archiv für slavische Philologie, т. 25, стр. 348.

knězě zaslánieše: / v svatého Jana húni šípi tčiechu, / kniežeciecho těla
nedotkniechu [вариант — nedotčiechu] (Dal. J., 34, 70)¹; keř, jenž někdy
hořieše a vešken plamenit bieše, své krásy nic **nepotratiesě**, ale ve všej
zelenosti stojieše (Гебауэр, 348; без отрицания, по словам Гебауэра,
был бы аорист: potratí).

Сюда же относит Гебауэр приведенный выше пример из Оломоуцкой библии (Exodus, 33, 8): doňadž nevejdieše do stanu, считая, что при отсутствии отрицания был бы аорист vnde, и ряд других примеров.

Повидимому, следовательно, мы должны выделить в древнечешском языке особую рубрику — имперфект совершенных глаголов при отрицании. Генетически эту рубрику, может быть, надо объяснить как позднейшую и вторичную, как результат аналогического распространения интересующей нас формы в отрицательных предложениях в связи с частым употреблением в них имперфекта глаголов совершенного вида в значении отрицаемой возможности или готовности (желания) совершил действие².

Значение отрицаемой возможности отмечается у интересующих нас форм и в старославянском языке, а именно в Супрасльской рукописи: *ни^кдноже бѣ отъ него. сътворено дѣло. юже нѣсть дѣло* [вм. зѣло] *оуспѣшно. ни^кдно юже не въпѣша истинъ. ни^кдино юже не къ небесъноуому прилатио подвиги^шаше оумъ* (346, 12). И Ягич, и Ульянов усматривали здесь значение невозможности: „которое не поднимало бы, не было бы в состоянии поднять“³, „которое не могло бы побудить“⁴. Правда, не исключено и понимание в плане видовой нendifференцированности (см. ниже), как, впрочем, и в некоторых аналогичных примерах в древнерусском и старочешском языках. В двух других примерах из Супрасльской рукописи обращает на себя внимание даже лексическое тождество или близкое лексическое сходство с русскими и чешскими примерами, приводимыми выше. Речь идет о формах имперфекта от глаголов *прѣстati* и *остati* са: *и тлькнївъши въ дѣри молаши въвести* тж. *оному же не хоташтоу... прѣбѣвааше бѣ стоуда тлькжти. и съ многою молитвотж моласти прилати* тж... *многоу же часоу минжвъшоу. и ноши оуже прѣполовавши са. не прѣстанѣште тлькжти и великомъ гласомъ въпѣжти* (515, 18), т. е. „не хотела перестать“⁵; *слма же и сице не останѣахъ са сты-*

¹ Правда, этот пример Гебауэр рассматривает в ук. статье в составе другой рубрики: он находит здесь особый случай итеративности — действие, выполненное несколькими субъектами подряд („выпущенные стрелы, одна за другой, оставляли нетронутым тело князя“ — ук. соч., стр. 345). Однако такое толкование представляется нам (как и по отношению к некоторым другим приводимым Гебауэром примерам) несколько искусственным.

² Иначе объяснял употребление имперфекта при отрицании Гебауэр. Он сопоставлял его (ук. соч., стр. 348) с употреблением при отрицании формы несовершенного вида в таких случаях, как *nevstávěj* — при совершенном *vstáj* без отрицания, *neříkey* — при *řeknī* и т. д. (то же и в других формах, ср. русск. *Сказал ты ему?* — *Нет, не говорил*). Нам кажется все же, что данная аналогия носит очень внешний характер и никак не объясняет, почему же в случаях с имперфектом как раз вид глагола — совершенный вид — сохраняется при отрицании без изменения.

³ И. В. Ягич. Мариинское евангелие, стр. 458.

⁴ Г. Ульянов. Ук. соч., т. II, стр. 228.

⁵ Так толковал приведенную форму и Ульянов („не захотела перестать“, ук. соч., т. II, стр. 228). В противоположность этому Сарау и, вслед за ним, ван-Вейк говорили, что не видят никакого различия в значении формы *не прѣстанѣште* и формы *не прѣстааше*, несовершеннего вида, следующей несколькими строками ниже: *тѣшаще ж теплостиж ржкы своѧ. и прѣкрыштали ж чмсто по прысемъ не прѣстааше* (516, 16), — см. Сарау. Ук. соч., стр. 156. Ван-Вейк поэтому считал, что интересующая нас форма *не прѣстанѣште* употреблена неправильно, в результате „притупления чувства языка“ („Abstumpfung des Sprachgeföhls“), — см. Ван-Вейк. Ук. соч.,

дости. воле~~ж~~ самъ са прѣда-к-динъ (413, 18) — „не хотели отстать, отступиться“ (ср. там же в форме прямой речи: нь ѫлма же вѣ не рачите, нь ѫдначе прѣбываѣте вѣ свої зълоби. се азъ самъ са прѣда~~ж~~ — строка 24—25, где нежелание передано лексически: не рачите).

Несколько другой, хотя по существу близкий тип модального употребления имперфекта глаголов совершенного вида был отмечен Гебауэром для старочешского языка. Гебауэр говорил о „Conditionalis der Vergangenheit“, т. е. об „условном наклонении прошедшего времени“. Это правильно, но несколько общо, более точно значение соответствующих примеров можно было бы охарактеризовать как значение чутъ было не осуществившейся возможности. Из примеров Гебауэра только один приходится на прозаический текст, а именно: Gedno ze zakon twoy myʃlenye me gejt, tehdi ſnad zhnyech [Гебауэр предполагает ошибку вм. zhyniech] v pokorzie Mey (Виттенб. пс., 118, 92, в изд. 1880 г., стр. 176) = nisi quod lex tua meditatio mea est, tunc forte periſsem in humilitate mea. Интересно, что для этого случая имеем совершенно другую „замену“, чем для имперфекта совершенных глаголов в кратно-перфективном значении: в соответствующем месте Подебрадской псалтыри (1396 г.) и Капитульной псалтыри (вторая половина XIV в.) употреблено обыкновенное сослагательное наклонение — tehdy ſnad zahynul [Капит.: prziejſel] bych byl¹.

Остальные примеры приходятся на стихотворный текст: Božejov syn do lesa běžieše, / a juž ovšem utecieše, / ale sukně jej črvená prosočí (Dal. J., 56, 116), т. е. „и уж совсем было убежал (или: и совсем убежал бы), но красная куртка его выдала“; Tu pan Jan z Stražě po neprrieteliech udatně jedieše, / aovšem po nich v hrad vendieše, / by byl s ním most u přiekop nelet'á[/вариант — neletě] (Там же, 104, 220), т. е. „и, преследуя их, ворвался бы в город, если бы мост под ним не рухнул бы в ров“; W ten czas bez myęsta budyſye / By ſye lepe nedomnyely / A ſ kralem przymyerzye wzely (Александрида, 52); Takez wtyeze onoho / Potka ſaraczenſtwia mnoho / W ten czas budyſye bez nyeho / By nebylo otcze geho (Там же, 40).

Как видим, в этих примерах речь идет о ситуациях безусловно однократных, имевших место только один раз. Интересующие нас формы имперфекта, выражющие чуть было не осуществившуюся возможность (притом — „разовую“), не содержат здесь ни малейшего намека на многократность, что резко отделяет эти примеры от случаев кратно-перфективного значения, рассмотренных выше. Иным является и контекст формы: вместо имперфекта совершенного или несовершенного глагола или цепи таких имперфектов здесь в рамках данного сложного предложения выступает или условное наклонение (в обоих примерах из Александриды и во втором из Хроники Далимила), или аорист в сочетании с противительным союзом (в первом примере из Хроники Далимила), обозначающий то событие, которое именно и помешало

стр. 102—103. Весь контекст, однако, показывает, что обе глагольные формы не вполне равнозначны: не прѣстаще (516, 16) представляет только констатацию факта без подчеркивания желательности действия для его субъекта; наоборот, мы узнаем, что отшельник неохотно впустил в дом стучавшуюся женщину и по необходимости принял ее лечить; в противоположность этому форма не прѣстанѣшие именно означает „не хотела перестать“; в строках, предшествующих этой форме и следующих за ней, подробно рассказывается, как настойчиво и долго добивалась женщина, чтобы отшельник впустил ее в свою келью, как упорно она не хотела оставить свой замысел.

¹ Аналогично и впольской Флорианской псалтыри: tegdy snadz zghynal bych. Ср. Psalterii Florianensis partem polonicam ad fidem codicis recensuit... Wl. Nehring. Posnaniæ, 1883, стр. 130.

осуществиться действию, выраженному формой имперфекта. Несколько иной характер имеет только первый пример — из Виттенбергской псалтыри: если в остальных случаях речь идет о конкретной нереализованной возможности в прошлом, так сказать, на линии эпического повествования, то здесь форма имперфекта обозначает абстрактную, вневременную нереализованную возможность (ср. наст. вр. *gest* в первой части сложного предложения).

Интересно отметить, что это модальное значение чуть было не осуществившейся возможности может быть выражено не только имперфектом совершенного глагола, но и имперфектом *bieše* в сочетании с причастием страдательного залога глагола совершенного вида, а также в сочетании со специфическим предложным оборотом отглагольного существительного: *Když sě hrabí brániti bieše, / čím by sě brání, nejmieše; / neb všecky tětivy zetlely biechu, / a z čeho by jiné učinili, nejmiechu. / Juž hrad na ztraceniu biese* [вариант — *Již právě hrad ztracen bieše*], / *by se byla ciesařovna nedomysliša spěše / na zábradlech státi / a takto voleti...* (Dal. J., 39, 81); *Vítek Ojieřovic... juž právě jat bieše, / by sě neopravil spieše* (Там же, 104, 220).

* * *

Другой характер носит модальное употребление имперфекта совершенных глаголов в современном болгарском языке.

Во-первых, оно получило здесь очень широкое распространение: речь идет не о каких-то изолированных примерах, насчитываемых единицами, а о массовом явлении. При этом интересно отметить, что употребление это распространено не только в контексте повествования, но и в разговорном языке и что поэтому оно, в частности, нередко встречается в прямой речи действующих лиц в литературных произведениях.

Во-вторых, в современном болгарском языке мы чаще всего имеем дело с другим модальным значением и с другими типами контекстов, чем в рассмотренных сейчас примерах. Интересующие нас формы имперфекта употребляются здесь по большей части в условных предложениях и выражают гипотетическое условие какого-либо другого действия, выраженного в главном предложении.

В-третьих, значение прошедшего времени, действия в прошлом, никак не является в этих случаях обязательным: интересующая нас форма может обозначать условие, мыслимое не только в плане прошедшего, но и в плане настоящего и будущего или в плане „вневременном“ (условие, относящееся ко всякому времени).

Наконец, в-четвертых, рассматриваемое условное значение имперфекта совершенных глаголов по своему характеру ничем не отличается от условного значения имперфекта несовершенных глаголов и от условного значения плюсквамперфекта (см. выше, стр. 72—73). С точки зрения модальности мы имеем здесь дело с одним единым явлением, — но тем отчетливее выступают непосредственно видовые различия в значении одного и другого имперфекта.

В главном предложении, к которому относится придаточное с имперфектом в значении условного наклонения, обычно бывает употреблено либо сложное условное с *бих*, либо простое условное (так называемое наклонение пассивной готовности, или *eventualis*), либо формы будущего или (чаще) „будущего в прошедшем“ в модальном значении, либо конструкция с *да* (так называемый конъюнктив). Момент соотносительности между действием главного и действием придаточного предложения

характерен для этого типа употребления не в меньшей мере, чем для кратно-соотносительных типов. В зависимости от характера действия придаточного предложения и характера временного соотношения между ним и действием главного предложения определяется вид глагола, стоящего в форме имперфекта. В тех случаях, когда действие придаточного предложения должно быть совершено, должно стать „готовым фактом“, чтобы могло иметь место действие главного предложения, имперфект будет образован от глагола совершенного вида.

Рассмотрим примеры:

С формой сложного условного в главном и союзом *ако* в придаточном предложении: *Само ако се обърнеше никак си вятърът и почнеше да духа насреща ѹ, той би могъл да надникне и в тая пазва* (Гнездо, 138) — „Только если бы ветер как-нибудь изменил свое направление и начал бы дуть ей навстречу, он мог бы проникнуть ей за пазуху“. Сложное условное в главном предложении четко указывает на модальное значение интересующей нас формы в придаточном. Если бы в главном был употреблен имперфект, придаточное значило бы „Если ветер, бывало, изменит направление и начнет дуть ей навстречу“, т. е. мы имели бы дело с кратно-парным типом.

Аналогично: *Някой от вас там, ако никак си случайно попаднеше в нашия партиен кръг тук, сигурно много работи биха го накарали да се посмее сърдечно, но в същност нищо комично няма тук* (КВ, 88) — пример из письма, т. е. своего рода прямой речи, и не относится к плану прошедшего; *Ако човек го погледнеше от страни, би си помислил, че той не се интересува и не знае, какво става в тази къща* (Снаха, 48).

С союзом *да*: *Да му дадеха време една четвърт век да мисли, пак не би могъл да разгадае тая тайна.* (МиД, 157); *Пораснал си ти, станал си съвсем друг. Да те срещнеше никакъде другаде, бог знае дали те бих познал* (КВ, 5) — пример из прямой речи, не относится к плану прошедшего: „Если бы я встретил тебя в другом месте, бог знает, узнал ли бы я тебя“.

Примеры с „будущим в прошедшем“ в главном предложении:

Нито тоя гъстак не би могъл да го укрие, защото, ако той заблуднеше гонителите, то псетата щяха да го намерят. (ПИ, III, II, 389); *Той [инвалид Игнат, брошенный полицейскими в тюрьму] разбра, че всичко тутка беше бесполезно, че върши глупости [пытаясь открыть дверь]. — Къде?.. Дори и да се отворежа сега всичките врати по никакво чудо пред него, ами навън нали стоеше часовият, ами с този крак [с деревянной ногой] къде щеше да върви?* (КВ, 78) — „Он понял, что все здесь бесполезно, что он делает глупости. Куда?.. Даже если бы каким-нибудь чудом перед ним открылись все двери, но ведь снаружи стоял часовой, да и куда он пошел бы с этой ногой?“ Снова условие мыслится не в плане прошедшего: если бы сейчас в данную минуту открылись двери. *И десет пъти да сложеха софата, нямаше да каже: стига, не съм гладна* (Татул, 167). В последнем примере действие придаточного предложения мыслится как многократное; в большинстве других примеров выступает, как мы видели, значение однократности.

Пример с будущим (в модальном употреблении) в главном предложении: *Клетата Рада, как ще е щастлива, ако узнаеше това!* (ПИ, III, XIV, 433) — „Бедная Рада, как бы она была счастлива, если бы узнала это!“ Здесь главное предложение имело бы при другой форме глагола в придаточном (например: *ако узнае това*) другое значение: „как она будет счастлива“ („если узнает“ — „реальное“ условие).

Пример с конъюнктивом в главном предложении: *Скоро и троицата се прехвърлиха през зида с опасност да бъдат изпушкани от войнствения игумен, ако случайно ги зърнеше от прозореца си* (Там же, I, III, 27) — „Скоро все трое перемахнули через ограду, рискуя быть подстрелянными воинственным игуменом, если бы он случайно увидел их из своего окна“.

Примеры с простым условным (эвентуалисом) в главном предложении представляют, может быть, наиболее трудный случай в том смысле, что прошедшее время эвентуалиса формально совпадает в большинстве случаев с имперфектом изъявительного наклонения и потому лишь более широкий контекст позволяет установить гипотетический характер всей ситуации.

Рассмотрим следующее место из Кр. Велкова, в котором автор передает ход мыслей одного из действующих лиц романа, Нако (кулака, обнаружившего появление революционных настроений среди эксплуатируемых им крестьян): *Трябващ да се гаси, и то навреме... Не трябващ да се допушта. Дигнеха ли глави селяните, пропадаше той!..* (КВ, 70) — „Нужно было гасить и притом — своевременно... Нельзя было допускать. Если бы только крестьяне подняли голову, он бы пропал!“ Ясно, что здесь невозможно понимание „если (бывало) поднимут голову, он пропадал“; из всего предшествующего контекста мы знаем, что крестьяне села Борова еще ни разу не поднимали головы против Нако, и он ни разу „не пропадал“. То, о чем Нако думает, в тот момент, когда он об этом думает, относится еще к будущему и притом — лишь предполагаемому. *Дигнеха ли глави* выражает гипотетическое условие действия, обозначенного в главном предложении формой эвентуалиса *пропадаше*.

Сходным образом определяется значение интересующей нас формы в следующем примере из Ив. Вазова: *И той [болгарский народ в канун апрельского восстания 1876 г.] слушаше, и той гълташе жадно животворната реч [агитаторов-революционеров], като пресъхнало гърло кристалната струя. Кажеха ли му [глагол *кажа* в болгарском языке совершенного вида]: бъди готов, трябва да мреш!* — церковата даваше попа си, школото даскала си, полето орача си, майката сина си. *Идеята със стихийна сила проникваше всъду, обхващаще всичко...* (ПИ, II, XVI, 299). При понимании в смысле кратно-парного типа мы получили бы: „когда ему говорили (как только ему, бывало, скажут): будь готов, нужно умереть! — церковь давала своего священника, школа — своего учителя, поле — своего пахаря, мать — своего сына“. Более естественным, однако, является другое понимание: „если бы ему сказали: будь готов, нужно умереть! — церковь дала бы [готова была бы дать — эвентуалис] своего священника, школа — своего учителя“ и т. д.

Наоборот, в следующем примере более естественным представляется понимание в смысле кратно-парного типа: *Илия лъжеше безгрешно, както го бяха научили. Той се обиждаше, ако някой се усъмниеше в качеството на това мяко* (КК, 22) — „Он обиждался, если кто-нибудь сомневался, если кто-либо, бывало, усомнится“. Не исключено, однако, и понимание формы *обиждаше* как эвентуалиса и, следовательно, всего предложения как „он готов был обидеться, если бы кто-нибудь усомнился“.

Наконец, пример параллельного употребления в главном предложении будущего в прошедшем (в модальном значении) и эвентуалиса: *Тинята, която беше излял Нако върху неговата любов, беше тъй гъста и дълбока, че Ванко се видя безсилен да я извади от нея.*

Стъпеше ли по-решително в нея, щеше да потъне и той, рухваха [эвентуалис: „готовы были“ или „должны были рухнуть“, отсюда — параллелизм с *щеше да потъне* — „потонул бы, должен был бы потонуть“] **всичките му надежди за охолно и златно бъдеще на приемник на Нако** (КВ, 52).

Условные предложения с имперфектом совершенного глагола в модальном значении встречаются и вне рассмотренных сейчас типов контекста. Ср., например: *Ако пламиеше навсякъде, тогава друго. Но кой ще го увери, че така ще бъде?* (ПИ, II, XIV, 288) — „Если бы [восстание] вспыхнуло повсюду, тогда — другое дело. Но кто его заверит, что это будет так?“; *В един миг през ума ѝ минаха хиляди опасности за чедото ѹ, ако тръгнеше за Бяла Черква* (Там же, II, XXXI, 358) — „...если бы оно отправилось в Бялу Черкву“.

Отметим, что если имперфект в таких примерах может, как мы видели, не относиться к плану прошедшего, то при совместном употреблении имперфекта и плюсквамперфекта между обеими этими формами устанавливается некоторая перспектива во времени: плюсквамперфект обозначает более раннее, предшествующее действие, предварительное условие, а имперфект — более позднее, нередко мыслимое как потенциально современное моменту речи. Таково, например, соотношение этих форм в следующих контекстах: *Ако не бяха ѹ [богине Фемиде] вързали очите, та видеше* [в болгарском языке совершенного вида] *това, що се върши по съдилищата, тя щеше, макар и на хартия написана, да се изчерви...* (Разкумил, 199) — „Потому что если бы ей не завязали глаза и она увидела бы, что творится в судах, она, — хотя она и нарисована на бумаге, покраснела бы“; *У него се създаде такава представа за тебе, едва ли не за никакъв легендарен юнак, че ако ти беше дошъл в Борово и те видеше, сигурно би се разочаровал от дребния ти ръст и смачканите ти одежди* (КВ, 86).

Переходя к вопросу о возможных „заменах“ имперфекта совершенных глаголов в рассматриваемом сейчас употреблении, мы обращаем внимание на то, что здесь мы, повидимому, не найдем привычной нам по кратно-соотносительным типам „замены“ посредством „обычного“ имперфекта несовершенных глаголов. Выступая в значении условного наклонения, форма имперфекта глагола совершенного вида, кажется, вовсе не могла бы быть заменена в современном болгарском языке формой имперфекта глагола несовершенного. Если все же в некоторых случаях подобная „замена“ и могла бы иметь место, то она сопровождалась бы существенным изменением смысла. Так, в примере из „Под игото“ III, XIV, 433 (см. выше, стр. 117) *ако узнаеше* значит „если бы узнала“, *ако знаеше* значило бы „если бы знала“ (ср. *ако добитъците знаха да говорят*, стр. 72), форма же *узнаваше* была бы здесь, повидимому, вовсе невозможна. Происходит это, очевидно, потому, что при модальном употреблении имперфекта в значении условного наклонения видовые значения совершенности и несовершенности противопоставлены друг другу гораздо более резко, чем при кратно-соотносительном употреблении. Там, как мы видели, и для болгарского и для других славянских языков в „замене“ имперфекта совершенного глагола имперфектом глагола несовершенного нет ничего необычного; подобная „замена“ бывает там связана лишь с некоторым ослаблением наглядности, красочности выражения, но не сопровождается существенным изменением смысла всей ситуации.

С другой стороны, „замена“ имперфекта совершенного глагола в значении условного наклонения настоящим временем совершенного глагола представляется в принципе возможной без существенного изме-

нения смысла, а, может быть, лишь с легким изменением эмоциональной окраски, по крайней мере такая замена вполне возможна во всех тех случаях, когда речь идет не о плане прошедшего. Ср., в частности, следующие примеры: *Но каква стойност би имала тая добродетел, ако виновното лице почне да разправя публично пред приятели и познати за нея?* (ЕП, 78) — „Но какую ценность имела бы эта добродетель, если бы виновное лицо начало рассказывать о ней публично перед друзьями и знакомыми?“; *Ако ний всичките почнем да мислим като тебе за „недопустимостта“ на това и на онова, светът сигурно би слязъл един кръг по-долу в ада* (КВ, 30). В подобных случаях вся ситуация относится к плану настоящего или будущего или к „вневременному“ плану общих истин, что, однако, как мы видели, вовсе не исключается и при использовании имперфекта. Ср. далее параллельное употребление настоящего времени и имперфекта в следующем примере из Йовкова: *На масата пред кърсердарина са сложени две кърпи: бяла и червена. Това са условните знаци за сейменините, скрити в пусия. Ако беят развеен от прозореца бялата кърпа, това значеше милост; ако развеене червената, значеше смърт* (Ст. л., 9). Повествование движется в историческом настоящем. Условие вполне реально: если бей взмахнет белым платком, стражники, скрытые в засаде, не должны стрелять в героя, прибытие которого ожидается, если взмахнет красным платком, — они должны убить героя. Какое-либо различие в значении форм *развеен* и *развеене* может быть связано лишь с разной эмоциональной окраской одного и другого предположения. Автор сочувствует герою и как бы не хочет верить, что тот будет вероломно убит; поэтому предположение, что бей взмахнет белым платком, изображается как более реальное (*ако развеен* — „если взмахнет“), а предположение, что он взмахнет красным платком, — как менее реальное (*ако развеене* — „если бы взмахнул“).

* * *

Рассмотренное сейчас модальное значение имперфекта совершенных глаголов — значение условного наклонения — является наиболее типичным, но не единственным модальным значением интересующей нас формы в современном болгарском языке. Наряду с ним существует группа случаев, в которых имперфект совершенных глаголов, будучи употреблен вне рамок условного придаточного предложения, всегда в сочетании с той или иной модальной частицей (обычно частицей *да*, иногда *нека* и др.), а иногда еще и в сочетании с *може би*, *трябва* и т. д., выражает другие модальные значения, например, оптативное (желательное), значение предположения, долженствования и нек. др.

Так, ср. оптативное значение: *Огнянов изслуша с таен трепет финала на тая песен. — Ето, тоя Стоян, — помисли си той, — е типът на легендарния български хайдутин: с мрачно-спокойния поглед на смъртта. Ни една дума на съжаление, на разкайване, на надежда. Иска само да умре хубавец... Де да минеше тоя геройски фатализъм в днешния българин... Ох, тогава съм спокоен за исхода на борбата... Да знаеш да умираш — ето разковничето на победата...* (ПИ, I, XXXI, 185).

В сочетании с *нека* — „пускай, пусть“ встречаем пример своеобразного оптативно-ирреального значения (желание, направленное на прошлое): *И защо му трябваше да гони момчето — нека си набереше царевица, нека цялата нива съмъкнеше у дома си, да се не види*

и нивата ѝ и намерата ѝ (Снаха, 43) — „И зачем ему понадобилось гнаться за мальчиком — пусть бы себе набрал кукурузы“ и т. д.

Гипотетическое значение (в сочетании с *може би да*): *А* кой знае, може би в тоя същи миг момчето стигаше до Бойча през друг път и той тръгваше, без да подозира примката. Може би то да заминеше край самия Колча, да се засене [настоящее время совершенного вида] до лакътя му и Колча да не усетеше (ПИ, I, XXV, 153); *А* може би и да го изтръгнеше от ноктите на смъртта... и да го запази [настоящее время совершенного вида] за себе си и за отечеството (Там же, II, XXXVI, 374). В обоих примерах показательно вполне синонимическое употребление интересующих нас форм имперфекта и форм настоящего времени глаголов совершенного вида.

Значение *должествования* (в соседстве с *тръгваще* и с зависящей от него формой настоящего времени глагола совершенного вида и в сочетании с *да*): *В* правописния закон на министра Ст. Омарчевски имаше някои грешки, които тръгваще да се поправят, *та по този начин тъй нареченият правопис на г. Омарчевски, да станеше наистина правопис* (Ст. Младенов. Етимологически и право писен речник, стр. XIV). Здесь интересующая нас форма стоит в рамках придаточного предложения, но это никак не связано с ее сущностью. Конструкция не изменилась бы и в главном: *Грешките тръгваще да се поправят и правописът на г. Омарчевски да станеше наистина правопис*.

Наконец, может быть выделен еще один случай модального употребления имперфекта совершенного глагола. Это случай, когда в силу законов „согласования времен“ в претеритальном контексте имперфект совершенного глагола появляется в тех типах предложений, в которых вне претеритального контекста (например, в прямой речи) должно было бы стоять в том или ином модальном значении настоящее время глаголов совершенного вида. Например: *Къде се изгуби свекърът?* — *питаше се тя. Защо нямаше писмо от Алекси?* *Защо и Стойко не се обадеше поне с една пощенска картичка?*... (Снаха, 187). Здесь мы имеем дело с своеобразной передачей прямой речи (точнее — мыслей героини), с тем, что в стилистике иногда называется термином *style indirecte libre*. Поскольку все повествование идет в прошедшем времени (*ср. питаше се тя*), глаголы, выражющие содержание мысли, также должны быть употреблены в прошедшем времени. Соответственно в „прямой речи“ было бы так: *Къде се изгуби свекърът?* *Защо няма писмо от Алекси?* *Защо и Стойко не се обади* [настоящее время глагола совершенного вида] *поне с една пощенска картичка?* — Как и по-русски: *Что ж он не напишет, не даст о себе знать хоть открыткой?* Ср.: *Но защо не се преоблечеш, така ли ще ходиш?* (АГ, 65).

* * *

Аналогию к рассмотренным сейчас фактам современного болгарского языка находим, с одной стороны, в хорватском, с другой — в одном явлении серболужицких языков.

Для хорватского мы располагаем, правда, всего лишь двумя, но очень яркими, примерами из дубровницких текстов. Один из них — из комедии Марина Држича „Dundo Maroje“ (сер. XVI в.) — приведен Ягичем¹: *Još da bugjah* [т. е. *budjah*] š njim ter *da ubodijaše signora*

¹ В послесловии к Марииинскому евангелию, стр. 458.

Mara (St. pisci, VII, 287) — в интерпретации Ягича: „если бы случилось, чтоб я был с ним, и если бы так случилось, чтобы он проколол“. Второй пример из поэзии Шишка Менчетича (конец XV — начало XVI в.): za č ne bih sad hodil u ovih nevoljah,/da bih se još rodil kamenkom, ja voljah/Makar ja da zginih po način neredan, / kad najpri procinih, što je noć što li dan,/ vid ne bih osudjen živiti plakaje, / ni bih bil utrudjen skončan’ja čekaje (St. pisci, II, 129). Обращает на себя внимание то, что и в том и в другом случае перед формой имперфекта стоит *da* (во втором примере — *makar da*), как в последней группе рассмотренных выше болгарских примеров.

Что касается серболужицких языков, здесь необходимо указать на следующее. Как в верхне-, так и в нижнелужицком языке есть сложная форма условного наклонения (в номенклатуре Е. Муки „*Condicionalis der Vergangenheit Form I*“)¹, образованная сочетанием причастия на **-A (-I)** со вспомогательным глаголом н.-л. *bužach*, в.-л. *budžech* (1 л. ед. ч.), соответственно *bužašo* и *budžeše* (2 и 3 л. ед. ч.), *bužachmy* и *budžechmy* (1 л. мн. ч.) и т. д., например: *bužach pytał* „ich hätte gesucht“, *bužach násł* „ich hätte getragen“.

Несколько литературных примеров из числа приводимых Мукой: *Ga žascho Martha k Jesuſu: Kněžo, bužascho ty tudy był, moj bratsch nebył humrel* (Иоанна, 11, 21, перевод Фабрициуса, цитирую по изд. библии 1868 г.) = *аште би съде бълъ, не би братъ мои оумрѣлъ* (Мар. ев); *njebužachu-li lubo měli, by se myslili* (Tešnař) „wenn sie nicht lieb gehabt hätten, würden sie denken“. Ср. также *bužach* без причастия на **-I** в сочетании с причастием страдательного залога: *bužach zgubjony* (Chojnan) „ich wäre verloren gewesen“, *bužach rožony* (Stempel) „ich wäre geboren worden“².

Очевидно, что формы *bužach*, *bužašo* и т. д. суть не что иное, как имперфект от глагола *budu* — глагола совершенного вида. Правда, современные серболужицкие языки вообще не знают форм имперфекта, образованных от глаголов совершенного вида (если не считать отдельных случаев, говорящих о смешении аориста и имперфекта, о чем будет речь ниже). Но глагол *budu*, противополагаясь глаголу н.-л. *som*, в.-л. *sym*, выступает как глагол совершенного вида, что подтверждается и данными других славянских языков (ср. упоминавшееся выше др.-р. *будяше* в кратно-перфективном значении и т. д.). Таким образом, мы имеем здесь старую, в современном языке — изолированную форму имперфекта совершенного глагола, выступающую в модальном значении условного наклонения, как это мы видели и в приведенных выше болгарских примерах. Особенно близки к ним те случаи, когда в главном предложении бывает употреблено общеславянское условное с н.-л. *by*, в.-л. *bych* (ср. выше *by se myslili*). В других случаях форму с *bužach* и т. д. встречаем и в придаточном, и в главном предложениях, ср.: *Gaby wón se njebyžašo pušćił, byžašo był zdžaržany* (Casnik, 1852) „wenn er sich nicht losgelassen hätte, wäre er gerettet worden“³ или только в главном при общеславянской форме условного наклонения в придаточном: в.-л. *hdy by ty tudy był, moj bratr njebudžeše wumrjeł* (Мука, стр. 611).

¹ Этот же термин принят в новейших, написанных по-немецки грамматиках, ср., например, *Bogumił Śwela. Grammatik der Niedersorbischen Sprache. 2-te Aufl., bearbeitet und herausgegeben von D-r Frido Mętsk. Domovina-Verlag. Bautzen, 1952.*

² Три последних примера цитирую по книге Муки (E. Mucke) „Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-schwedischen) Sprache“. Лейпциг, 1891, стр. 611.

³ Цитирую по книге Муки, там же; вокализм корня в формах *byžašo* Мука объясняет аналогией формы *by*.

Параллелизм с болгарским усугубляется тем, что и форма, тождественная болгарскому плюсквамперфекту, *běch* + причастие на -*т* оказывается, правда, только в верхнелужицком, и притом, по словам Муки, редко способной к аналогичному употреблению, например: *Hdy bě Hadam njezhrěšíł, njebě smjerć do swěta přišla.* Мука называет эту форму „Conditionalis der Vergangenheit, Form II“¹.

VI. МНИМЫЕ СЛУЧАИ

Кроме подлинных случаев имперфекта совершенных глаголов, рассмотренных в четырех предыдущих главах, имеются также мнимые случаи, которые могут быть разбиты на две группы: а) случаи, в которых глагол в действительности не является глаголом совершенного вида, хотя и кажется таковым с точки зрения нашего языкового чувства, и б) случаи, в которых „имперфект“ не является в действительности имперфектом, а представляет собою „гибридное“ образование — аорист, уподобившийся имперфекту своими личными окончаниями и строением основы.

Тип „а“ генетически так или иначе связан с колебаниями видового значения некоторых основ и прямо или косвенно отражает позднее происхождение совершенного и несовершенного видов в славянских языках. Тип „б“ отражает процесс разрушения старой системы прошедших времен с ее аористом и имперфектом и встречается там и постольку, где и поскольку имеет место этот процесс.

Рассмотрим последовательно один и другой тип.

Тип „а“

Рассмотрение этого типа начнем с наиболее ясных примеров, т. е. с таких, в которых глагольная основа вне всякого сомнения не является основой совершенного вида. Такими наиболее ясными случаями оказываются те, в которых мы имеем дело с глаголом, хорошо известным нам — на основании других данных — как глагол с двойственным видовым значением.

Например, в современном болгарском языке глагол *видя* обычно функционирует как глагол совершенного вида, но, наряду с этим, встречается (хотя и значительно реже) в несовершенном видовом значении. Ср., с одной стороны: *Бъне въздъхна отчаяно. Погледна нивата... погледна гората... погледна Белчо... погледна слънцето... и видя, че е самичък в тоя валог, че от никъде няма помощ* (ЕП, На браздата) — „Посмотрел на ниву, посмотрел на лес и т. д. и увидел, что он один“, или *Трябваше нашата партия да осъзнае това, да види в светлината на своя собствен революционен опит отличието на теснячеството от большевизма* (Г. Димитров. Доклад перед V Конгрес на Българската Работническа Партия (коммунисти). М., 1951, стр. 22) — „Нужно было, чтобы наша партия осознала это, чтобы она увидела в свете своего собственного революционного опыта отличие теснячества от большевизма“; и, с другой стороны, такие примеры: *Та не видиш ли, накъде е тръгнал народа, бре слепчо?* (Сеитба, 133) — „Не видишь ли?“ или *Знаете ли, какво видя сега?* (ПИ, I, XIV, 89) и т. п. Форма имперфекта глагола *видя* не раз встречалась нам выше в кратно-перфективном и в модальном значениях, как это свойственно

¹ Е. Мюске. Ук. соч., стр. 610, схема.

имперфекту совершенных глаголов. Но наряду с этим в языке Вазова имперфект *видеше* может быть употреблен и без какого-либо оттенка значения совершенного вида, т. е. в качестве имперфекта несовершенного глагола, что доказывается следующим примером: *Очите ѹ се бяха втренчили в черното сукнено пардесю на слепеца...* *Тя не видеше вече никого от ония, които тя срещаще* (ПИ, II, VI, 249) — „Она не видела, не замечала никого из встречных“. Ясно, что это *видеше*, употребленное здесь без какого-либо специального оттенка, в контексте, в котором естественное было бы ожидать форму *виждаше* (от *виждам*, несовершенного вида), не следует рассматривать как какой-то „особый случай употребления имперфекта совершенного глагола“. Это вообще не есть имперфект совершенного глагола. Строго говоря, подобные примеры даже не относятся к непосредственной теме нашей работы. Если мы и рассматриваем их здесь, то прежде всего с целью ограничения подлинных случаев имперфекта совершенных глаголов от подобных мнимых, кажущихся случаев, да еще потому, что в более широком плане, в связи с вопросами происхождения глагольного вида, подобные примеры в древнем языке представляют несомненный интерес.

Поскольку речь идет о живом современном языке, двойственность видового значения той или иной глагольной основы всегда может быть четко установлена с помощью целого ряда ясных морфологических и синтаксических критериев. Сложнее обстоит дело, когда речь идет о древнем языке, когда вовсе исключена возможность „эксперимента“, а количество известных нам контекстов интересующей нас формы ограничено тем, что случайно сохранилось в письменных памятниках. Но сложность исследовательской задачи не меняет дела в принципе. И для древнего языка необходимо строгое разграничение подлинных случаев, рассмотренных в предшествующих главах, от случаев мнимых, аналогичных только что приведенному.

Подавляющее большинство глаголов, встречающихся в древнейших письменных памятниках славянских языков, выступает уже со вполне определившимся видовым значением либо совершенного, либо несовершенного вида. Это их видовое значение, как грамматическое значение, присущее данной глагольной основе, сохраняется и в формах имперфекта, образованных от этой основы, в силу чего мы вправе говорить, как это мы и делали до сих пор, об имперфекте глаголов совершенного (и соответственно — несовершенного) вида. Но если даже в современных славянских языках имеются глагольные основы, обнаруживающие двойственность видового значения как в болгарском глаголе *видя* (и в ряде других) или в русских глаголах *родить*, *казнить*, *женить*, *ранить*, и т. д., то еще больше подобных случаев мы можем ожидать, обращаясь к древним периодам их истории. Можно думать, что в древних славянских языках несколько иным был самый характер подобных случаев. Это были не просто „видовые омонимы“, какими являются соответствующие глагольные основы современных славянских языков¹. В древних славянских языках это были постепенно отмиравшие, но в то время еще не отмершие окончательно элементы старого качества, старой системы видовых отношений, господствовавшей до появления совершенного и несовершенного видов. Выступая и в других глагольных

¹ Ср. у А. А. Потебни: „случай... омонимии глаголов совершенных и... несовершенных должны быть понимаемы так, как и всякая омонимия. Рожу, каждый раз как употребляется, есть или глагол несовершенный с настоящим или совершенный с будущим. В современном языке [выделение наше.—Ю. М.] он ни тем, ни другим — безразличием того и другого — быть не может“ (Ук. соч., т. IV, стр. 98).

Формах, двойственность видового значения ряда основ могла обнаруживаться, в частности, и в формах имперфекта.

Весьма показательной иллюстрацией былой двойственности видового значения может служить основа **да-** || **дад-** ст.-сл. глагола *дамъ*.

В современных славянских языках эта основа обычно выступает только с совершенным видовым значением. Правда, в сербо-хорватском она встречается и в значении несовершенного вида, но только в сочетании с отрицанием при выражении запрещения; отсюда — *не дадијаше* у Вука Караджича в переводе евангелия (Марка, 11, 16 и Луки, 4, 41). Подобное ее употребление имелось и в старославянском, ср. в Мариинском евангелии: *И въшедъ исъ въ црквъ начатъ изгонити продајши таѧ. и коупоу~~ж~~тица... и дъскы тръжникъ... испроверже. и не дадваше никому же мимо нести съсѣдъ сквозь црквъ* (Марка, 11, 16); в Зографском евангелии: *исхождаахъ же и бѣси отъ мъногъ въпилжите и глижите. въко тъи еси хъ снъ бжии. и запрѣштаѧ не дадваше* [в Мар. ев. *не давше*] *имъ глати* (Луки, 4, 41).

Можно, однако, думать, что в древности колебания видового значения были свойственны основе **да-** || **дад-** не только в указанных пределах, но и шире. Так, ср. в древнерусском языке причастие настоящего времени этого глагола, например: *и тако прѣбывааше не дадыи себѣ покоя бѣдниемъ и мѣтвами* (Ж. Ф., 24⁶) = современному *не давая*; сочетание инфинитива *дати* с глаголом „фазовости процесса“, например: *или холопъ ударить свободна мужа а бѣжть в хоромъ, а господинъ начнетъ не дати его* (Русская Правда в краткой редакции, 17) и ряд других примеров, из числа собранных Потебней¹. Ясно, что и в форме имперфекта эта основа могла встретиться не только в своем новом значении — значении совершенного вида, как это мы видели, в частности, в примерах Ил. 6622, 278 (см. стр. 83), ПВЛЛ, вводн. ч., 12 (см. стр. 86), Супр. 207, 15 (стр. 100) и в некоторых других², но иногда и в старом значении предельного действия, еще не переосмысленном в подлинную совершенность. Может быть, именно так и надо понимать некоторые древнерусские примеры имперфекта этого глагола с отрицанием, вроде *Печенѣзи... придоша и сташа около Бѣлагорода, и не дадяху выльсти из города* (ПВЛЛ, 6505, 127, в РА *не даяху*); ...и быс(ты) *страхъ на всѣхъ. И оттолѣ не дадяху клятися с(вя)тою б(огороди)цею никому же* (КПП, л. 20). Если в этих примерах имелся оттенок модального значения, как в рассмотренных выше (стр. 112—114) древнерусских, древнечешских и старославянских примерах, то, скорее всего, уже как вторичное явление, как своего рода переосмысленные формы, еще употреблявшейся, но уже становившейся непонятной.

В один ряд с приведенными сейчас древнерусскими примерами становятся такие старочешские, как: *ty pány Horníci s měščany jednoho dne jechu / a životy jím otjeti inhed chtiechu. / Toho učiniti někteří nedadiechu, / však je tvrdě schovachu* (Dal. J., 102, 215), т. е. „не давали“; так — в Венском списке конца XIV в.; в других, более поздних списках читается *nedachu*, т. е. употреблен аорист (= „не дали“). Ср. еще: *že jemu nedadiechu vsiesti na kuori* (Troj., 114^a) и с аористом *múdrější toho učiniti nedachu* (Dal. J., 47, 96)³.

Кроме подобных примеров, имеется два древнерусских примера без отрицания, с менее обычным для имперфекта этого глагола оформлением

¹ Ук. соч., т. IV, стр. 48—50.

² В современном болгарском ср. пример Мид 157 (у нас стр. 117).

³ Ср. Gebauer. Archiv für slavische Philologie, т. 25, стр. 351.

основы: *Посла к Радимичемъ. ръка камо дань даете. они же рѣша Козаромъ. и ре(ч) им Олегъ не даите* [так в Л., в ИТ: не даваите] *Козаромъ. но мнѣ даите* [так в Л., в ИТРА: даваите] *и вѣдаша* [РА: *даша*] *Ольгови по щълягу, якоже Козаромъ да ху* [так только в Л., в ИТРА: *даяху*] (ПВЛЛ, 6393, 24) — „как (раньше, до того) давали хазарам“; *Ярославу сущу в Новѣгородѣ и урокомъ дающю 2000 гривенъ. о[т] годъ до годъ. Кыеву, а тысячию Новѣгородѣ гривень раздаваху. и тако да ху вси посадници Новыгородьстии* (ПВЛИ, 6522, 114 — в Л: *даяху*, в А: *даваху*, в Р: *давахутъ*).

Очевидно, значение интересующей нас формы *даху* в обоих примерах полностью и без остатка покрывается значением простой кратности (без момента перфективности и специфической соотносительности с другим действием), т. е. полностью соответствует одному из значений „обыкновенного“ имперфекта несовершенных глаголов. Замена настоящим временем глагола совершенного вида была бы здесь, конечно, невозможна. Форма *даху* настолько не имеет ничего общего со значением совершенного вида, что напрашивается мысль о случайной описке вместо правильного *даяху* или *даваху* других списков, тем более что и основа выступает здесь в непривычном для имперфекта оформлении — без конечного *-д-*. И все же нет достаточных оснований видеть здесь описку. Что касается основы, то подобное ее оформление, совпадающее с оформлением основы инфинитива — аориста, нельзя считать просто неправильным, — в принципе оно было допустимо и для имперфекта, который, повидимому, сначала вообще образовывался именно от инфинитивной основы (ср. параллелизм *зъвааше* || *зовъаше* в старославянском, при наличии признаков, говорящих о большей древности формы *зъвааше*)¹. Думается, что и в древнерусском *даху* надо видеть старую архаическую форму имперфекта, сохранившую старое „довидовое“ значение простой предельности (и, соответственно, простой кратности) — предельности, еще не перешедшей в перфективность, в значение совершенного вида.

Так же, повидимому, объясняется и имперфект от древнерусского *молвити*: *И о то{мъ} бы(с) м[еж]ю или ненависть. Ярополку на Ольга. и моляще всегда. Ярополку Свѣналдъ. поди на братъ свои* (ПВЛЛ, 6483, 74). Хотя в современном русском языке *молвить* — глагол совершенного вида, в древнерусском он может выступать и с несовершенным видовым значением или проявлять „нейтральность“ в отношении к виду в современном смысле слова, — ср. *нача ей молвити* (ИЛ, 6770, 859—860); *Двѣ же ... нача молвити на Василка* (ПВЛЛ, 6605, 257) и т. п. В современном польском языке глагол *mówić* несовершенного вида.

Среди приставочных, сложных глаголов, выступающих в современном языке в качестве совершенных, также встречаются в древнем языке яркие примеры сохранения былого „довидового“ значения простой предельности действия, в частности — и в формах имперфекта.

Разумеется, рассматривая эти формы имперфекта, мы оставим в стороне примеры вроде ст.-сл. *сълежааше* (Марка, 2, 4), так как эти примеры находят себе полную параллель в современных глаголах несовершенного вида типа русских литературных *подлежать*, *принадлежать*, *состоять*, *зависеть*, *содержать* и пр., в которых приставка также не перфектирует глагольную основу. Во всех этих случаях речь идет

¹ Ср. несомненный имперфект *дашеть* в Ипатьевской летописи 6622, 278 (у нас на стр. 83).

о глаголах статического состояния с суффиксом **-e-** в основе инфинитива и с основой на **-i-** в настоящем времени. Из этого обстоятельства, однако, не следует, чтобы все глаголы с таким же соотношением основ сохраняли несовершенный вид в сложении с приставками. Не говоря уже о глаголе **видѣти**, отражающемся в современном болгарском как простой глагол совершенного вида (см. выше), т. е. имеющем совершенное видовое значение и вне соединения с приставками (нередко так и в старославянском), есть много других глаголов этого же морфологического класса, которые, соединяясь с приставкой, нормальным образом переходят в совершенный вид не только в современных, но и в древних славянских языках.

Так, нормально относятся к совершенному виду приставочные образования от ст.-сл. **зърѣти** — **зърѣх** (**оузърѣти**, **прозърѣти** и т. д.). Но тем интереснее случаи отклонений, с которыми мы встречаемся в **на-зърѣти** и **зазърѣти**, в частности, в следующих примерах: **бѣ члвѣкъ тоу и рѣка деснаа емоу бѣ соуха. і назърѣахъ и кънижъници и фарисѣи аште въ соботѣ исѹслилѣ-и** (Мар. ев., Луки, 6, 7). Зографский, Остромиров и Ассеманиев кодексы имеют **назираахъ**, что нормально соответствует греческому имперфекту **παρετίθον**. В парадельном месте (Марка, 3, 2) все кодексы имеют форму **назираахъ**. Таким образом, именно **назирати** является нормальным образованием несовершенного вида для данного лексического значения¹. Форму **назърѣахъ** Мариинского евангелия можно понять только как пережиток той поры, когда еще не было производного глагола **назирати** и не было даже нужды в нем, поскольку глагол **назърѣти** не стал еще глаголом совершенного вида, а был „безвидовым“ недифференцированным в смысле совершенности и несовершенности. Так же надо понимать и следующее место: **і видѣвъше едины отъ оученикъ его. нечистама рѣкама. си рѣчъ не оумъвенама єдїшта хлѣбы зазърѣахъ** (Мар. ев., Марка, 7, 2). В греческом тексте **ἐμέμφατο**, т. е. аорист „осудили“; но славянская форма не может иметь здесь такого значения, она обозначает „осуждали“, „поридали“, представляя собой по своему значению „обычный“ имперфект несовершенного глагола. Таким образом, глагол **зазърѣти** выступает здесь как несовершенный или „безвидовый“.

Переходя к другим типам основ, прежде всего следует остановиться на старославянском глаголе **послушати**, несовершенное видовое значение которого в древнем языке было уже не раз отмечено в литературе². Это значение ясно выступает и вне форм имперфекта, например, в форме настоящего времени в таком контексте, как: **глѧахъ же мъноси от нихъ. бѣсъ иматъ. і неистовоъ есть. что его послушаате** (Мар. ев., Иоанна, 10, 20) — „что вы его слышите?“; в форме причастия настоящего времени³ **люде бо въси дръжаахъ са его послушаїште** (Там же,

¹ Ср. также **бѣахъ назираїште** (Луки, 14, 1).

² Впрочем, Мейе (Общеславянский язык, 239), полагал, что причина несовершенного видового значения глагола **послушати** заключается именно в его суффиксе **-e-**, как это имеет место у глаголов типа **сълежати** (см. выше), хотя глагол **послушати** и принадлежит к другому морфологическому классу.

³ Что касается причастий настоящего времени в старославянском и других древних славянских языках, то нам представляется не совсем правильным стремление Эллен Гермелин (*Über den Gebrauch der Präsenspartizipien von perfektiven Verben im Altkirchenslavischen*. Упсала, 1935) найти в каждом засвидетельствованном старославянском примере какой-либо специфический оттенок значения, вызывающий употребление совершенного вида. В ряде случаев ее толкования интересны и убедительны, но в других случаях звучат явной натяжкой, и именно потому, что она совершенно не учитывает возможности пережиточного сохранения былой „безвидности“ ряда глагольных основ. Впрочем, сама Гермелин признает, что ей был недо-

Луки, 19, 48); аналогично в древнерусском: *пребываите мирно послушающе бра(т) брата* (ПВЛЛ, 6562, 161). Естественно, что и в формах имперфекта этот глагол может выступать с несовершенным видовым значением, например, в Мар. ев.: *и родъ бо бѣша сѧ иоана. вѣдѣ и мѣжа праведъна и ста. и хранѣаше и. и послушаша его мѣнного творѣше и въ сласть его послушааше* (Мар. ев., Марка, 6, 20 — в Зографском без приставки: *слушааше*); *и мѣнози народи послушаахъ его въ сласть* (Там же, 12, 37 — в Ассеманиевом и Никольском *многъ народъ слушааше*); *не бѣша же оу него разлѣченъя богатоуомуоу и оуб(о)гоуомуоу. ни послушааше коли вельможъ* (Супр., 557, 12). Аналогично в древнерусском языке: *Володимеръ же слушаше ихъ. бѣ бо самъ любя жены. и блуженіе многое. послушаше сладко* (ПВЛЛ, 6494, 85); *а святый Глѣбъ послушаше его, сѣдя и не отлучащеся отъ блаженаго Бориса, но с нимъ день и ноць послушаше его* (Чт. о Борисе и Глѣбе, 93—93⁰); *имяше его, яко единого о(т) прывыихъ стыхъ оцъ, и вельми послушаше его, и творяше вся повелѣная ему отъ. . оца.* . Федосия (Ж. Ф., 13).

С другой стороны, глагол *послушаши* как будто может выступать в старославянском языке и в значении совершенного вида. Ср., в Марииинском евангелии: *и не послушаша ихъ овѣца* (Иоанна, 10, 8 — в других кодексах так же) — „но не послушались их овцы“.

В Саввиной книге мы встречаемся с отсутствием значения совершенного вида в форме имперфекта глагола *проити*, а именно в следующем примере: *и проидѣше іс грады всѧ и всѧ оуча въ съничищахъ. и проповѣдала еꙗ. црствию. и цѣла всакъ неджъ. и всакж азж въ людяхъ* (л. 38 об., в изд. Щепкина, стр. 19 = Матф., 9, 35). В прочих кодексах стоит *проходжаши*. В связи с формой *проидѣше* восточноболгарского памятника — Саввиной книги — возможно, так же надо понимать и *сънидѣша* другого восточноболгарского памятника — Супрасльской рукописи (496, 10) — в примере, который выше (на стр. 100) был приведен как единственный случай кратно-цепного типа в старославянском языке.

В Супрасльской рукописи есть еще и другие примеры отсутствия значения совершенного вида в формах имперфекта (и в некоторых других формах, особенно в причастиях), образованных от глагольных основ, нормально выступающих (в позднейшем языке, в прочих памятниках старославянского, да и в самой Супрасльской рукописи в других случаях) в совершенном видовом значении. Так, например: *рѣкож* [т. е. *рѣкои*] же *плѣть дрѣжаахъ. а доушж* [т. е. *доушет*] *ба поразоумѣахъ. и вънѣждѣ обраштаахъ чоудесно. а жтрѣждѣ страшно* (511, 20 и 22), ср. параллелизм *дрѣжаахъ — поразоумѣахъ — обраштаахъ*.

... *бѣстъ мѣжъ пророкъ сильнъ дѣломъ и словомъ. мороу прѣтиаше и оутишааше сѧ. сильнъ дѣломъ и словомъ съ проказы съвлѣче* *тако же съ ризы. сильнъ дѣлы. повелѣвааше вѣтромъ. и оустѣпаахъ сильнъ словомъ. касааше сѧ жъгомътимъ огнемъ. и хладни бывааахъ. сильнъ дѣлы. глаголааше адови. и єзношааше тѣлѣнныѧ. сильнъ словомъ. възъмъ патъ хлѣбъ прѣкрыми множество. сильнъ дѣлы. слово слова разорилъ. и тлѣпы бѣсъ въ свиниа посыглааше. сильнъ словомъ касааше сѧ соусъ рѣце. и тѣгда жде на слѣжѣ отъсылааше. сильнъ*

ступен капитальный труд Г. Ульянова, которого „кажется, нет ни в одной из скандинавских библиотек“ (ук. соч., стр. 14), не говоря уже о IV томе „Из записок“ А. А. Потебни, опубликованном лишь в 1941 г.

дѣломъ. проклинаше смоквницж и ѹсъхнѣаше... (476, 24). Повидимому, было бы неправильно приписывать форме *їсъхнѣаше* значение кратности — речь идет об одном эпизоде, и по смыслу уместнее всего здесь был бы аорист; но патетическое описание „чудес“ Христа в целом дано в эпически-монументальных имперфектах, — хотя это и не выдержано последовательно (ср. аористы *съвлѣче*, *прѣкрыми* и перфект *разориль*). Повидимому, именно значение „обычного“ имперфекта, имперфекта несовершенного глагола, имеет здесь и интересующая нас форма.

... *дивиша сѧ недомъслиша сѧ въкоупѣ и въстреметаша и овъ ихъ зѣа стояше. овъ же колѣнома лице покрѣвааше. а дроугъи ницъ задѣхнѣаше сѧ. и инъ тако мрѣтвъ оцѣпааше. а дроугъи оужасомъ дрѣжимъ бѣ. и облѣдѣвъ лежааше. а дроугъи въ жѣрѣниихъ прибѣжиштихъ иштазааше* (466, 13). Отметим, что простые глаголы, соответствующие сложным *исъхнѣти* и *задѣхнѣти* сѧ, неравноценны по своему видовому значению в современных славянских языках: ср. русск. *сохнуть*, *сах*, болг. *съхна* — несовершенного вида, но русск. *дохнуть*, болг. *дѣхна* — совершенного вида (рядом с русск. *дохнуть*, *дох* — несовершенного вида).

Как известно, именно в Супрасльской рукописи отмечен ряд фактов, говорящих о пережиточном сохранении некоторыми глаголами архаической двойственности видового значения (большое число причастий настоящего времени от основ, ставших позже исключительно совершенными, и некоторые другие факты), и, таким образом, приведенные сейчас формы имперфекта могут считаться вполне естественными для языка этого памятника.

В некоторых случаях и в старочешском языке можно отметить пережитки былой недифференцированности совершенного и несовершенного видов в имперфектах, образованных от приставочных основ, являющихся с точки зрения современного чешского языка исключительно основами совершенного вида. Вероятно, именно так надо понимать следующие примеры: *král káza naň střeleti*, *v tu dobu každá střela jeho neduojdúc u povětří ostanieše* (Pass., 363); *když pocítil smrt, že sě k němu přiblížieše*, *povolav k sebě syna svého a jej mnohým ctnostem učíl* (Пулк. хрон., цит. по Гебауэр, ук. соч., стр. 345). Также в стихотворных текстах: *kdyz [богач] ſobie tak zle tuſſieſſe / Obozie nycz netbagieſſe. / Šſbozym ſye wezdy wadieſſe. / anemocz ſie prziblizieſſe. / T(eh)dy on chtieſſe ſye tulati.* (Градецкая рукопись, 142^a, 425); *krew po meczych wnadra teczyeſſe / a w nadryzech gym zmrznyeſſe* (Dal. C., 126^a, в рукоп. Z. stydnieſſe, а в других — как в С., см. Dal. J., 158).

Первые три из этих старочешских примеров Гебауэр толкует в плане своего очень расширенного понимания итеративности („первая, вторая, третья ... выпущенная стрела оставалась висеть в воздухе“; „формой имперфекта... приближение смерти обозначено как происходящее шаг за шагом“ — als ein schrittweises, там же)¹. Думается, что такое толкование искусственно и в нем нет нужды, поскольку еще Ульянов и Потебня указали на возможность в древних славянских языках двойственного видового значения приставочных основ, выступающих в современных славянских языках исключительно в значении совершенного вида. В соответствии с этим мы имеем здесь дело с мнимыми „имперфектами совершенных глаголов“, т. е. с имперфектами глаголов, совершенных в современном чешском, но не являвшихся исключительно совершенными в языке древнем.

¹ Четвертого примера Гебауэр не приводит.

Тип „6“

Рассмотрим теперь мнимые случаи, говорящие об упадке старой нормы употребления аориста и имперфекта. В этих случаях форма с окончаниями имперфекта, будучи образована от основы совершенного вида, функционирует в значении обыкновенного аориста или в значении того „прошедшего совершенного“, которое призвано его заменить.

Так, в древнерусской летописи, в Повести временных лет: *Угри же погнаша по них(ъ), яко бѣжаще минуша Боняка и Бонякъ погнаше* [явно вместо аориста *погна*] *сѣка в тылъ, а Алтунопа възвратиша* [явно вместо аориста *възврати ся*] *вспять...* (ПВЛЛ, 6605, 271). Таких примеров еще мало в более древних текстах, позже их становится больше. Естественно, что при начавшемся смешении форм аориста и имперфекта сохраняется, соответственно живому языковому чувству писца, именно вид глагольной формы. Иными словами, форма аориста совершенного глагола может быть свободно заменена формой с окончанием имперфекта, так как различие окончаний становится несущественным, но вид глагола должен быть сохранен, форма обязательно должна быть образована от глагольной основы того же совершенного вида.

Это ведет — чисто внешне — как бы к „возрождению“ имперфекта совершенных глаголов, но „возрождение“ здесь мнимое — формы эти наполнены совсем другим содержанием и генетически не имеют ничего общего со старым употреблением.

Отдельные примеры употребления форм совершенных глаголов с окончаниями имперфекта вместо правильных форм аориста этих глаголов наблюдаются и в древнечешских текстах. Такие примеры встречаются, начиная со второй половины XIV в., а в стихотворных текстах, в рифме, может быть, и несколько раньше. В более поздних памятниках количество подобных случаев увеличивается.

К числу наиболее ранних примеров относятся, повидимому, следующие, взятые из Градецкой рукописи: *Kdyz Marja syn(a) porody. / tat ſye giey radoſt przhody. / przigiedu przied ny trzie krali. / po hviezdy z we-like dali. / a kdyz przied ny przigiediechu, / wſichny zagedno kleknuechu, / dietatko bohem nazwachu/a ſſwe gemu dary wzdachu* (121^b, 360); *plat weczye ieden kros iemu. / I prowrrze ten kros k nemu. / I ſſady druhý nan ſpiesſe. / Ten kros opiet prowrrzieſſe. / Oſm wrhov weſdy poſpolu. / ztrati ſwecz u toho ſtolu* (126^b, 372). Гебауэр и эти случаи стремится истолковать как содержащие своеобразно понимаемую итеративность („пришел и стал на колени первый король, второй король, третий король“, ук. соч., стр. 346; портной „проиграл второй грош, сделав несколько последовательных бросков“, а именно — восемь бросков, там же, стр. 345). Думается, что и здесь нет нужды прибегать к такому, слишком искусенному объяснению. Гораздо правильнее будет считать, что во всех этих случаях имперфект употреблен вместо аориста в эпоху, когда в живом языке разница между этими двумя формами уже начинает стираться. Отметим, что, употребив аористы *přijedechu, kleknuchu* и *provrže*, мы не получили бы здесь рифмы¹.

Со второй половины XIV в. подобные примеры начинают попадаться, как сказано, и в прозе, например: *když učinieſe bičik, všeckny vyhna z chrámu* (Венское ев., Иоанна, 2, 15 = cum fecisset, eiecit) — вместо правильного *učini*; *oheň s nebes přida mnoho lidí ſpaleſſe* (Pass. Klem., 70^b) —

¹ Об ошибочном употреблении имперфекта вместо аориста в примере 121^b говорит Ягич, Мар. ев., стр. 459.

вместо правильного *spali*¹; *když vstáše* s modlitby a přijide k učenníkům svým, nalezl je spíce (Олом. ев., Луки, 22, 45 = cum surrexisset et venisset, invenit) — вместо правильного *vsta*; *Marta když uslyšíše*, že Ježíš přišel, vyběže protiv ňemu (Там же, Иоанна, 11, 19 = ut audivit, occurrit) — вместо правильного *uslyše*.

Как и в аналогичных древнерусских примерах, мы имеем здесь дело не с „возрождением“ имперфекта совершенных глаголов, а со смешением аориста и имперфекта, свидетельствующим об утрате их в живом языке того времени. Живой, активной категорией в сознании пишущего является вид, и в выборе вида пишущий не делает ошибки. Ошибается он только в выборе окончания, и это потому, что в живой устной речи он уже не употребляет ни аористных, ни имперфектных окончаний, а пользуется „перфектом“, прошедшим на **-I**. Так и получается, что к основе совершенного вида он может присоединить иной раз — вместо более „естественных“ для нее аористных окончаний — окончания имперфекта.

Примеры аориста совершенных глаголов, оформленного по типу имперфекта, встречаются, и, по свидетельству Муки, нередко², также в серболужицкой языковой области. Ср., в частности, в нижнелужицкой библии: *A won žascho k'nim, nutsch pschiduzy: zo wy sogolischo a pła-zoscho?* Та goliza nejo samrěla, ale wona spi. *A woni hūbmejachu* Be-jomu (Марка, 5, 39, перевод Фабрициуса, цит. по изд. 1868 г.) — „И он говорил им, войдя внутрь: что вы горюете и плачете? Девочка не умерла, а спит. И они высмеяли его“. У Лютера: *Und sie verlachten ihn*. Правильной формой был бы аорист *husmjachu se* или имперфект несовершенного глагола *smějachu se* („смеялись над ним“, как в Мар. ев.: *ržgaaxh emouy*). Аналогично: *A Lot... wosta na tej goře se bwojima hobyma žowkoma; pscheto won be bojasche Zoare wostasch; a wostascho togodla we jadnej jame se bwojima hobyma žowkoma* (1 книга Моисея, 19, 30, перевод Fryce) — „И Лот... остался (правильная форма аориста) на горе со своими обеими дочерьми; потому что он боялся остаться в Зоаре; и остался (форма с личным окончанием имперфекта) потому в пещере со своими обеими дочерьми“. У Лютера оба раза *bließ*. Кроме этих двух примеров, Мука указывает и на ряд других — *pš žešo* вместо *pšíše*, *zachopšo* вместо *zachopi*, *hoslěpjach* вместо *hoslěpich*, *zgasnjašo*, *wzešo*, *skócyšo*, *hoblacešo*, *zeblacešo* и т. д. у нижнелужицких поэтов и прозаиков, а также в народных песнях³.

Как видим, в одних случаях речь идет только о присоединении личного окончания имперфекта к основе, оформленной как основа аориста (*zachopšo*, *skócyšo*, *scinišo*), в других — также и об оформлении конца основы по типу основы имперфекта (*hoslěpjach*, *zgasnjašo*, *husmjachu se*). Тем не менее и в этой последней группе случаев мы не вправе говорить об имперфекте совершенных глаголов, перед нами мнимые случаи, именно, как правильно говорит Мука, „falsche Aoriste mit

¹ Травничек (ук. соч., стр. 305) и, вслед за ним, Гавранек (ук. соч., стр. 227) видели в этом примере одно из доказательств того, что имперфекту совершенных глаголов будто бы вообще было присуще значение однократности. Конечно, имперфект обозначает здесь разовое, однократное действие, как и во всех других примерах этой рубрики, но это именно потому, что имперфект здесь „мнимый“, что это, собственно, не имперфект, а неживая форма с окончаниями имперфекта вместо окончаний аориста. Подлинный имперфект совершенных глаголов мог выступать в однократном значении, но в совсем иных случаях (см. выше, стр. 115).

² По крайней мере у глаголов первого спряжения в нижнелужицком, относительно которых Мука прямо говорит: „Falsche Aoriste mit Imperfectform sind nicht selten“ (ук. соч., стр. 549, примеч. 2).

³ См. ук. соч., стр. 525, 549, 587—588.

Imperfectform". Появление подобных мнимых случаев вполне закономерно, — в живом языке сербов-лужичан идет процесс утраты аориста и имперфекта, что не может не отражаться и на литературном употреблении. В восточнолужицком мужаковском говоре, исследованном в 1907—1908 и в 1913 гг. Л. В. Щербой, уже вовсе не сохранилось к тому времени никаких форм старого аориста и имперфекта, кроме формы „*бё*“ = ст.-слав. *бѣ*, которая перестала изменяться по лицам и числам¹. Правда, в текстах, приложенных Л. В. Щербой к его исследованию, один раз встречается еще имперфект *с'агахи* („проходили“), но в тексте, сочиненном по специальному заказу, лицом, обладавшим „некоторым знанием письменного языка“².

Понятно, что в обстановке (полной или частичной) утраты аориста и имперфекта в живых народных говорах отмеченные сейчас мнимые случаи „имперфекта совершенных глаголов“ оказываются в серболужицкой области вполне аналогичными рассмотренным фактам древнерусского и старочешского языков.

Заключение

В предыдущих главах мы рассмотрели употребление имперфекта совершенных глаголов в кратно-перфективном и модальном значениях, а также две группы мнимых случаев на материале ряда славянских языков. Задачи настоящей, заключительной главы сводятся к тому, чтобы, во-первых, в виде краткой сводки представить данные об употреблении имперфекта совершенных глаголов по отдельным языкам; во-вторых, попытаться сделать определенные исторические выводы, т. е. предпринять посильную реконструкцию того хода развития, который можно предполагать для эпохи, предшествующей письменным памятникам.

* * *

Старославянский язык характеризуется, как мы видели, слабым развитием кратно-перфективного (см. стр. 99—100) и модального (см. стр. 114) употребления имперфекта совершенных глаголов. Зато здесь довольно высок процент мнимых случаев типа „*а*“, т. е. случаев, связанных с пережиточным сохранением архаической недифференцированности видовых значений „совершенности“ и „несовершенности“ (см. стр. 125, 127 и сл.). Мнимых случаев типа „*б*“ классический старославянский, кажется, не знает вовсе, и это естественно, так как имперфект и аорист полностью сохраняют в нем свою жизненную силу.

Древнерусский литературный язык отличается, по крайней мере в привлеченных памятниках повествовательного жанра, высоким развитием кратно-перфективного употребления имперфекта совершенных

¹ См. Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие. Том I, П., 1915. На стр. 133 в примечании к § 247 здесь говорится о самостоятельном употреблении этой формы, а на стр. 135 в § 251 рассматривается ее употребление в качестве частицы „желательного наклонения“ в сочетании с формой на „-и- || -и-“, т. е. со старым причастием прошедшего времени действительного залога. В последнем случае мы имеем, таким образом, дело с модальной категорией, возникшей из общеславянского плюсквамперфекта, что представляет собою еще одну параллель к фактам, рассмотренным выше, на стр. 72—73 и 123.

² См. ук. соч., Приложение, стр. 22 и стр. 4. В сноске Л. В. Щерба прямо указывает: „Форма теперь вовсе не употребляемая и даже инкому непонятная“.

глаголов (см. стр. 81 и сл.). Сопоставление в этом вопросе материалов древнерусского и старославянского языков лишний раз подтверждает необходимость пересмотреть традиционную точку зрения, согласно которой в древнерусских памятниках эпического жанра имперфект употреблялся будто бы исключительно под влиянием церковнославянского языка, а живой разговорный язык древнерусской поры будто бы вовсе не знал форм имперфекта, как не знает их официально-канцелярский язык древнерусских грамот.

Уже одна только формальная сторона древнерусского имперфекта, обнаруживающая ряд отличий от старославянского, ясно говорит о том, что общеславянский имперфект сохранялся и существовал на русской почве независимо от старославянского влияния. Именно в связи с этим обстоятельством ряд ученых высказывает предположение, что древнерусские писатели употребляли формы имперфекта „не потому только, что выучивались им из церковных книг, а потому, что черпали из непересохшего еще родника живой речи“¹. Анализ синтаксического употребления имперфекта совершенных глаголов решительно подтверждает эти предположения. Именно имперфект совершенных глаголов, получивший развитие в памятниках древнерусского литературного языка, почти отсутствует, как мы видели, в старославянских памятниках. Таким образом, старославянский не мог послужить в данном случае образцом для древнерусских писателей. Очевидно, следует сделать вывод, что имперфект совершенных глаголов и имперфект вообще представляют собой самостоятельное явление в русском общенародном языке древнейшей поры, явление, особенно развившееся в некоторых литературных жанрах этого общенародного языка. И это становится понятным в свете общего положения советского языкоznания о малой проницаемости морфологической системы языка, о конкретно-историческом, национальном своеобразии этой системы как важнейшего элемента грамматического строя, составляющего вместе с основным словарным фондом „основу языка, сущность его специфики“².

То, что имперфект совершенных глаголов в кратно-перфективном значении не был в древнерусском языке явлением, занесенным извне, разумеется, еще не обеспечивало его устойчивости. Общая тенденция к отмиранию имперфекта и аориста действовала в языке, и интересующая нас форма подвергалась заменам — с одной стороны, более распространенным имперфектом несовершенных глаголов, а затем вытеснившим его перфектом, а с другой — и это, как мы видим, не случайно, — настоящим временем глаголов совершенного вида.

Что касается второго типа употребления интересующей нас формы, ее употреблений в модальных значениях, то этот тип не получил сколько-нибудь полного развития в древнерусском языке. Относящиеся сюда случаи (стр. 112—113 и сл.) по большей части допускают и иные tolkovания, как и соответствующие примеры старославянского языка. Мнимые случаи обоих рассмотренных выше типов имеются в древнерусских памятниках, причем тип „а“ встречается чаще в памятниках более раннего периода (см. стр. 125 и сл.), а тип „б“ — главным образом в более поздних текстах (см. стр. 130).

В древнечешском языке, как и в русском, мы встречаемся с высоким развитием кратно-перфективного употребления (см. стр. 92 и сл.). Оба языка — древнечешский и древнерусский — обнаруживают

¹ И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка, СПб., 1889, стр. 132.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкоznания. Госполитиздат, 1953, стр. 26.

поразительное сходство в этом вопросе, вплоть до деталей. Все же это сходство вряд ли можно объяснить культурно-историческим взаимодействием. Не отрицая того, что взаимная связь между древнечешской и древнерусской культурой и литературными языками одного и другого народа, очевидно, имела место, — хотя вопрос о характере этой связи содержит много неясного¹, — мы не думаем, однако, что связь эта могла проявляться и в одинаковости употребления таких грамматических форм, как имперфект совершенных глаголов. Гораздо вернее будет предположить, что в обоих языках отмеченное сходство явилось не плодом каких-либо влияний и заимствований, а отражением общности отправных материалов и сходства во внутренних законах развития этих языков. В этом убеждают нас и материалы других привлеченных славянских языков — старохорватского и современного болгарского.

Модальные значения имперфекта совершенных глаголов представлены в древнечешском языке (см. стр. 113—116) несколько шире, чем в древнерусском.

В области замен для кратно-перфективного имперфекта мы наблюдали выше существенное различие между русским и чешским языками, заключающееся в том, что в качестве замены, связанной с сохранением видового оттенка, в чешском выступает не настоящее время глаголов совершенного вида, а перфект этих глаголов, что отвечает интересной особенности в синтаксисе вида в современном чешском языке — способности прошедшего на -I совершенных глаголов в широких масштабах выражать многократное действие (см. стр. 96). В качестве замены для некоторых модальных типов используется условное наклонение с *bych* (см. стр. 115).

Мнимые случаи также имеются в древнечешском, особенно — мнимые случаи типа „б“ в более поздних памятниках (см. 130—131).

В значительной мере иную картину показывает нам современный болгарский язык. В области кратно-перфективного значения имперфекта совершенных глаголов (см. стр. 104 и сл.) отличие от древнего употребления является здесь относительно меньшим, но все же оно явно бросается в глаза: при сопоставлении с аналогичными фактами древних славянских языков мы обнаруживаем в современном болгарском языке отчетливую тенденцию к „упорядочиванию“ правил употребления интересующей нас формы, к более строгой нормализации и типизации ее употребления, в частности — к ограничению ее употребления рамками придаточного предложения. В соответствии с тенденцией ограничить употребление имперфекта совершенных глаголов рамками придаточного предложения мы отмечаем, что в современном болгарском языке слабо представлен кратно-цепной тип. Однако кратно-парный и кратно-пределный типы не обнаруживают здесь — в рамках придаточного предложения — каких-либо признаков „одряхления“, хотя рядом существуют и „замены“ имперфекта совершенных глаголов в тех же конструкциях, причем — именно те „замены“, которые получили развитие в древнерусском языке, т. е. „обычный“, несовершенный имперфект и настоящее время глаголов совершенного вида (см. стр. 107—108).

Наиболее специфической чертой по сравнению с положением дел в древних славянских языках является широкое и очень живое упо-

¹ Ср., в частности, справедливые возражения Д. С. Лихачева (например, в книге „Возникновение русской литературы“. М.—Л., 1952, стр. 168—169) против точки зрения, выдвинутой акад. Н. К. Никольским („Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры“. Вып. I, Л., 1930, стр. 47 и сл.) и предполагающей одностороннюю зависимость начальной русской летописи от западнославянской хронографии.

требление в современном болгарском языке имперфекта глаголов совершенного вида (как и имперфекта несовершенных глаголов и плюсквамперфекта) в значении условного наклонения (см. стр. 116 и сл.). Это — новая черта, очевидно, получившая распространение в более поздний период истории языка. Встречаются в современном болгарском языке и некоторые другие случаи модального употребления интересующей нас формы (см. стр. 120 и сл.).

Что касается мнимых случаев, то их по существу нет и не может быть в современном болгарском языке. Нечто похожее на мнимые случаи типа „а“ можно встретить лишь у глаголов с двойственным видовым значением (см. стр. 123—124). Но эти случаи принципиально отличаются от внешне сходных случаев в языках древних. В современном языке речь идет лишь о видовой омонимии¹, в древнем языке — о пережиточном сохранении былой „безвидовости“, по крайней мере — в наиболее ясных и, так сказать, „классических“ случаях. Мнимых случаев типа „б“ в болгарском языке не может быть, так как аорист и имперфект здесь не смешиваются.

Материал других привлеченных славянских языков, значительно меньший по объему, играл для нас в некотором роде подсобную роль.

Мы видели, что на сербо-хорватской почве в прошлом, когда имперфект совершенных глаголов еще употреблялся, его основным значением, как и в других языках, было кратно-перфективное значение (см. стр. 101 и сл.) с тремя синтаксическими разновидностями — кратнопарным, кратно-цепным и кратно-пределным типами. Встречалось здесь и модальное значение, по крайней мере — в сочетании с союзом *да* (см. стр. 121—122), что, как и факты употребления в некоторых современных говорах имперфекта (несовершенных глаголов) и плюсквамперфекта в значении условного наклонения (см. стр. 72 и 73), до некоторой степени сближает сербо-хорватский язык с болгарским.

Очевидно, кратно-перфективное значение или, по крайней мере, значение многократности, имелось у интересующей нас формы и в словенском (см. стр. 103), а модальное значение условного наклонения — в верхне- и нижнелужицком (см. стр. 122—123).

Собственно, лишь один польский язык остается здесь в стороне, но объясняется это тем, что древнейшие письменные памятники польского языка отразили лишь самую последнюю фазу процесса смешения и утраты старых простых прошедших времен, так, что у нас нет никаких фактических данных для суждения о том, был ли в польском языке имперфект глаголов совершенного вида и если был, то как именно он употреблялся.

* * *

Теперь, заканчивая нашу работу, попытаемся сделать определенные исторические выводы, поставить рассмотренные здесь факты в некоторую историческую связь между собою.

Общеизвестно, что именно в вопросах синтаксиса, употребления грамматических форм, сравнительно-историческое исследование наталкивается на особенно серьезные трудности. В этих вопросах бывает подчас невозможно отличить унаследованное от параллельно развившегося. Но это не значит, что мы не должны пытаться провести такое разграничение в каждом отдельном случае. Как же обстоит дело в отношении интересующих нас форм имперфекта?

¹ Ср. сноску на стр. 124.

Повидимому, мнимые случаи типа „а“, т. е. случаи, связанные с пережитками более старых отношений в области глагольного вида, составляют наиболее древнее, наиболее архаическое явление из числа рассмотренных на протяжении этой работы. Этот тип, как мы видели, существует лишь в остатках в древнерусском и древнечешском языках и, в относительно больших размерах, представлен в старославянском, в том числе и в языке евангелия. Этот тип мы смело можем считать праславянским, существовавшим еще в общеславянском „языке-основе“.

Конечно, формы имперфекта возникли раньше, чем началось развитие совершенного и несовершенного видов, они возникли в эпоху лексических „способов действия“ и выделявшегося из них противоположения предельных и непредельных глаголов (см. стр. 69 и сл.). Очевидно, формы имперфекта первоначально свободно образуются как от непредельных, так и от предельных основ. Можно думать, что собственным значением имперфекта в эту пору было значение простой (некратной) длительности действия в прошлом и что длительность и предельность действия не противоречили друг другу, так как действие предельное (ограниченное в перспективе некоторым пределом) могло мыслиться и как длительное, протяженное во времени¹. Ведь именно так обстоит дело в тех неславянских индоевропейских языках (например, германских, кажется, и в литовском), где „полувидовая“ категория предельности не превратилась в перфективность и где, потому, например, настоящее время терминативных (предельных) глаголов может употребляться в функции конкретного настоящего. Ср. в готской библии Вульфили: *ja h̄ gawandjands sik du thizai qinon qath du Seimonan: gasaihwis tho qinon?* (Луки, 7, 44) — „и обернувшись к той женщине, сказал Симону: видишь ли эту женщину?“ — пример, где терминативный глагол *gasaihwian* употреблен в форме настоящего времени в значении конкретного настоящего „видишь“ (женщина, о которой говорят, находится в момент речи перед глазами говорящего и слушающего, в греческом тексте настоящее время *βλέπεις ταῦτη τὴν γυνήν*, в Мар. ев. *видиши ли сих женъ*).

Поскольку длительность и предельность могли сочетаться друг с другом и имперфекты могли свободно возникать и употребляться и от предельных основ, следует допустить, что позже, в эпоху, когда возникают и получают широкое распространение „вторичные несовершенные основы“ и большая часть предельных основ постепенно превращается в основы совершенного вида, в языке оказывается уже существующей готовая форма имперфекта совершенных глаголов.

Каким же могло быть значение этой формы?

Пока имперфект образовывался от предельной основы, он мог сохранять свое старое значение простой длительности; с тех пор, как вместо предельной основы является основа совершенного вида, значение простой длительности исключается, вместо длительности в собственном смысле, простой длительности (одного) действия, мы получаем длительность ряда действий, каждое из которых может быть и недлительным. Короче говоря, вместо длительного (дуративного) значения

¹ Ср. выводы, к которым приходит Е. В. Чешко, исследуя глаголы движения в Зографском кодексе, в частности, например, следующее положение: „конкретное действие, выраженное определенной основой [автор имеет в виду прежде всего определенно-моторные основы, но также, очевидно, и все другие типы „определенных“, т. е. по нашей терминологии, предельных основ, ср. выше, стр. 69—70] может быть представлено длительным и недлительным, в зависимости от чего образуются формы имперфекта и аориста“ (Е. В. Чешко. Ук. соч., стр. 342).

мы получаем многократное (итеративное). При употреблении формы имперфекта, образованной от основы совершенного вида, как раз и имеется в виду, что отдельные акты данного ряда носят характер завершенных действий, готовых фактов, что каждый такой акт не только в перспективе ограничен пределом, но и на деле его достигает. Иными словами, мы и получаем то самое кратно-перфективное значение, которое было рассмотрено выше на материале ряда славянских языков.

Когда же происходит этот переход от имперфекта предельного глагола к имперфекту совершенного глагола?

На основании выдвинутых сейчас общих соображений можно было бы думать, что переход происходит сразу же с возникновением совершенного и несовершенного видов, так как готовая форма для интересующей нас категории уже была в языке, иными словами, можно было бы думать, что имперфект совершенных глаголов возникает в поздний общеславянский период, когда начинает складываться современная система вида. Но рассмотренный фактический материал в одном пункте несколько противоречит такому предположению и заставляет внести в него некоторую поправку. Дело в том, что, как мы видели, согласованные показания древнерусского, древнечешского, старохорватского и современного болгарского языков противостоят отсутствию кратно-перфективного значения и вообще подлинных случаев имперфекта совершенных глаголов в старославянском переводе евангелия и слабому развитию этой категории в других старославянских текстах. Учитывая это положение вещей, мы, вероятно, должны будем допустить некоторую задержку, некоторый разрыв во времени между возникновением совершенного вида и возникновением имперфекта совершенных глаголов.

Может быть, прав проф. Т. П. Ломтев, который считает, что, благодаря особому видовому оттенку в значении имперфекта, дифференциация собственно видовых значений проходит в этой форме несколько позже, чем в некоторых других формах глагола, в частности в формах настоящего времени¹. Можно думать, что эта дифференциация происходит после обособления отдельных славянских языков, хотя в основном она предшествует возникновению письменных памятников на этих языках. В условиях такой дифференциации бывшие предельные основы, став совершенными, могли почти перестать употребляться в формах имперфекта, как это случилось в старославянском, либо, если они употреблялись, они получали в этих формах новую функцию — функцию кратно-перфективную, как это было сейчас изложено. Иными словами, мы скорее готовы склониться к мысли, что кратно-перфективное значение развивается в каждом из славянских языков в основном уже в период их обособленного существования. Сходство между ними в этом вопросе, касающееся и многих частностей, может служить ярким примером грамматического сходства, обусловленного сходством внутренних законов развития близкородственных языков.

Повидимому, еще позже, чем развитие кратно-перфективного значения, происходит развитие модальных значений интересующей нас

¹ См. выше, стр. 76. — Соглашаясь в этом вопросе с Т. П. Ломтевым, сделаем все же одну важную оговорку. У проф. Ломтева получилось так, что в формах имперфекта видовая дифференциация протекает в основном уже в период после возникновения первых письменных памятников на древних славянских языках, в силу чего не мог получить, с точки зрения его концепции, правильного освещения имперфект глаголов совершенного вида, который огульно рассматривался проф. Ломтевым как пережиток „довидового“ состояния. Мы полагаем, что в формах имперфекта видовая дифференциация произошла если и позже, чем в формах настоящего времени, то в основном все же в дописьменный период.

формы. Старославянский и древнерусский языки обнаруживают лишь зачатки такого развития, древнечешский идет несколько дальше, в современном болгарском модальное значение становится по своей роли в языке на один уровень с кратно-перфективным. Развитие модальных значений имперфекта совершенных глаголов было вполне закономерным, так как оно органически вытекало из общей способности славянского имперфекта выражать модальные значения и, особенно, значение условного наклонения (см. выше, стр. 72). Степень единобразия между отдельными славянскими языками в области модальных значений интересующей нас формы является, как неоднократно было отмечено, значительно меньшей, чем в области кратно-перфективного значения. Но все же и здесь наблюдаются поразительные совпадения, в том числе и между такими славянскими языками, которые не имели непосредственного географического или культурно-исторического контакта (ср. факты болгарского и серболужицких языков).

В порядке параллельного развития возникают в разных славянских языках и замены рассмотренных нами типов (ср. древнечешскую замену с помощью перфекта совершенных глаголов, отсутствующую в древнерусском). При этом, однако, основные возможности таких „замен“, в частности, „замены“ с помощью настоящего времени глаголов совершенного вида, возникают также на базе сходства внутренних законов развития славянских языков.

Старая сравнительная грамматика сосредоточивала все свое внимание на реконструкции исходного прайзыкового состояния и, соответственно, на изучении того общего, что унаследовано родственными языками от их общего источника — прайзыка. То, что не было унаследовано, а развилося как общее, либо вовсе не учитывалось ею, либо также рассматривалось (только на том основании, что оно общее) как унаследованное от прайзыка. Между тем, родство языков обнаруживается не только в общности исходных унаследованных материалов, но и в сходстве некоторых позднее развившихся явлений, отражающих сходство внутренних законов развития этих родственных языков. Именно на эту важную сторону дела обращают сейчас внимание советские языковеды-компаративисты. Напомним, что, говоря о необходимости изучения языкового родства, в частности языкового родства славянских наций, И. В. Сталин подчеркнул именно то важнейшее обстоятельство, что „изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкоzнанию большую пользу в деле изучения законов развития языка“¹, изучение же законов развития языка, внутренних законов его развития и составляет главную задачу языкоzнания. Это значит, что исследование должно проводиться не только с целью реконструкции тех или иных прайформ, не только с целью гипотетического восстановления каких-то фактов древнейшей истории родственных языков (эта задача, стоявшая в центре внимания старого сравнительного языкоzнания, разумеется, не снимается), но — и это самое важное — с целью выяснения общих исторических закономерностей развития этих языков и шире — законов развития языка вообще.

В разрезе этой большой задачи, стоящей сейчас перед советским языкоzнанием, существенное значение приобретает изучение явлений, хотя и не „прайзыковых“, не унаследованных от эпохи „языка-основы“, но общих родственным языкам в порядке параллельного развития.

¹ И. С та л и н. Марксизм и вопросы языкоzнания, стр. 34.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
► С. Г. Бериштейн. Основные задачи, методы и принципы „Сравнительной грамматики славянских языков“	5
П. С. Кузнецов. Чередования в общеславянском „языке-основе“	24
Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках	68

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства Г. А. Лескис

Технический редактор А. А. Киселева

Корректор Р. Ф. Астафьевва

*

*РИСО АН СССР № 4313. Т-06263. Издат.
№ 304. Тип. вакаа № 1180. Подп. к печ. 28/X
1954 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Бум. л. 4,37.
Печ. л. 12,1. Уч.-издат. 12,3. Тираж 5000.*

Цена по прейскуранту 1952 г. 7 р. 40 к.

*

*1-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12*

ll. 7 p. 40 κ.